

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

4. 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики
по национальной политике,
внешним связям, печати и
информации

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере свя-
зи, информационных технологи-
гий и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике 05
февраля 2014 г. Регистрацион-
ное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»

**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов
М. Магоматов
З. Алиева
С. Алиев
Л. Довлеткиреева
Р. Межиева
А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 965-959-56-81
E-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru
Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТЬ

Раиса АХМАТОВА.
Откуда ты, хороший человек?... Стихи. 2

ПРОЗА

Альберт МАГОМЕДОВ.
Рассказы. 6
Имран ИСМАИЛОВ.
Линия судьбы. Документальная повесть. *Продолжение.* 26

ПОЭЗИЯ

Тауз ИСС.
Дорога Родины... Стихи. 21
Хава ГАГАЕВА.
Я ухожу... Стихи. 55
Ваха ДОКАЕВ.
И пришел человек... Стихи. 78

ДЕБЮТ

Зарета ДЖАМАЛДИНОВА.
О чем ты мыслишь в тишине? Стихи. 52

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Владимир КАМИНЕР.
Лучшая часть Европы. Рассказы. 59

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Роза МЕЖИЕВА.
Волшебные маски поэта. 82
Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА.
Восток и Запад в поэзии Раисы Ахматовой. 99

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ГУЦЕРИЕВ.
О чеченцах. 88
Рауль ВАГАПОВ.
*Развитие библиотечного дела
в Чечне и Ингушетии в 1920-1980-е годы.* 105

ИСТОРИЯ

Мовсур ИБРАГИМОВ.
*О генетическом родстве чеченских тайпов
с гребенскими и терскими казаками.* 95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ..... 112

Память

Раиса Ахматова
(1928 – 1992)

Раиса Ахматова родилась 13 декабря в семье рабочего в Грозном. Еще до выселения, в 1943 году успела окончить Грозненское педагогическое училище. В годы депортации, в Казахстане, работала учительницей, а с 1956 года – журналисткой. Окончила Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького. Ахматова – единственная женщина, удостоенная звания «Народная поэтесса Чечено-Ингушетии»; она принимала активное участие в общественной жизни республики и страны: с 1961 по 1983 годы являлась председателем Союза писателей Чечено-Ингушской АССР, делегатом XXII съезда КПСС; была участницей Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, а также – членом Советского Комитета защиты мира. В последние годы своей жизни возглавляла республиканское отделение Советского фонда культуры. Ее книги неоднократно издавались и переиздавались на разных языках мира. Является автором нескольких поэтических сборников: «Ожидание», «Поющая чинара», «Вдохновенье» и др. К сожалению, полный архив (более 600 папок) ее произведений был уничтожен во время Первой чеченской войны.

Откуда ты, хороший человек?..

Сквозь чашу темную иду,
Мне ветки полосуют спину,
Но если ветки я раздвину,
Луну увижу я в пруду.

Ах, лес! Тебе не надо слез,
Тебе нужна роса на травах,
Тебе нужны следы на тропах
И отблеск солнца в каплях рос.

О мудрость вечная дерев...
К тебе я трудно приобщаюсь,
И вдруг в чинару превращаюсь,
Осмыслить это не успею.

У ног качаются цветы,
Лучи, как паутинки, в кроне,
И цепко землю держат корни
В единстве вечной красоты.

А я пройду сквозь строй секущих вьюг
И по привычке суну ноги в стремя –
Пусть пауки свои наветы вьют.
Все за меня – и солнечные стрелы,

И всплеск волны, и холодок росы,
И всех счастливых новостроек стены,
И первый взмах волнующей косы,
И росчерк человека во Вселенной.

Я – человек! А значит я сильней
И подлостей бездушных, и смертей.
Пусть подлецы всех рангов и мастей
Завидуют бессмертности моей.

Я просто на ладони поплюю,
И время я пришпорю, как коня.
Вселенная – за будущность мою
И будущность Вселенной – за меня.

Ее ладони, как сухие листья, –
 Вот-вот осенним ветром унесет.
 В ее глазах осенний, низкий, мглистый,
 Без глубины, без солнца небосвод.

Ей чужды и жестокость и сердечность.
 Она костер, что выгорел дотла.
 Я поняла теперь, насколько вечность
 И осязаема, и тяжела.

Не выходи на жатву до сезона:
 Стихи – зерно мужающей души.
 Крестьянин хлеб не выкосит зеленым,
 И ты, поэт, со словом не спеши.

Древний мастер

Как в сундуках, копаемся в веках,
 Перебираем черепки и лица,
 Курганы скифов, пышный саркофаг,
 Пресветлый лик египетской царицы...

Ах, Нефертити!
 Ты опять жива.
 Везучи и живучи властелины.
 Так что ж обходит мастера молва,
 Твое лицо родившего из глины?

Все так же сжат надменный пухлый рот,
 Все так же властно вздернут подбородок.
 И фараонша сквозь века идет,
 Но неизвестен мастер-самородок.

Откуда ты, хороший человек?
 Откуда ты, прохожий человек?
 А может, это вовсе ни к чему:
 Что имя даст поступку твоему?
 Я безымянной доброту приму.
 Я безымянной чистоту приму.
 Ушел прохожий.
 Знаю, носит он
 Миллионы человеческих имен.

Цветок отцвел. Но нет еще плода.
 Ночь отошла. Но день еще не начат.
 Меня страшит надгробная плита.
 Она одна все четко обозначит.

От даты к дате, точно по прямой,
 Кратчайшим расстоянием
 жизнь промчалась.
 Стремилась к ясности, а в ней самой
 Все только начиналось, намечалось...

Так будь благословен, скользящий миг,
 Неудержимый и неповторимый,
 Когда всей силой дел и чувств моих
 Служила я стране моей любимой.

Я – поле, вспаханное для посева,
 Засейте – будет урожай неплох.
 Но что взойдет? Пшеница-королева
 Или бессмысленный чертополох?

Я для любви и нежности открыта,
 Но и для злобы я обнажена...
 Друзья мои – надежда и защита,
 Врагами – много раз обожжена.

Все на земле от вас зависит, люди,
 Ведь нам один на всех достался век.
 Пусть каждый человек
 счастливым будет,
 Чтоб счастье щедро разделить на всех.

Доброта

Пусть славится вовеки доброта...
 Не доброта бездумного терпенья,
 Не доброта слепого всепрощенья,
 А доброта зеленого листа,
 Дороги дальней, позднего костра,
 Глотка воды, куска ржаного хлеба...
 Но пусть темнеет доброта, как небо,
 Когда греметь грозе придет пора.
 Чтоб защитить добро себя могло

От засухи блаженного покоя,
Пусть доброта готова будет к бою,
И лишь тогда она повергнет зло!

Все в мире начинается с весны,
Совсем как с непоседливого детства...
Проталины еще едва видны,
Но флот спускает паренек соседский.
Кораблик! Вместе с детством уплывай
Из ручейков весенних прямо в реки!
Сейчас весна. Но летний урожай
Уже незримо зреет в человеке.

Никак, никак не взять мне в толк,
Как у меня
Огромн долг...
Мы часто в долг
Любовь берем,
Потом
Долгов не отдаем.
Без напряженья, без затрат
Берем мы мысли напрокат.
И счастье – в долг,
И в долг – цветок.
Но чтобы расплатиться в срок,
Со дня рожденья
День за днем
Себя мы
Отдаем земле...
Но канув в беспробудной мгле,
Все, даже те, кто велики, –
Мы перед жизнью должники.

Под топором гудят чинары,
Раскинув ветки по земле.
Шрам от смертельного удара
На остывающем стволе.

И распахнув вспотевший ворот,
Довольный крикнул дровосек.
А на опушке каркнул ворон,
Как будто умер человек.

Разговор с сердцем

А я тебя, родное, не щадила:
Со льда – в огонь и заново – на лед.
Таким путем судьба меня водила,
Что я долгам утрачивала счет.

Мой хрупкий дар, нас век отметил всяко!
Бывало, он согнет меня в дугу,
И я кричу, уже на грани мрака:
– Хоть ты спаси, я больше не могу!

А вот смеюсь – и ты со мной хохочешь,
За все вины забыв меня винить.
Я заскорблю – и ты со мною хочешь
Порвать страстей мучительную нить.
Спасибо, друг. Но что там впереди?
Опять кричу:
– Хоть ты не подведи!

Где-то в дальнем далеке
Свет звезды давно зажегся,
И уверенно улегся
Он теперь в моей руке.

Я стою и вся дрожу,
Вся растаяла беспечность,
Потому что это вечность
На ладони я держу.

Но не все ли мне равно,
Как дорога бесконечна,
Если просто и беспечно
Поддержать звезду дано?!

В ней наивность малыша,
И огонь ее не жжется...
Говорят, не всем дается
В руки звездная душа.

За доверье, за тепло
Той звезде я благодарна...
Как ребенок, не коварна –
С ней мне очень повезло.

Как пшеничное зерно,
Свет струит глубокий, чистый,
С этой звездочкой лучистой
Мирозданье мне дано.

Я видела породу ту,
Что в хладнокровие играла
И, не стесняясь, выдавала
Бездушие за прямоту.

Мой друг, остерегайся их:
Нет ничего у них святого –
Из светлых слов создать готовы
Броню для черных дел своих.

Моря из слов! Начнешь тонуть,
Но стоит заглянуть поглубже,
На месте моря – просто лужа.
Спешి ее перешагнуть!

Он жил на двадцать пятом этаже,
К нему случалось, залетали птицы...
В его высокой памяти уже
Стирались человеческие лица.

За окнами белели облака,
И мир казался вспененным и белым,
Как будто ясность зоркого зрачка
Он добровольно выменял на бельма.

Бывало солнечно. И сверху вниз
Он взглядывал на город муравьиный
И думал так о нем: «Угомонись,
Познай покой, хотя б на миг единый».

Давно он позабыл зеленый цвет,
Он верил в белое и голубое,
Он любовался слишком много лет
Своей большой, возвышенной судьбою.

Но вот и он однажды занемог,
Ему служить отказывалось тело.
И он спустился вниз, и в землю лег,
И вновь над ним трава зазеленела.

Я иногда во сне летаю...
И ветер наполняет грудь,
А от Кавказа до Алтая
Над всей страной – не близкий путь.

Мне иногда ночами снится,
Как под крылом плывет земля,
И удивляюсь синицы
Высоким верстам журавля.

Мне снится сон совсем не женский,
Что сердце мне велит: «Летай!
Неси язык земли чеченской
От гор Кавказа на Алтай».

Но иногда совсем не спится,
И я одной мечтой живу,
Что я отважно, словно птица,
Туда слетаю наяву.

Река сейчас ленива и добра,
Ленивей и добрее всех на свете.
рассветный дар живого серебра
Уже с трудом выдерживают сети.

Как в детстве, на бескрайности листа
Мир синей акварелью нарисован:
Перемешались свет и темнота,
Река и берег, тишина и слово.

Проза

Альберт Магомедов

Альберт Магомедов (1952 – 2015). Поэт, прозаик, переводчик, художник. В 1977 году окончил Воронежскую медицинскую академию им. Н. Бурденко. Работал врачом в г. Грозном.

Лауреат Чечено-Ингушской литературной премии им. С. Бадуева (1985). В 1991 вышла свет книга повести и рассказов «Впереди был новый день».

В 1996 году выехал в Европу. Занимался живописью. В Голландии вышел роман «Закон Сути Вещей».

Рассказы
Целый ящик мандаринов

– Ух ты, какой двор! – Мурад присвистнул. – Это что, все ваше?

– А, ерунда. – ответил Руслан. – Так, дворишко... А ты небось думал, раз я в чем попало в школу хожу, так мы такие же, как все?.. Мне просто выделяться неохота, а так у меня этого барахла знаешь сколько? Валом. Пахану несут и несут.... Ты посиди вон там, под тутовником, на топчане. Сейчас вынесу его, спиннинг этот.

Он вошел в дом.

Дом был большой, с четырьмя разными входами – раньше в нем жили четыре семьи, а теперь поселился новый секретарь райкома партии с женой и детьми. Двор сразу же заасфальтировали, а в углу его за две недели выстроили кухню. Мурад, проходя мимо, удивлялся, как быстро и сосредоточенно рабочие кладут кирпичи, да так ровно и красиво... Если бы так же строили новую школу, она бы, наверное, давно была готова...

Возле кухни, под навесом, стоит новенькая, красиво сверкающая никелем, «Победа». На ней ездит Аслан, старший брат Руслана, который работает в колхозе агрономом.

В кухне взяты несколько женщин, Руслан сказал, что это родственницы, но Мурад ему не поверил: слишком непохожи они на розовощекую родню секретаря.

Из домика пахнет мясом, жаренным с луком, голубцами и чем-то еще, тоже ужасно вкусным. Время от времени из кухни выходит женщина, открывает одну из дверей громадного холодильника, стоящего снаружи, у стены (Мурад видел такой в городе, в магазине, где продают мясо), достает то несколько куриных тушек, то какие-то банки и заносит все это в домик.

Другая женщина выкатила из кухни смешной, на колесиках, стол и покатила его в дом. Надо же, рядом со ступеньками у входа спуск специальный сделан, чтобы стол этот завозить. Он, видно, тяжелый. Конечно, вон на нем сколько всего. Неужели они там все это съедят? Наверное, в доме гости... Когда к отцу приходят гости, мама всегда нервничает, долго с ним шепчется, а потом, когда гости уходят, она до самой отцовской зарплаты готовит одну жареную картошку.

Зарплата у отца маленькая, и мама говорит, что жить, как люди, он не умеет.

Она его за это все время ругает, но отец хороший, хоть и не приносит много денег. Он же не виноват, что ему мало платят. Работал бы он тоже в райкоме – его возили бы в черном «ЗИМе», а у Мурада, наверное, был бы такой же спиннинг, как у Руслана. С безинерционной катушкой.

Что-то он долго не идет... Обедает, что ли? Нет, обедать бы он пригласил и Мурада. Наверное, ищет спиннинг. Наверное, у них в доме ужасно много всяких хороших вещей, как в культмаге: альбомов, красок, транзисторных приемников, даже, может, телевизоров, и Руслан не может сразу найти среди всего этого спиннинг...

Отец обещал купить телевизор. На их улице уже многие купили, новой марки, без линзы, называется «Рекорд».

Во двор входит мужчина.

– Отец дома? – спрашивает он и треплет Мураду волосы. Рука у него противная, холодная и потная. – На вот, возьми, купишь себе конфеты. – Мужчина достает из бумажника десять рублей. Новыми!

– Это не мой дом, – говорит Мурад. – Это мой одноклассник тут живет.

Рука с деньгами замирает.

– Да?.. А вы с ним друзья, наверное? – он улыбается.

– Да нет... Не то, чтобы друзья... Я пришел спиннинг посмотреть.

– А-а... – Улыбка исчезает. Деньги тоже.

Мужчина входит в дом и через минуту выходит. Лицо у него такое, будто в доме ему положили в рот шоколадную конфету. Он исчезает за воротами, хлопает крышка багажника машины, потом мужчина, красный от натуги, вносит в дом большую коробку, на коробке что-то написано не нашими буквами. Минут через пять он появляется снова, без коробки, и, не взглянув на Мурада уходит.

Вот и Руслан. Жует на ходу. В руках спиннинг, тот самый, с безинерционной катушкой, про которую писали в «Юном Технике».

– На, смотри!

Эх, везет же человеку... Вот это вещь! Ничего, отец обещал привезти Мураду из города бамбуковую удочку. В их речке все равно не водится рыба, которую ловят на спиннинг. Одни усачи. Их лучше на червяка ловить. Есть такие большие черви, не красные, навозные, а светлые, земляные... Вот на них усач и берет. А на спиннинг – нет, даже и с безинерционной катушкой.

– Хорошая штука, – говорит Мурад, стараясь, чтобы голос был равнодушным, и кладет спиннинг на топчан.

– А, барахло, – машет Руслан. – У меня на днях день рождения был, приехали гости, штук десять таких привезли... Слушай, у нас завтра контрольная по арифметике, так ты не вздумай тетрадь сдать, пока не спишу.

– Ладно...

Тупой он, Руслан. В футбол, правда, здорово играет, и побороть его никто не может, но тупой. Самую простую задачку решить, и то не умеет. И пишет, как говорит. «Панарик» – это он так в диктанте «фонарик» написал.

– Пошли, велик покажу. – Руслан идет вглубь двора, к навесу.

Мурад идет за ним. Ух ты! Под навесом, на столе, стоит ящик, доверху, с горкой, наполненный большими мандаринами.

В рот Мураду набегают слюна. Целый ящик мандаринов! В жизни не видел их столько сразу. На Новый год, в подарок, оказывалось несколько штук, да иногда отец привозил из города десяток-другой... Мать их прятала, потом выдавала по одному... Сейчас, наверное, угостит...

Руслан проходит мимо, даже не взглянув на ящик. Жаль... Может, попросить?

Стыдно... Или самому, без спроса взять, вон их сколько... Нет. Нельзя. Подумает еще, что Мурад мандаринов не видел...

Руслан открывает какую-то дверь и вытаскивает за блестящие рога настоящий гоночный велосипед. Низкий, гнутый руль, тоненькие покрышки-трубочки...

Да...

– Ну как? Ничего вещь?

– Ничего.

– Эх ты, деревня! Небось, и не видал такого никогда? Хочешь, дам прокатиться?

– Не хочу.

Думал, наверное, что Мурад от радости будет прыгать... Фигушки. Надо же, какие они большие, эти мандарины. И яркие такие, будто у них лампочки внутри. Может, все-таки, взять один? Небрежно так подойти и взять, как бы между прочим. Как если бы это были не мандарины, а тутовник, например...

– Не хочешь?! На настоящем гончике не хочешь?

– Не хочу.

– Дело твое. Отец сказал, когда кончу школу, мне тоже, как Аслану, «Победу» купит. Он бы и сейчас купил, но, знаешь, разговоры могут пойти. Чего зря собак дразнить. – Руслан прислонил велосипед к стене.

Хорошая все-таки машина. На такой бы лететь, пригнувшись, по шоссе, чтоб ветер в ушах свистел. Пацаны оглядываются, на Мурада смотрят, а он знай себе педали крутит, скорости переключает со звездочки на звездочку... Отец обещал «Орленка» купить. Он добрый, только зарплата у него маленькая. Надо же, целый ящик мандаринов... Неужели так и не угостит?

Руслан подошел к ящику. Догадался... Надо будет сначала, для приличия, отказаться.

Хороший мандарин он выбрал, самый большой, Мурад его давно заметил. Чего он к сараю-то пошел? Что он делает?! Рисует круг на двери... Мандарином!!! Сок стекает по доскам. Внутри круга начертил еще один, поменьше. Это же он мишень нарисовал! Понятно... Ладно. Теперь-то можно взять.

Мурад тщательно выбрал мандарин, несколько раз подбросил его на ладони. Мандарин теплый и тяжеленький такой, как гольш с речки. Прицелиться получше... Попал, в самый центр!

Мандарин, треснувший, грязный и некрасивый, валяется на асфальте, истекая соком. Рядом падает второй, третий, четвертый... Это Руслан... И дверь, и асфальт блестят от сладко пахнущего сока.

Мухи налетели, вьются, жужжат. Большие мухи, жирные. Хорошо, видать, им тут живется.

БОЛЬШОЙ ДОМ В СЕЛЕ

Нане недавно исполнилось девяносто семь лет, и это нисколько не мешает ей жить.

Она живет в маленьком домике с просевшей крышей. Кто из них древнее – нана или ее домик – внешне определить невозможно, но сама она утверждает, что домик на три года старше.

Домик притулился у большого кирпичного дома, выстроенного за пятнадцать лет младшим сыном наны – моим отцом.

То есть, строил он его, конечно, не своими руками, но за свои деньги.

Эта картина, глинобитный домик с просевшей крышей на фоне кирпичной громадины, сильно напоминает фотографию из газеты времен застоя, доводящую до советского читателя всю глубину контрастов чуждого нам образа жизни.

Новый дом – главная гордость отца после докторской диссертации. Или наоборот. Как бы то ни было, отец при всяком удобном случае говорит, что у каждого человека должны быть корни. Тем самым он подчеркивает, что у него эти корни уже есть, и в смысле его полноценности, как чеченца и мужчины, никаких сомнений быть не может.

Когда разговор заходит о новом доме, отец всегда принимает вид человека, исполнившего свое предназначение в жизни, а голос его приобретает назидательный тон.

Большой дом всегда пустует: нана ни в какую не хочет уходить из маленького домика, а мы – отец, мать и я, сколько я помню, живем в городе, в четырехкомнатной квартире.

Мама преподает романо-германскую филологию. Она родилась и выросла в городе и очень любит помечтать о том времени, когда они с отцом уйдут на пенсию и станут жить в большом доме. Заводя разговор об этих временах, она откладывает в сторону газету «Московские новости» на английском языке, отхлебывает кофе, зачем-то снимает очки и, поудобнее устроившись в кресле, очень подробно расписывает, как будет вставать на заре, доить корову, а потом возиться в огороде. Честно говоря, представить маму, доящей корову, для меня все равно что представить Майкла Джексона за штурвалом комбайна. Сколько я ее помню, она никогда не вставала раньше восьми часов (занятия в институте у нее начинаются в десять). Тем не менее отец, слушая маму, с удовольствием кивает головой и вносит в нарисованную ею картину несколько собственных штрихов: улы, мед в сотах, потрескивающие в печи зимними вечерами поленья. Правда, под конец разговора они и сами чувствуют во всем этом элемент несуразности и сводят беседу к тому, что дом, вообще-то, построен для меня и моей будущей семьи.

– Бух хила беза, бух! («Корни должны быть, корни!») – говорит отец свою излюбленную фразу про корни.

Честно говоря, меня меньше всего прельщает перспектива сельской жизни. Летом еще куда ни шло. Но зимой и осенью – без резиновых сапог не выйти, ни газа, ни водопровода... Нет уж...

Я учусь на третьем курсе нефтяного института. Нана безмерно расстроилась, когда узнала, что я туда поступил.

– Какой, говоришь, институт? – спросила она.

– Нефтяной, – ответил я по-русски.

– Ага... Нифтной.... Это что значит?

– Ну... мехкадайттан, – перевел я название института.

– Ой, – удивилась она. – Это кем же ты станешь, когда выучишься?

– Инженером-программистом.

– Остопируллах! Каких только ремесел нет на свете... Ну, а в нашем селе работа для тебя найдется?

– Нет, – сказал я. – В нашем селе вряд ли.

– Э-эх, – нана расстроилась окончательно. – Значит, и ты будешь жить в городе... Ну что вас туда тянет? Как можно жить среди чужих людей, не знающих ни языка, ни обычаев... Небось, и жену там себе найдешь, как твой отец. Сколько я ему говорила: женись на односельчанке, она мне внуков нарожает, хозяйство будет вести... Вон, дом-то – двенадцать комнат, в каждой – хоть скачки устраивай, а толку? Мать твою одного родила и успокоилась. Разве так живут люди? А вот если бы твой отец слушался меня... – тут она повторяет слышанную мной несчетное количество раз тираду, суть которой сводится к тому, что во всех несчастьях, когда-либо случившихся с ней, с моим отцом и со мной, включая желтуху, которую я перенес в детстве, виновата мама – вместо того, чтобы жить с наной, вести хозяйство, нарожать полный двор внуков, она, наоборот, и отца в город сманила...

Нана встает с паднара, присаживается у железной печи и начинает ворошить угли длинными щипцами. Вся ее поза выражает беспредельную покинутость.

– То ли дело в прежние времена, – вздыхает она. – Вот на этом самом паднаре нас семеро спало. И жили дружно, вместе работали и вместе ели, что Бог пошлет... А теперь? Ни свекровей не стало, ни невесток, ни старших, ни младших. Одни должности – инджинер, парпесор, дисиртаци...

Мы приезжаем к нане по воскресеньям.

Иногда, совсем редко, она приезжает к нам в город.

Нана в таких случаях очень долго собирается, несколько раз обходит двор, проверяя, все ли в порядке, потом навещает каждую из соседок.

– Даже и не знаю, Бикату, – говорит она одной из них. – Даже и не знаю, как быть. Эти вот дети... все заняты на государственной работе, живут в городе. И посмотреть хочется, и ехать душа не лежит. В городе этом одних машин сколько... У каждой машины – труба, из каждой трубы – дым, копоть. Как они там не задохнутся, не знаю. Видно, Аллах их сберегает... А на дороге, пока доедешь, так и крошат людей эти машины, так и бьются друг о дружку...

К машинам она относится с застарелой неприязнью, ездит в них только в самых крайних случаях, когда путь очень уж неблизкий. А так, в соседние села например, ходит пешком.

– Что поделаешь, – говорит соседка, в ее голосе появляются торжественные нотки, – значит, Всевышний начертал в книге Судеб их путь именно таким...

Надо поехать, проведать. Езжай. А что по двору нужно приглядеть, так ты не сомневайся – все будет так, как если бы ты была дома.

Тут они погружаются в самые глубины чеченского этикета, торжественные ноты усиливаются, достигая уровня аккордов «Героической симфонии» Шостаковича.

– Да воздаст тебе Всевышний, Бикату! Не зря говорят, что хороший сосед ближе самого близкого родственника. Подумать страшно, что бы я без вас делала.

– Ради Аллаха, – говорит польщенная соседка, – не говори об этом. На что мы нужны, если не станем помогать друг другу! Тогда нам и мусульманами называться незачем, жить не стоит...

В точности такой же диалог повторяется и со второй соседкой, и с третьей. Каждой из них нана старается внушить, что сильно сомневается в необходимости поездки. Это должно подчеркнуть значимость того, что она все-таки едет. Душу ее переполняет чувство, какое, наверное, бывает у человека, решившегося на самопожертвование во имя высокой цели.

После этого она, в сопровождении всех соседок, подходит к машине.

У ворот собирается небольшая толпа. А поскольку всякая толпа имеет свойство самопроизвольно увеличиваться за счет прохожих, то скоро в нее оказывается втянутой добрая четверть села. Слова напутствий, одинаковые, как старушечьи платья, повторяются многократным эхом. Нана подходит к двери машины (при этом ее поддерживает несколько пар рук, хотя она совершенно в этом не нуждается) и усаживается на переднее сиденье. Она сильно кричит, потому что момент требует подчеркнуть преклонность ее возраста, потом спрашивает:

– Сметану не забыли положить? А орехи? А вяленый курдюк?

Убедившись, что все гостинцы уложены в багажник, она громко восклицает, что вручает себя и всех остальных в руки Аллаха, его пророка Мухаммеда и святого хаджи из Илсхан-Юрта.

Машина, наконец, трогается и исчезает за крутым подъемом, а толпа стоит еще некоторое время, обсуждая новость с наниным отъездом и все остальные новости, и только потом потихоньку рассеивается.

Одну комнату в нашей квартире когда-то было решено отвести бабушке. Отец в то время хотел уговорить ее переехать в город.

– Кто, – спросила нана, – будет распоряжаться деньгами?

Отец (он всегда отдавал зарплату маме) сильно растерялся.

– Я перееду в вашу квартиру только в том случае, если сама буду распоряжаться всеми деньгами, которые в нее попадают. Вы отдаете мне зарплату, я, если считаю нужным, выдаю вам деньги на покупки, – сказала нана, и голос у нее был твердым, как победитовое сверло. – А иначе, на что мне нужно бросать дом, в котором я полноправная хозяйка, и переселяться к вам, неизвестно в какой роли?!

У мамы началась истерика.

Отецпил корвалол.

И только нана сидела невозмутимая, как Чингачгук на совете вождей.

Вопрос о ее переезде сам собой потихоньку не то чтобы даже отпал, а как-то незаметно рассосался.

Главным распорядителем кредита осталась мама. «Вот поэтому у тебя и нет денег, как у людей, – говорит нана, – а вот если бы ты слушал, что говорят старшие, женился на односельчанке...»

Приехав к нам, нана несколько первых часов оживлена, ходит по квартире, с любопытством разглядывая вещи, хотя видит их, конечно, далеко не в первый раз. Особенно нравится ей портрет Ломоносова, висящий над моим столом. «Оф-фай, – качает она головой, – какая видная женщина!» Сколько я ни бился, убедить ее в том, что это не женщина, не смог. Так что нана всякий раз, проходя мимо моего стола, останавливается и качает головой: «Оф-фай...»

К обеду она начинает скучать. То сядет, то встанет, то стоит, вздыхая, у окна. Потом она выходит во двор и дожидается первой прохожей старушки. К тем старушкам, которые сидят перед домом на скамейках, нана никогда не подходит. Ей непременно нужно, чтобы старушка была одна.

– Дараста! – говорит она, дождавшись. – Как дел?

Проходя старушка, как ни странно, обычно останавливается, и что еще более странно, стоит с бабушкой не менее получаса.

Я не перестаю этому удивляться потому, что весь запас русских слов, которые знает нана, исчерпывается одной относительно законченной фразой: «Дараста! Как дел?» и одним самостоятельным, универсальным словом: «Паравильн».

Видимо, у старушек есть какое-то особое средство общения. Видимо, они приобрели способность излучать какие-то, пока не изученные и улавливаемые только ими самими, биотоки. Или, может быть, их проблемы настолько схожи, что понятны в изложении на любом языке.

Наговорившись, нана возвращается в квартиру, и ее тоска настолько переполняет каждый вздох, слово и жест, а разговоры о брошенных без присмотра курах начинают принимать такой душераздирающий характер, что отец не выдерживает и идет выводить из гаража машину.

В сравнении с тем, как она выезжает из села, сборы в обратный путь и сам отъезд имеют ошеломляюще-молниеносный характер.

Часа через три отец возвращается, сумрачный и подавленный. Потом он неизбежно ссорится с матерью. Но она, привычная к этому, заранее занимает хорошо укрепленные позиции, рассчитанные не только на глухую оборону, но и на серьезные контратаки, в результате которых отец, как правило, выбрасывает белый флаг.

Так живет наша семья.

В маленьком домике с просевшей крышей горит печь, и нана целыми вечерами сидит перед ней, глядя на огонь.

В комнатах большого дома холодно и гулко.

Наверное...

Рассказ

Эту историю мне рассказал Шамиль Хасбулатович Хасбулатов (Дала гечдойла цунна!), полковник советской милиции. Он умер в Чечне в 1996, кажется, году, от тяжелой, неизлечимой болезни. Многие считают, что причиной смерти послужило болезненное перенесение Шамилем Хасбулатовичем ситуации, сложившееся в то время в стране. Чту его память и горжусь тем, что был близко с ним знаком.

Чемодан был обыкновенный, такой, знаешь, с никелированными железками по углам, потертый, из коричневого дерматина. Эти люди, которые пришли с ним ко мне домой, молча поставили его на стол и откинули крышку – смотри, мол.

Чемодан был доверху наполнен тугими, аккуратно уложенными пачками. Они лежали вроде кирпичиков.

Жена нет-нет, да напомним мне тот вечер: люди, мол, на такой должности, как твоя, миллионы имеют, а ты до седых волос дожил и все рубли до зарплаты считаешь. Ну, это она в сердцах, а на самом деле – понимает меня.

Соседки опять-таки доводят ее, подначивают. Она рассказывала: одна как-то спрашивает: «А у вас дома сейф есть?» Жена ответила, что нет, конечно, откуда ему быть и зачем он нужен. А та: «Как? А где же твой муж деньги хранит? Моему, – говорит, – тоже скоро на пенсию, он кое-что припрятал на старость». У нее, у соседки, тоже муж в органах работает, понимаешь, о чем речь?

Да, вот такое сейчас время... Наливай себе еще чайку... Хороший чаек, индийский. Это я, знаешь, на базарчике покупал, в микрорайоне. Раньше пачка два рубля была, а сейчас два с полтиной...

Что? Да нет, я же в гражданском хожу покупать- то, а куда деваться? Ну, другие... мне до других дела нет. Мало ли что им там домой ящиками приносят...

Я вот думаю: все человеческое, что в людях было, потихоньку в деньги ушло. Только и слышишь кругом – деньги, деньги. А ведь не был раньше таким народ.

Посуди сам, когда где-то заводят разговор о прославившихся людях, о тех, которые сотни лет назад жили, но люди помнят их имена, разве говорит кто-нибудь, какие были у них дома или сколько драгоценностей имели их жены и дочери? Не тем они прославились, а мужеством, чистой совестью или великими делами.

Я все думаю, что человек обнищал душой, если он гордится суммой, которую стоит его обувь... Надо быть беспросветной серостью, чтобы только достатком и гордиться.

Ну вот, чемодан, значит, доверху был набит деньгами, а поверх денег, поверх аккуратных этих кирпичиков, лежал техпаспорт на машину и ключи.

Я этот техпаспорт открыл для интереса. Все, как положено, только строка, где фамилия владельца пишется – пустая. Более чем понятно, да?

А машина, естественно, «двадцать четверка» в экспортном исполнении, и цвет, конечно, черный.

Ты, конечно, и сам понимаешь, что пришли ко мне не кто попало, а люди, которых я уважал. С ними старики, с бородами до пояса, и человек, которого я до того вечера считал другом, вместе с ним рос и учился.

Нелепость какая – кругом люди, а я иной раз чувствую себя, как в вакууме. Посмотришь на человека – вроде порядочный, честный, но лишь до тех пор, пока дело не коснется денег, взятки. Такие живут по присказке: «Кого нельзя купить за деньги, того можно купить за большие деньги».

Мы с ним в тот вечер крепко поговорили. Как ты думаешь, что он мне сказал?

«Тебе, – говорит, – сейчас под пятьдесят. Чего ты добился в жизни? Что у тебя есть, кроме звездочек на погонах? Думаешь, у тебя нет денег, оттого что ты честный человек? Это далеко не так. Их нет, потому что ты не выручал людей в трудную для них минуту. Или, может быть, тебе мало того, что в чемодане? Тогда скажи. Через час мы принесем сумму, которую ты назовешь».

«Разница между мной и тобой, – сказал я ему тогда, – в том и заключается, что тебя можно купить за эти или еще большие деньги, меня – нет. Уходи, – сказал я, – уходи и никогда больше не переступай порог этого дома! Я запрещаю тебе приходить на мои похороны, когда я умру!»

Да. С того вечера прошло почти пять лет, пройдет еще двадцать пять – не прошу его. Не прошу, что он смел подумать, что я могу взять грязные деньги.

Пей чай-то. Остынет. Знаешь способ заваривать чай по-сингапурски? Не знаешь? Это, брат, непростительный пробел. Я тебя научу при случае. Получается такой чай, какого ты себе представить не можешь...

Конечно, в одном он был прав: в том, что у меня нет и никогда не будет таких денег. Я считаю, в нашей жизни все взаимосвязано. Где-то в самом начале жизнь раздвоилась на настоящую и фальшивую. Чем хуже правда, тем пышнее фальшь. Эта последняя расцвела до такой степени, что партбилет стал продаваться за деньги. Уже год-два назад стало можно вступить в партию за деньги. Потому что многие в нее для того и вступали, чтобы обеспечить себе гладкую карьеру и сытое житье. То же самое и с милицией. Взять хотя бы историю с сержантом ГАИ, который написал заявление начальнику, в котором просил, в связи с тяжелым материальным положением, перевести его на более выгодный пост.

Таких денег у меня нет и не будет. Взятка – страшная вещь. Представь себе, сыновей женить надо, дочек замуж выдавать надо. Они, к тому же, еще и развращены друзьями и подружками, родители которых уяснили, что и почему в этой жизни. Они одеваются и шикуют так, что в сравнении с их расходами зарплата академика кажется нищенской.

Концы с концами не сходятся, жена пилит.

И вдруг – приносят кучу денег, а от тебя всего и требуется подписать одну-единственную бумажку...

Подожди-ка, я тебе покажу один, так сказать, документ... Вот она, эта записка. Она попала ко мне случайно, я ее сохранил. Слушай, что тут написано: «Ты, козел! Бабки взял, а дело не сделал, думаешь, это тебе сойдет с рук? Думаешь, выше тебя начальства нет или в нашем роду перевелись мужчины? Завтра, – понял, завтра в шесть утра! – принесешь деньги, как мы принесли их к тебе!»

Получить эту записку должен был, ни больше ни меньше, майор милиции.

Так вот, с тем чемоданом. Вся эта история была завязана в клубок, конец которого вел очень далеко и очень высоко.

Мне удалось нащупать этот конец.

Я решился сделать обыск в доме человека, имеющего большие чины и награды.

Честно говоря, я чувствовал, что могу расшибить лоб о стену, которую пытался пробить.

Потому что кирпичами в этой стене были руководители не ниже районных, а раствор замешивался в обкомовских кабинетах.

Когда опергруппа предъявила ордер на обыск, началось такое, что старший группы позвонил мне и отказался выполнять задание.

Заявил, что опасается за свой завтрашний день.

Как бы то ни было, обыск был доведен до конца. Того, что я искал, мы не нашли. Зато нашли на чердаке два ящика уголовных дел. В самом прямом смысле, это были два фанерных ящика из-под печенья, заполненных папками.

До сих пор не могу понять, почему он их не уничтожил. Может быть, хотел подстраховаться от чего-то. Не знаю.

В общем, на чердаке были ящики, а в ящиках папки, а в папках – нигде не зарегистрированные и похороненные уголовные дела, каждое из которых тянуло на долгие года тюремного срока.

Тот, кто спрятал папки, сначала старался меня запугать. По всем правилам, в традициях итальянских фильмов.

Потом он прислал ко мне людей с чемоданом денег.

«Послушай, – сказал мне человек, которого я считал другом, – не будь глупцом, возьми деньги и закрой это дело. Этого вполне достаточно, чтобы спокойно дожить жизнь. За все те годы, что ты растрачивал здоровье и рисковал жизнью, работая на государство, оно не дало тебе и небольшой части того, что сейчас лежит перед тобой. Ты отдал все, что мог, а взамен не получил ничего, кроме этой квартиры и трехсот рублей на книжке. Возьми деньги и выручи человека».

Напрасно ты кладешь сахар в чай. Чай имеет свой вкус, а сахар его отбивает.

Я на днях был в селе, так мой двоюродный дед, ему за сто лет, травяной чай пьет. Сам собирает травы, сушит и пьет. Зверобой в этот чай входит, мята, еще что-то... У меня есть немного, хочешь, заварю?.. Как тебе сказать... Мне, честно говоря, не очень нравится. Пьешь вроде не чай, а какой-нибудь аптечный настой от печени. Хотя для здоровья, наверное, полезно. Дед, видишь, сколько лет прожил, а ничем, можно сказать, не болел.

Мне как-то приятель с Дальнего Востока привез травяной сбор, исключительно, говорит, полезно для здоровья, любые болячки вылечиваются.

Я что-то в это не верю. Мне кажется, трава, выросшая у черта на куличиках, на Дальнем Востоке, для тех, кто на той земле живет и полезна. А меня надо лечить здешними травами. Я думаю, для меня даже наша черемша полезнее тамошнего женьшеня...

Конечно, я их выставил за дверь с этим чемоданом.

Закончил, как положено, дело и передал дальше.

Что потом? Что потом... Ничего. Вся беда в том, что я – обычный человек, не

герой, с обыкновенными человеческими возможностями. Не было никакого суда.

Ну, почему... Потому что деньги, от которых я отказался, взял кто-то другой, посильнее меня.

Говоришь, надо было добиваться?

Наверное, надо было... Наверное.

Все не как у людей

– Ва, Везан Дела*! Сколько можно лежать, а? Ну что ты за человек такой?! Я кручусь, как юла, спины не разгибаю, стираю, готовлю, убираю – все одна, а ему хоть бы что! Ведь день-деньской валяешься, скоро корни пустишь в этот диван!

– У меня сегодня выходной. Могу я полежать в свой выходной? Думаешь, легко целую неделю за станком стоять?

– А у меня не выходной, да? Я всю неделю на вечеринках провела, да?

– Давай вместе полежим.

– Нет, что он говорит, а?! – Банати оперлась одной рукой о швабру, другой подбоченилась. Глаза злые, как у кошки, даже, кажется, спину по-кошачьи выгнула. – Ни стыда у тебя, ни совести! Все нипочем! Ты бы хоть мусор вынес!

– Мусор выносить – это не мужское дело!

– Ладно. Хорошо. А кран, который вторую неделю течет, починить – мужское? А раковину на кухне посмотреть, которая вот-вот упадет, мужское? А стекло...

– Ну хорошо, хорошо... Где оно, ведро это?

– Где ему быть? Там же, где и всегда... Ты пойми, мне не трудно его вынести, но, ведь сам знаешь, надо мимо общежития идти. Там парни всегда толкуются, то одно скажут, то другое... Только, ради Бога, постарайся напрямик до баков и напрямик вернуться. Не вмешивайся ни во что! Я уже сесть начала из-за твоих приключений.

Хусейн накинул старый, еще с армии, бушлат, взял синее пластмассовое ведро, сунул в рот сигарету и вышел из квартиры.

В подъезде грязь, стены, выкрашенные жутко-зеленой краской (и где они только находят такую краску?), испещрены надписями. Раньше, обычно, писали: «Такой-то дурак», или там «Такой-то плюс сякая-то = любовь». Все это было, в общем-то, понятно – такие надписи, видимо, облегчали душу писавших. Теперь пишут все больше названия ансамблей или имена рок-звезд. Поймать бы того мерзавца, который стены поганит и самого разрисовать так, чтобы неповадно было... Хотя, может, больше виноваты не те, кто царапает стены, а те, кто их в этот кошмарный цвет красит. На него без содрогания смотреть невозможно. Видимо, этот цвет имеет способность будить в человеке низменные инстинкты. Хусейн и сам, поднимаясь или спускаясь по лестнице, с трудом сдерживается, чтобы не плюнуть в стену.

– Хорошенькое дело! – сказал он сам себе по старой, появившейся еще в детстве привычке. – Здоровый, как дуб, мужчина, идет, понимаешь, с мусорным ведром.

Он обогнул дом. Темнота ощутимо густела. В углах двора гнездились плотные тени. Под ногами шуршала мокрая листва. Хусейн пожалел, что вышел в тапках.

– Голова трещит, – сказал он. – И правильно делает. Еще бы: выкурить за день

* Везан Дела (чеч.) – *О Великий Боже!*

почти две пачки... Ну вот, ведро пусто. Слава Богу! Теперь дня два о нем можно не думать.

Он поставил ведро у ног и зажег сигарету, которую все еще держал во рту:

– Все равно уже болит. Теперь хоть кури, хоть не кури... – успокоил он себя и, помахивая ведром, пошел обратно. Правый тапок совсем промок. Уже и носок был мокрый.

Из беседки, слабо подсвеченной освещенными окнами домов, раздался громкий смех, особый такой, высокий, с подвизгиванием – приבלатненный. Те, кто так смеется, любят вплетать в язык жаргонные словечки. Наверное, потому, что школа учит одному, а жизнь – другому. Вот и появляется, назло языку учебников, язык улицы.

В беседке, усевшись на спинку скамейки и поставив ноги на сиденье, балагурили несколько подростков. Незнакомые. Может, из общежития.

Хусейн остановился.

– Эй, парень, – позвал он того, кто вроде бы был постарше.

– Я?

– Ну да, ты. Подойди-ка на минутку.

Парень лениво спрыгнул со скамейки, вразвалочку подошел.

– Чего?

– Слушай, – сказал Хусейн по-чеченски, – ты, похоже, юноша из приличной семьи, воспитан, наверное, хорошо... Зачем скамейку пачкаешь, а? Сядь, как следует, и товарищам своим скажи, они, наверное, тоже хорошие ребята.

– Не твоё дело...

– Ах ты... ах ты сопляк! Ты как со старшими разговариваешь, а?

– Русик, ну-ка, покажи ему, что такое «маваши», – сказали в беседке.

– Сейчас я вам сам покажу и мамашу, и папашу! – Хусейн одной рукой (в другой было ведро) схватил мальчишку за шиворот.

Но тот нахально и, несмотря на ватный рукав бушлата, довольно больно саданул Хусейна по руке локтем, да еще, заорав: «Й-а-а!» – брыкнул ногой, стараясь попасть в пах. В пах он не попал, а попал в ногу, вымазав Хусейну штанину.

Хусейн, однако, воротник не выпустил, изловчился и ударил паршивца, все еще продолжающего брыкаться, по голове. Ведро треснуло, ручка отлетела. Паршивец взвыл и схватился за голову. Хусейн крутнул его спиной к себе и пинком швырнул в беседку. Мальчишки ошарашено подхватили его и усадили на скамейку.

– Хорошую моду завели – на старших ногами махать! – сказал Хусейн, подобрав ведро и с сожалением его разглядывая. Вот ведь, выпускают черт-те что: длинная, иззубренная трещина проходила через весь бок ведра и кончалась в середине доньшка. Хотя, с другой стороны, будь оно попрочнее – совсем пришиб бы парнишку...

– Подождите, я еще с родителями вашими поговорю, оболтусы!

– Мы вас трогали? – детским голосом сказал один из оболтусов. – Сидели, никому не мешали...

– Еще не хватало, чтобы вы кого-то трогали! А сидеть надо по-человечески, а не как попугай на жердочке.

Хусейн повернулся и пошел выбрасывать ведро в бак.

– Теперь эта женщина возликует, – сказал он сам себе. – Вон, какой повод

нашелся, чтобы волю языку дать... Все напомним: и Ростов, и крокодилчика, и остальное, что сумеет вспомнить. «Ну почему, – скажет, – ни с кем не случается, а с тобой случается? Из дома выпустить нельзя! А потому, – скажет, – что у тебя все не как у людей. Везиндела, – скажет, – у всех мужья, как мужья, а у меня...» – и заплачет. Н-да... Хоть не возвращайся. Надо будет завтра купить ей ведро. Может, прямо сейчас сходить и купить?.. Ну-ка, что у нас тут есть... пятнадцать... еще пятнадцать... десять... Сорок копеек всего. Кот наплакал. Сигарет, разве что, сходить, взять.

Он поднял стоявшее у ног ведро и бросил его в бак. Бак был переполнен. Ведро скатилось обратно. Хусейн подобрал его и аккуратно устроил кверху дном на горке мусора.

Выйдя из двора через высокую, в форме арки, подворотню, Хусейн зашел в магазин и вышел с пачкой сигарет в руке. Остановился у входа, сдирая с пачки целлофан. Ноготь скользил по целлофану, обертка не снималась. В мутно-синеватых шарах света вокруг фонарей мельтешили мельчайшие капли дождя. Точнее, капли чего-то среднего между дождем и туманом.

– Слышишь, друг, – помятый мужик, под глазами мешки, руки трясутся. – Тут, значит, такое дело... На бутылку не хватает... Пятнадцать копеек. Выручи.

– Больше работай, меньше пей, – сказал Хусейн, подавляя всколыхнувшуюся злость. – Тогда будет хватать.

Помятый сразу отстал. Подошел к франтоватому парню – дубленка, норковая шапка, хотя еще и не холодно-то. Тот небрежно полез в карман, высыпал в дрожащую ладонь помятого горсть мелочи. Помятый, спотыкаясь, бросился в магазин.

Прохожие, прохожие, машины... Никому нет никакого дела друг до друга...

Морось... Дождевые пылинки в голубоватых и желтых шарах света вокруг фонарей.

Он свернул в арку и столкнулся с двумя идущими под руку девицами. Волосы торчком, в ушах – пластмассовые треугольники вроде ученических, только поменьше, веки выкрашены сразу в несколько цветов, на щеках – малиновые полосы румян, юбочки коротенькие... И два парня тут же. Увиваются.

– Отстаньте! – сказал одна из накрашенных. – Отстаньте, сколько можно говорить? Что вы пристали?..

– Разве мы пристаем? – дурашливо сказали парни. – Мы не пристаем, мы познакомиться хотим. Такие красивые девочки, и такие сердитые.... А мы не кусаемся, мы наоборот.... Правда, Суля?

– Ну. Мы, наоборот, и шампанское возьмем, и музычку организуем, и видео включим.

Девушки, все так же держась друг за дружку, шагнули вперед. Парни, улыбаясь, заслонили им дорогу.

– Ну-ну, рыженькие вы наши, куда же вы заторопились-то, подождите, давайте поговорим.

– Слушайте, – сказал Хусейн, наблюдавший, попыхивая сигареткой, за этой компанией. – Вы, на вид, такие приличные ребята, сразу видно, хорошо воспитанные, из приличных семей... Зачем пристаете к девушкам? Пусть идут своей дорогой! Посудите сами, деды, или прадеды ваши, вели бы себя так?

– Да мы не пристаем вовсе... Мы так... Извини, ваша.

Подействовало. «Ваша» назвали. Дядей, стало быть... Отошли в сторонку, стоят, с отсутствующим видом. Не совсем еще совесть потеряли, не то, что те, в беседе...

Накрашенные стоят, вцепившись друг в дружку.

– Ну, – сказал Хусейн. – Идите, давайте. И вообще, если не хотите, чтобы к вам приставали на улице, надо выглядеть поскромнее. Это что за юбки? Тут хочешь, не хочешь, пристанешь. Давайте, быстренько, домой, умойтесь, переоденьтесь, и гуляйте на здоровье, никто к вам не пристанет.

– Мы боимся... Они вон стоят, не уходят. Они ждут, пока вы уйдете. Они уже целый час за нами ходят...

Он посмотрел на свои перепачканные брюки, вымокшие тапки...

– Ну, ладно. Давайте, я вас провожу. Куда вам нужно?

– На остановку! – хором сказали девушки. – Мы уже три остановки прошли, они нам не давали сесть в автобус.

– Конечно, не дадут! Вырядились, понимаешь... Пошли. Вам на «семерку»?

– Нет, на «двойку».

– Так нам тогда лучше троллейбусом остановку проехать, а там пересядете. Хотя, пока его дождешься... Пойдем пешком.

Он оглянулся. Парни шли следом, держась поодаль. Ну, паршивцы... Отчего это народ стал такой бессовестный? А ведь болезнь-то эта, бессовестность, она здешняя. Городская. В селах, во всяком случае, в маленьких селах, такого нет, там люди стесняются друг друга. Потому что в селе сразу разносится – такой-то, дескать, вел себя некрасиво. В городе слишком много людей. Никто никого не знает. Прохожие, прохожие... Никому нет дела друг до друга. Встретились и разошлись, как дождевые пылинки в мутных шарах света вокруг фонарей... Остановка. А те двое так и идут следом.

– Ну, вот мы и пришли.

– Ой, вы не уходите, пожалуйста, пока мы не уедем.

– Хорошо, не уйду. Куда теперь денешься-то.

Подошел автобус. Девушки, опасливо оглядываясь, юркнули в дверь.

Ну и там, в этом автобусе, начнется такая же история. Он постоял в раздумье, поджимая пальцы промокших ног, потом перешел дорогу и остановился на троллейбусной остановке.

В троллейбусе Хусейн вспомнил, что у него нет ни копейки. Ехать, правда, всего остановку, но у передней двери уже началось нервное движение, подстегиваемое властным голосом контролера: «Ваш билетик!»

Он представил себе позор всенародного объяснения с контролером и ужаснулся, стал протискиваться к двери. Хорошо, народу битком, пока контролер доберется до задней площадки... Что же он едет-то так медленно... Не успею. Успел! Слава Богу, пронесло. Ах, черт! Тапок!!! Уехал, подлец. Ну, все... Эта, которая дома, запилит...

Хусейн, поджимая необутую ногу, вошел в арку, прошел через двор, открыл дверь подъезда.

С минуту Хусейн стоял перед дверью, соображая, как лучше объяснить Банати про ведро, тапок и вымазанные грязью штаны. Пуговицы на бушлате – черт с ними, там и так половины не хватало...

Он глубоко, как перед прыжком в воду, вздохнул и нажал кнопку звонка.

– Ва, везиндела! – всплеснула руками жена, лицо у нее сразу стало страдальческим. – На кого ты похож?! Где ты был до сих пор? А ну, дыхни.

– Да трезвый я... Пошел, понимаешь, выбрасывать мусор...

– Я знаю, что ты пошел выбрасывать мусор! А... ведро где?!

– Так я же и говорю... Ведро поломалось, я его выбросил.

– Устаз!

– Ну все, запричитала!

– Ну что это за наказание такое! У всех мужья, как мужья... А тапок где?!

– Тапок, понимаешь, в троллейбусе остался.

– Ты на троллейбусе ездил мусор выбрасывать, да? Я же тебя просила – прямиком до баков, прямиком обратно. Ну где, спрашивается, ты шлялся три часа?

– Два с половиной... – Хусейн посмотрел на часы. – Вот черт, стекло разбил... Где это я мог?

– Мог! Ты все, что угодно, мог! Пойти за хлебом, как в прошлый раз, и уехать в Ростов! Пойти через дорогу в универмаг, чтобы купить себе сапоги, и вернуться с крокодилом!

– С крокодильчиком... Он совсем маленький был... Это декоративные такие крокодильчики...

– С крокодилом!!! Ну, скажи, зачем ты купил крокодила? За пятьдесят рублей!

– Бана, ты пойми, мне его жалко стало... Лежит, понимаешь, в аквариуме, в этом вонючем зоомагазине, такой несчастный... Я думал, он умирает.

– Ну конечно! Крокодила тебе жалко, а на меня наплевать! Ну почему, почему ни с кем ничего не случается, а с тобой случается?! Из дома выпустить нельзя! А потому, что у тебя все, не как у людей. Везиндела, у всех мужья, как мужья, а у меня... – она заплакала.

Хусейн вздохнул, пошел в ванную, помыл ноги, потом переоделся и лег на диван.

– Хусик, милый, – Банати быстро, как всегда, отошла, голос у нее был ласковый.

– Не обижайся, я все понимаю... Всякое случается... Просто я всегда сильно переживаю за тебя, поэтому нервничаю... ты знаешь, я собралась приготовить манты... Ты же любишь манты?

– Ну, люблю.

– Так вот, я совсем забыла, что у нас нет яиц. Сходи, родной, в магазин, пока он еще открыт. Я бы сама сходила, но мне нужно еще с фаршем закончить...

Хусейн встал:

– Давай, в чем нести.

– Вот пакет, только, прошу тебя, прямиком до магазина и прямиком обратно. Хорошо?

– Хорошо, – сказал Хусейн и надел плащ.

Тауз Исс

1951 – 2021

Дорога Родины...

Рекою огненной горят
в горах осенние костры –
окрестности заморожены
священнодействием стихии,
в ее сегодняшних пучинах
родятся новые побеги,
смыкаясь в бесконечный круг.

Млечный Путь развернулся
и встал поперек
в белом саване снега
и в серебряных инеях.
Осень как кокон
энное время.
Иные объятия
не объятия – ожоги,
коршун небо ласкает,
ищет добычу
под вершинами белыми,
и Пегаса овсом манит хозяин.
Где-то свадьбу играют
запоздало-красивую,
и ступает во двор белая дева.
Кто-то сетует на житие-бытие,

кто-то лихо танцует
на празднике жизни.
И живет черный дрозд
в предвкушении весны
в последний из дней
умирающей осени.
Ночь...
В небе – многоточия звезд...
и блеснули два тире метеоров
уже безвозвратно
ушедших...

Горы

Молчанию учился я у гор,
молчание, которое
превыше – молчаний;
молчание, сведенное
в гигантский узел,
в котором молчат
миллион симфоний,
в котором цокот капли,
треск цикад
и шорох нисходящий
текущей звезды,
бег муравья, и крик мольбы,
удары молний
и шум реки,
и шепоты влюбленных...
Горы – храм,
хранящий молчанье,
которые венчают
белые стоустые вершины;
путь и весть, открытие –
тому, кто есть, кто весь открыт
для жизни и добра,
как горы.
«Будь как горы» – учат в горах,
горы – учат всему,

и об ином ушедшем говорят:
Он – был подобен – горе»,
кладом и опорой,
мужем, мужчиной...
Горы – гигантский круг
в круженьи мира,
расчерченный межой
и пирамидой.
Единая гора.

В саду

Сквозь щели крон,
на плазменном свете,
ссыпается, вихрь,
белесая пыльца,
некие субатомы и прана.
Они текут и тают, возникая
в кажущемся хаосе.
И снова видишь
сквозь себя и небо
и полный светом сад,
как тонок и огромен этот мир.
На берегу
лоснящаяся в свете синева
в полмира растеклась
и в праздной неге
бездонной красотою ворожит,
сомкнув круги,
соединив стихии,
вбирая без остатка
весь наш взгляд,
в движеньи
бесконечно-непрерывном,
вспухая, брызжа пеной,
потаенной силой.

Л...

Лило, лило, лило...
Который день
лиловое бледнело море,
тая в ливнях, тонуло...
Стонали стаи чаек,
взмывая искрами над ревом;

в голубых плащах
и с синими глазами
шли ангелы над морем
вдоль изумрудной рощи,
шло время, перетекая,
как этот дымчатый туман.
Завтра было лето, сегодня...
Сегодня
не кончалась... весна,
мокли ноги,
пьяная звезда летела,
заблудившись,
лилось лиловое с небес
с поза-поза-позавчера –
теперь лилось, текло,
как жидкое
прохладное стекло.
На длинных иглах
медных сосен
висели нити
и капли разбивали
пузыри,
под ветром беляки гуляли,
ловили рыбаки удачу.
Под вечер море снова удивило,
оно вдруг стало зеленым,
бирюзовым.
Яхонт, яшма, топазы,
все сокровища земли,
как будто растопившись,
растворились в море,
и все это богатство
двигалось, шло к берегу
армадой.
Из моря,
под миллионом парусов,
играясь в закатном свете.

Черновик

Из горклого вчера, сегодня,
завтра –
мираж, видение, картина,
море, берег, тени...
безлюдье, тишина.

Стены, зданья, башни,
тисненные оцепененьем,
страхом и золотом
уже позавчера.
Сгоревший рай, но не дотла,
останки.
И тени на дыбах
из моря выползают,
как чудища, на лежбище у края,
у города-фантома,
бывшим раем,
меня не выпуская.
Кто я здесь, паломник,
путник, сын?
Мерцают в башнях
скудные лампы,
блокада и клипы снов,
баллады об элладах,
Нартиада
и ветхая слеза Кавказа,
жнивье из ран, и сад,
и поле брани,
колыбель и трон,
праща и саркофаг,
трапезы из пеплов,
мечта о розе, о свирели,
Еве.
Иду искать оленя, орла
и Леда на пути моем,
и сфинкс, и пирамида,
гнездо и иероглиф,
и Атлантида,
и белый конь из моря,
из пучины,
и спящий на вершинах Нарт,
разверзшиеся колокола,
и раны, и руны руин,
Луна течет сквозь камни –
слеза сквозь человека,
мелеет солнце, мшеют берега,
слово – остальное шепот,
лето – изнанка осени,
птица – изнанка тени,
изнанка кроны – корни,
впадин – вершины...

Лечь и превратиться
в каплю, сгусток, течь.
Слово – остальное шепот.
Лежали камни в поле
и были на камнях – письма,
картины, начертанья, знаки,
камни – музеи, библиотеки,
галереи, паства,
припавшая к земле,
вкушавшая под куполом
лазурным
молитву тишины,
в полноте творенья
поэт-художник –
ответчик и истец,
время – взываний,
ответ во всем, что есть,
и в камне камень –
плод молчанья,
искал я то, что есть,
и то, что нет.
Жизнь – то, что мы не знаем,
дух – творит материю,
незнание рождает знание,
молчанье – музыку,
тьма – свет,
слабость – силу.
Мое молчанье было
молчанием над пеплом,
звучали жерла
над Родиной высокой,
сооружая «перла» обелисков.
Лилось молчание
на кладбищах и лицах,
и было так тихо,
будто все молилось,
остались только пепел
и молчанье,
и пепел, как издревле,
лечил нам раны.
Мы стали вестью о свободе,
башней, песнью.
Молчанье ниоткуда и везде,
мы – семена молчанья
и торжество движенья,

и вырастаем молча
в человека.
И умираем молча,
и умирая – воскресаем,
забывая слова
и Страшный суд –
молчанье.
Мы разве говорим?
Мы всегда молчим
и пишем мы молчанье,
как «мщение» словам,
мы – часть молчанья.
Молчанье – в Боге,
и сердце молчанья – Бог.

Город жил, напрягаясь
как Геракл перед подвигом,
муравьи выползали
в ночную прохладу,
били фонтаны,
пахло свежими почками.
Минул час сумерек –
в это время,
одиозное и тривиальное,
тени ушли на Восток,
вставали из глаз твоих
испуг и отчаянье,
голуби шептали слова
одиночества,
стонали.
Было безмерно их горе
как море,
и качались на дюнах
фавны и феи,
город жил удручающей жизнью,
распластавши длани.
Перекрестки
зажгли свои светофоры
знаками «SOS»,
где-то вырос подснежник,
купили тюльпаны,
желтый март шел к весне,

шатаясь как пьяный,
желтый март.
Голый месяц.
Было начало любви
начало начала.

Лучшее из одиночеств –
одиночество, разделенное
со звездами, голым деревом,
горизонтом, птицей,
тихой женщиной...
Одиночество, разделенное
с ночью, луной,
дождем, травой,
приносит мудрость.
Одиночество, разделенное
с самим собой,
со своим сердцем,
самое сокровенное, –
ибо только ты сам можешь
выслушать себя до конца
таким, какой ты есть,
и понять.
Одиночество, рассказанное
тишине, воде и небу,
приносит исцеление,
одиночество –
бесценный божественный дар,
оно защищает нас
от превратностей судьбы,
суеты и обмана,
в хождении по жизни,
в ее иллюзиях, оболъщениях,
оно последнее
самое верное пристанище.

Окна уже хрустальные,
дом мой и дик, и глух,
слушая древние тайны,
слышу оконный стук.

Проза

Имран Исмаилов

Линия судьбы

Документальная повесть

*(Продолжение. Начало в № 3 (2022))***Глава четвертая
Новые Атаги**

Новые Атаги – одно из самых живописных сел Чеченской Республики, которое имеет богатую историю. Оно расположено в пойме реки Аргун на правом его берегу. Отсюда и получило свое название – «Жима АтагIа», что в переводе с чеченского означает «небольшая долина в пойме реки». Жители села из поколения в поколение передают, что история села неразрывно связана с 11 эвлиями, которые бывали в местной мечети, одной из древнейших и известных в республике, которой уже более 100 лет. Кроме того, новоатагинцев называют «эсала атагIой» (люди мягкого, приветливого нрава, хорошего воспитания).

Дата основания села Новые Атаги точно не установлена, по некоторым данным, она приходится приблизительно на конец XVII- начало XVIII веков. Основателями села считаются представители тайпов беной и гendarгеной. По другой версии, село основали представители тейпа беной, а само село, по некоторым данным, одно время даже носило название Беной АтагIа.

Село несколько раз уничтожалось царскими войсками в ходе карательных экспедиций в период Кавказской войны. Особенно сильно пострадали Новые Атаги в 1822 году, когда село было сожжено и разрушено войсками генерала Н. Грекова за активное участие в антиколониальных действиях под руководством известного чеченского лидера Бейбулата Таймиева.

В документах, хранящихся в Архивном управлении ЧР, имеется «Карта части Малой Чечни 1856 года», в которую включен список 11 чеченских аулов с количеством дворов. Среди них и село Новые Атаги. Согласно этому документу, на тот момент село состояло из 111 дворов, что свидетельствует о достаточно небольших размерах этого населенного пункта.

О том, что село быстро растет, свидетельствует другой документ о Малой Чечне, названный «Карта вновь построенным аулам жителей Чеченского племени». В нем приводится список из 16 аулов и количество дворов на 1 января 1859 года. К этому моменту население Новых Атагов насчитывало уже 285 дворов.

Прошедшая в 1886 году первая перепись населения показала не только количественный состав, но и социально-имущественное положение населения Чечни на тот период.

В Архивном управлении Правительства ЧР хранится документ под названием

«Посемейные списки селения Новые Атаги 6-го участка Грозненского округа», который свидетельствует, что население селана тот момент состояло из 473 дворов (семей). Мужское население насчитывало 1118 человек, а женское – 1084, всего 2202 человека. В документе также отражены имущество сельчан и их живность. Таким образом, в селе имелось 10 пчелиных ульев, 9 мельниц, 3 пильные машины, мануфактурные лавки, а также 636 быков, 364 коров, 195 буйволов, 121 лошадь, 37 телят, 750 овец и 519 коз.

К 1913 году население Новых Атагов уже составляло приблизительно 4 тысячи человек, которые в основном занимались сельским хозяйством.

Село в то время имело одну единственную главную улицу, которую на две части делила протекающая по ее центру речка, берущая свое начало из реки Аргун. Река Аргун во все времена были кормилицей новоатагинцев. Из нее брали жители села воду для питья, использовали ее в хозяйских целях для полива огородов и садов, поили ею скотину, а также ловили рыбу, в основном усача.

Вернувшиеся в 1957 году из ссылки новоатагинцы обнаружили, что село, переименованное в Майское, сильно изменилось. Центральная улица села стала сплошной, а речка уже протекала сбоку от нее.

Главной достопримечательностью села во все времена оставалась большая пятничная мечеть, построенная в 1913 году из кирпича. Ее возведение, в котором приняло участие все население села, началось в 1912 году. Кстати, в Чеченской Республике в 2013 году отпраздновали 100-летие этой мечети, в котором принял участие Глава ЧР Рамзан Кадыров.

Собирать деньги на строительство мечети на месте старой, построенной из саманного кирпича и дерева еще в 1880 году, новоатагинцы начали намного раньше. В ноябре 1911 года на своем сходе старейшины села приняли решение о строительстве новой мечети.

В Архивном управлении Правительства ЧР имеются копии документов относительно истории строительства этой мечети в селе Новые Атаги. Один из них называется так: «Прошение уполномоченных общества селения Новые Атаги Веденского округа об образовании оброчной статьи для постройки мечети», и датируется он 20 июля и 25 сентября 1912 года.

Огромную работу по поиску этих и других документов по истории Новых Атагов, их систематизации и изучению провел бывший работник Архивного управления Правительства ЧР, краевед и журналист новоатагинец Вахит Бибулатов.

Согласно свидетельствам архивных источников, собранных на тот момент средств тогда хватило только на закупку камня-ракушечника и закладку

1967 год. Мечеть с. Новые Атаги, превращенная в зерносклад совхоза «Джалка».

фундамента мечети. Камень, по воспоминаниям старожилов села, начали закупать еще в 1910 году. Его привозили в Грозный из Баку по железной дороге, а оттуда на арбах, запряженных быками и лошадьми, перевозили в село. Руководил постройкой мечети, по свидетельствам односельчан, шейх Докка (Абдул-Азиз Шаптукаев), да благословит его Аллах!

Общими усилиями сельчан строительство большой пятничной мечети в селе Новые Атаги завершилось в августе 1913 года. Кстати, помогал в ее строительстве Али, старший брат Халида Исмаилова. Он, 16-летний юноша, на арбе, запряженной парой быков, вывозил кирпич, предназначенный на строительство мечети, из Грозного в Новые Атаги.

История новоатагинской мечети так же полна трагизма, как и жизнь всех чеченцев того времени. Мечеть была закрыта сразу же после ссылки чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию в 1944 году. По некоторым сведениям, ее закрывали и раньше, в 1937 году, когда усилились репрессии против всех мусульман, в том числе мулл и алимов. Тогдашний кадий села Абдул-Халим Берсанов, несмотря на запреты НКВД, провел в мечети рузба-намаз, за что понес жестокое наказание: сотрудники НКВД арестовали его прямо в мечети во время намаза и увезли в неизвестном направлении. Абдул-Халим, как и многие чеченские религиозные деятели и духовные лица, пропал без вести. С уверенностью можно сказать, что он был расстрелян без суда и следствия в одном из подземных казематов НКВД в Грозном.

Сразу же после ссылки чеченцев и упразднения Чечено-Ингушской АССР, которая стала Грозненской областью, село Новые Атаги переименовали и стали называть Майским. До конца Великой Отечественной войны в мечети размещался военный госпиталь, в котором лечили солдат и офицеров. После возвращения новоатагинцев из ссылки в родное село, они обнаружили, что мечеть превратили в склад для хранения зерна местного совхоза. И только спустя 35 лет, после настойчивых обращений к властям инициативной группы жителей села во главе с муллой Насрудди-хаджи Матуевым и Махмудом Басхановым, мечеть была вновь открыта 13 октября 1979 года. Это была первая и единственная действующая в республике на тот период мечеть. Сегодня она носит имя Элаха-муллы, первого имама этой мечети.

Село Новые Атаги дало Чеченской Республике многих известных религиозных, общественных и политических деятелей, настоящих патриотов своей земли. Среди них эвлия Мудар и его братья Магдул и Аюб, муфтий республики Мадин Махмуд Гаркаев, Махмуд Басханов, Герой России Мовлди Умаров, министр юстиции ЧИАССР Идрис Албастов, министр топливной промышленности ЧИАССР Нажмуддин Асхабов, председатель Союза писателей ЧИАССР Саидбей Арсанов, генерал милиции и известный российский политик Асланбек Аслаханов и многие другие. Разумеется, достойное место среди сынов этого прекрасного села занимает и Халид Исмаилов, бывший заместитель министра торговли ЧИАССР, известный чеченский журналист, писатель и переводчик.

1938 год. Грозный. Второй слева Халид Исмаилов.

Глава пятая Семья Исмаиловых

Халид Исмаилов, как свидетельствуют документы, родился 24 декабря 1913 года в селе Новые Атаги Атагинского района Чеченского уезда Терской области в крестьянской семье. О том, что отец Исмаила, сын Умара, являлся кустарем-одиначкой, а с 1937 года трудился в местном колхозе, свидетельствует выкопировка из учетной карточки Халида Исмаилова под номером 08028851, составленная и подписанная заведующим учетным сектором Шалинского РК КПСС Федюковым в 1964 году.

Глава семьи Исмаил, по рассказам родственников, имел также небольшую кузницу. Помощниками Исмаилу в этом деле были его дети, в основном старший сын Али. Исмаил ковал самую необходимую в хозяйстве утварь: серпы, мотыги, подковы и т.д. Кроме того, по рассказам родственников, он иногда даже мастерил кинжалы. Этим ремеслом Исмаила да сельским хозяйством и жила семья. Кроме того, отец Халида имел глубокое религиозное образование, он был очень набожным человеком, читал Коран, свободно владел арабским языком, пользовался большим уважением у односельчан.

Первые документальные сведения о предках Халида Исмаилова, проживавших в селе Новые Атаги, приводятся в «Посемейных списках жителей селения Новые Атаги 6-го участка Грозненского округа», составленных в 1886 году. «Перепись туземного населения Кавказа» была произведена на основании высочайшего утвержденного 24 февраля 1886 года мнения Государственного Совета для привлечения чеченцев к отбыванию воинской повинности.

Согласно этим спискам, на момент проведения переписи населения, в селении Новые Атаги проживал дед Халида – Умар, сын Али. У него были сыновья Муса, Джема, Джабраил, Исмаил и Исраил, а также с ними жил племянник Муска. Сообщается, что Умар был кузнецом.

Сын Умара Исмаил, как и многие чеченцы, приветствовал победу Октябрьской революции 1917 года и свержение царизма. Он, как и все горцы, надеялся, что новая власть даст народам кавказского края возможность развиваться, создать свою государственность, поможет лучше жить. И когда в марте 1918 года решением Съезда чеченского народа был избран Гойтинский народный совет под председательством Таштамира Эльдарханова, Исмаил горячо поддержал такое решение. Этот совет провозгласил поддержку Советской власти в Чечне. Когда в 1918 году терское казачество объявило войну Советской власти, чеченцы поддержали большевиков. Уже в августе была организована Чеченская Красная армия под командованием Асланбека Шерипова, насчитывавшая до 3 тысяч сабель. Активную помощь А. Шарипову и грозненскому пролетариату оказал Гойтинский народный совет и образованные его решением военные добровольческие формирования.

Исмаил вместе со своим старшим сыном Али принял самое живое участие в работе Съезда чеченского народа, провозгласившего полную поддержку большевикам, сам входил в Гойтинский народный совет. Он также возглавил один из отрядов народного ополчения, сформированного во время августовских событий и Стодневных боев в Грозном. Его старший сын Али стал связным при этом соединении.

В борьбе с белоказаками и деникинцами Советскую власть частично поддержала и влиятельная часть мусульманского духовенства Чечни. Среди тех, кто считал, что чеченцам следует вместе с Советской властью добиваться решения главных задач: создания собственной государственности, сохранения традиций и культуры, право на вероисповедание, образования населения – был шейх Сугаип-мулла Гойсумов из Шали, да благословит его Аллах!

Благодаря сплоченности чеченского общества и усилиям А. Шерипова, Т. Эльдарханова и других революционеров, в Чечне (в районе Шатоя) была также сформирована повстанческая армия. Это соединение в тесном взаимодействии с частями Красной Армии освободило от деникинцев всю Чечню.

Но судьба к Исмаилу, как и ко многим чеченцам, поддержавшим Советскую власть, оказалась немилостивой. Спустя почти 26 лет он умер вдали от родного дома, на чужбине, в Казахстане, куда его семью выслали как «врагов народа». Похоронен в Джамбульской области.

Жена Исмаила Сайна (Нина), кроме обязанностей домашней хозяйки, занималась, как это принято в чеченских семьях, еще и воспитанием детей.

Дом Исмаила находился на перекрестке нынешних улиц Ахмат-Хаджи Кадырова и Комсомольской. Это было небольшое строение, типичное для всех чеченских домов, из саманного кирпича, состоящее из низкой открытой веранды и нескольких небольших комнат. К нему примыкал навес, под которым имелась большая чеченская печь – куьрк, затапливаемая дровами и на которой практически круглогодично готовилась домашняя еда. В ней также обжаривали зерна кукурузы, из которой мололи затем муку. Весь дом с верандой и навесом, как и другие дома родственников, расположенные рядом, строились всеми родными и близкими сообща, собравшись на белхи (традиционная форма взаимопомощи). Этот обычай коллективного труда не

только родственников, но и односельчан, до сих пор жив в республике.

У Исмаила и Сайны было 11 детей: дочери Ману, Асет, Петимат и Марем, и сыновья Али, Аббаз, Магомед, Ахмед (умер еще в раннем детстве), Ахмед (погиб в молодом возрасте), Халид и Бауддин. Одна из дочерей – Петимат, умерла в изгнании, в 1944 году, сразу по прибытию в Казахстан, из-за тяжелой травмы спины, полученной ею во время погрузки в вагон для отправки в ссылку: конвоир со всего размаха нанес молоденькой девчонке удар прикладом автомата по спине. Всю долгую и изнурительную дорогу в Казахстан у нее страшно болела спина – было ясно, что солдат нанес ей серьезное увечье, которое требовало срочной медицинской помощи. Разумеется, лечить молодую девушку, «врага народа», сопровождавшие эшелон военные совсем не собирались. Люди по дороге в ссылку умирали сотнями и тысячами, и никому не было дела на смертельные болезни «врагов народа», голод и ужасающую антисанитарию среди ссыльных. В Казахстане, прибыв на поселение, ее также не стали лечить. Позже на месте ушиба у Петимат стал вырастать горб, вскоре она слегла и умерла.

У Исмаила было два сына, которых звали одинаково – Ахмад, и оба ушли рано в праведный мир. Первый из них еще в детстве умер от болезни, а второй погиб уже в возрасте 18 лет, когда получил смертельную рану во время ссоры от односельчанина.

По рассказам родственников, Халид был самым младшим в семье и потому всеобщим любимцем (младший, Бауддин, родился значительно позже, в 1928 году). Халид рос очень активным, физически крепким, непоседливым, смышленным, озорным, схватывающим все на лету ребенком. Детство его было типичным для жителей села. С ранних лет ему приходилось рано вставать, помогать родителям и братьям заниматься домашним хозяйством. Но у чересчур энергичного Халида оставалось еще много сил и энергии для различных мальчишеских забав и проказ, на которые он был слишком горазд. Частенько он не давал проходу многим мальчишкам, проходящим по центральной дороге села мимо дома Исмаила. Односельчане жаловались Исмаилу на проделки его младшего сына, на его неугомонный характер, за что Халид получал заслуженное наказание. И все же он был всеобщим любимцем, братья и сестры, родители его обожали, поэтому многое ему сходило с рук.

Очень рано обнаружилась необыкновенная тяга Халида к учебе, к знаниям. О его феноменальной памяти, сообразительности, желании учиться родители и родственники узнали еще в его раннем возрасте. В шесть лет он выучил арабский язык, читал свободно Коран, освоил основы Ислама. Однако этого, по мнению его отца Исмаила, было недостаточно. Он хотел, чтобы сын стал муллой, религиозным деятелем, одним из тех, кто пользуется всеобщим уважением односельчан. Именно поэтому Исмаил решил отдать шестилетнего Халида в сельское медресе при небольшой мечети, расположенной рядом с нынешней школой №1. Кстати, эта небольшая мечеть, в которой раньше, в советские времена, располагалось сельское отделение связи и почта, существует и сейчас.

Старший брат Халида Али по велению отца отвел его в мечеть и оставил на

попечение наставникам. Халид, по рассказам Али, исправно начал ходить в медресе, охотно учился, жадно впитывал получаемые знания. Уже через месяц он стал одним из лучших учеников медресе. Однако через несколько месяцев его учеба неожиданно закончилась.

Исмаил заметил, что Халид перестал ходить на занятия, ничего никому не объясняя. Встревоженный отец, заподозрив, что его неугомонный сын снова что-то натворил, отправил Али в медресе узнать, в чем дело. Али вернулся и сообщил Исмаилу: «Отец, я обратился к руководителю медресе и попросил его объяснить, почему наш Халид не ходит на занятия. Он мне ответил следующее: «Передайте Исмаилу, что Халид за время учебы у нас прекрасно усвоил все то, чему мы его учили и что мы знаем. Теперь он начал нас учить тому, чего мы не знаем. Нам нечему учить больше вашего сына».

Так довольно скоро закончилась учеба Халида Исмаилова в местном медресе. Но знаний, полученных в нем, Халиду явно было мало. Его тянуло к большим знаниям, и эта мечта не давала ему покоя, пересиливала все. Занимаясь домашними делами, огородом, севом и уборкой земельного надела, обыденными сельскими хлопотами, которые лежали на мужской половине семьи, он не переставал мечтать научиться грамоте и стать ученым человеком.

Главной кормилицей новоатагинцев во все времена оставалась земля да река Аргун. Жители села ежегодно, перед началом весенних работ, проводили дележ пахотных земель, принадлежавших общине. Эти земли лежали не в пойме реки Аргун, где располагалось село, а на высоком берегу каньона, «на бугре», как говорят до сих пор новоатагинцы. Процедура раздачи земельных наделов проводилась на общем сходе жителей Новых Атагов, честно и открыто. Каждая семья или двор получала отрезок земли после бросания жребия. И уже с наступлением весны все здоровое население села занималась обработкой пашни и севом. В основном сеяли кукурузу, просо, фасоль.

Вспашкой и обработкой земельного надела занимались взрослые сыновья Исмаила: Али, Аббаз, Ахмед и Магомед. Им во всем помогал самый младший на тот момент брат – Халид. Отец трудился вместе с сыновьями, проверял качество проделанных ими работ и давал необходимые советы. Физически крепкий, не по годам смекалистый, Халид старался изо всех сил, исправно выполнял любые, самые тяжелые поручения братьев. По-другому и быть не могло. Неповиновение старшему в семье считается самым большим позором, который вообще существует. Работалось ему легко, и все, что ему наказывали сделать, выполнялось быстро и добросовестно. Но эти домашние хлопоты, ежедневный монотонный труд, обычные будни, по мнению Халида, не давали ему ничего полезного, отодвигали его все дальше и дальше от заветной цели – учиться, получить образование, стать грамотным человеком.

Об этих своих мечтах Халид поделился со старшим братом Али. Он, в свою очередь, рассказал отцу о желании Халида продолжить учебу. Исмаил и сам видел, как страдает его младший сын без учебы, как все это сказывается на его поступках, которые перерастали в озорство, служившее затем предметом обсуждения родных и близких, соседей и односельчан.

В один из весенних дней 1920 года Исмаил встретился со своим старым

другом, известным религиозным деятелем шейхом Сугаипом-муллою Гойсумовым из Шали, который приходил в местную пятничную мечеть помолиться. Он обратился к нему с просьбой помочь устроить сына Халида в школу, которая находилась в селе Шали и была единственной в округе. Следует заметить, Сугаип-мулла имел непререкаемый авторитет не только в Шали, но и во всей Чечне. В селе Шали в тот период открылась первая школа, в которой шло преподавание разных предметов на русском языке. Она считалась одной из лучших в Чечне, и Сугаип-мулла состоял в попечительском совете этого учебного заведения. Разумеется, попасть в школу было довольно сложно, в нее принимали уже имеющих определенный багаж знаний детей, и, что самое важное, из рабоче-крестьянских семей. Сугаип-мулла пообещал Исмаилу похлопотать за Халида.

Вскоре он прислал весточку, чтобы Исмаил с сыном прибыл в Шали. Поскольку Исмаил входил в свое время в Гойтинский ревсовет и командовал отрядом ополчения, зачисление Халида в школу решилось быстро. К тому же, Халид при беседе с педагогами продемонстрировал такой багаж знаний, что вызвал у них неподдельное удивление и восхищение. Разумеется, свою роль при принятии Халида в школу сыграли и рекомендации Сугаипа-муллы. Так при помощи и непосредственном участии Сугаипа-муллы Гойсумова, Халид стал учеником первого класса шалинской школы. Позже, став известным человеком в республике, Халид с гордостью рассказывал о решающей роли Сугаипа-муллы в своей судьбе.

Сбылась заветная мечта Халида учиться. Теперь все зависело от его прилежности и устремленности в получении полноценного образования. Что касается самого учебного заведения, то оно скорее походило на интернат. Ученики из других сел и районов проживали в местном детском доме, а днем занимались в школе. Все затраты на учебу, проживание, обеспечение детей едой и одеждой взяло на себя государство. К тому же над школой в Шали шефствовали рабочие завода «Красный молот» из Грозного. Такая поддержка гарантировала лучшим ученикам школы дальнейшее продолжение учебы в рабфаках и курсах ФЗУ.

Вот такой престижной была на тот момент школа в селе Шали.

А теперь немного о самом селе Шали.

К тому времени, о котором мы повествуем, село Новые Атаги вошло в новое территориальное образование – Шалинский район Чеченской автономной области. Этот район с райцентром в селе Шали был образован постановлением Чеченского ревкома 20 октября 1920 года.

Шали являлось издревле самым большим населенным пунктом в плоскостной Чечне. Это был крупнейший духовный, ремесленный и торговый центр не только республики, но и всего Северного Кавказа.

Шали и шалинцы по праву гордятся богатой историей своего села. Здесь пребывали и занимались религиозной деятельностью первый имам Кавказа Шейх Мансур, Ташу-Хаджи Саясановский, Кунта-Хаджи Илисхан-Юртовский, Бамат-Гири-Хаджи Автуринский, Али Митаев, Элах-молла и другие.

В окрестностях Шали проходили ожесточенные бои в период Кавказской

войны под предводительством имама Шамиля. В Шали жили и осуществляли свою духовную деятельность крупнейшие религиозные просветители – Авта-хаджи, Шамсудин-хаджи, Сугаип-мулла Гайсумов, Хажмурд, Молла Ахьмад, Воода и другие.

На окраине села 3 января 1864 года был схвачен и отправлен в ссылку в Новочеркасск по личному распоряжению российского императора Александра II известный чеченский эвлия Кунта-Хаджи Кишиев. Это послужило поводом к восстанию последователей Кунта-Хаджи у села Шали. В истории эта битва получила название «Кинжальный бой зикристов».

Мюриды Кунта-Хаджи, среди которых были также женщины и дети, в количестве 3 тысяч человек в течение длительного времени требовали освобождения своего наставника. Это было мирное шествие, последователи Кунта-Хаджи, не имея при себе огнестрельного оружия, двинулись на царские войска, имея при себе только традиционные кинжалы. Царские войска под командованием генерал-майора Туманова начали расстреливать манифестацию, что спровоцировало мюридов Кунта-Хаджи броситься на войска в рукопашную схватку. В этом бою погибло более 150 мужчин и 8 женщин.

После победы Октябрьской революции жители Шалинского района поддержали большевиков, обещавших им землю, свободу вероисповедания, право на самоопределение и многое другое.

В августе 1918 года добровольцы из Шали и окрестных сел в составе Чеченской Красной Армии храбро сражались с белогвардейцами, пытавшимися задушить Советскую власть в Чечне. Белогвардейцы в 1919 году, в ходе наступления на Чечню, сожгли села Бердыкель, Устаргардой (ныне город Аргун), Мескер-Юрт. Ожесточенные бои шли с белогвардейцами у села Цоци-Юрт, здесь враг был остановлен и в дальнейшем разбит. В битвах с белогвардейцами погибли лучшие сыны района, представители разных сел.

После окончания Гражданской войны и утверждения Советской власти в Чечне здесь началось восстановление разрушенного хозяйства.

Весной 1920 года в Шали прибыли первые русские врачи, а на территории нынешней районной больницы была построена небольшая амбулатория. На территории современной санэпидстанции отстроили и открыли первую в районе школу, в которой чеченцев стали учить русской грамоте.

Грозненский ревком и рабочие взяли шефство над селами района, ремонтировали дороги и сельхозинвентарь, передавали крестьянам продукты питания, соль, мыло, керосин.

В это же время в Шалинском районе появились русские агрономы, врачи и учителя. Вся земля была национализирована. Направленные в чеченские села большевики организовывали Товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) и пункты ликвидации безграмотности. Первыми учителями в шалинской школе были педагоги Сергей и Мария Устименко.

В селе также была построена также первая паровая мельница, на полях появились тракторы английской фирмы «Фордзон».

В этот же период здесь появились первые колхозы, в которые насильно

загоняли крестьян. При этом у них изымали лошадей, скот, земельные наделы. Тысячи зажиточных крестьян были раскулачены и сосланы в Сибирь. Земледельцы осуждали такие насильственные действия по коллективизации, которую начали в Чечне. Именно по этой причине в 1929 году в селе Шали вспыхнул вооруженный мятеж, который возглавил бывший командир Красной Армии Шита Истамулов. Восстание было жестоко подавлено, его организаторы и активные участники, в том числе религиозные деятели, арестованы и расстреляны, а остальные сосланы в Сибирь.

Вот такие события происходили в Шали в начале XX века.

Страстное желание Халида получить образование, огромная тяга к знаниям, наукам, его мечты стать образованным человеком стали осуществляться благодаря помощи Сугаип-муллы. И Халид дал себе слово, что станет лучшим учеником в школе, выбьется в люди, сделает карьеру, чтобы его родные и близкие могли им гордиться.

Итак, Халид поступил в первую в Шалинском районе школу и нашел приют в детском доме. С первого дня учебы он заставил говорить о себе как об одном из самых лучших и одаренных учеников, которому легко давались все без исключения предметы, преподаваемые в школе.

Особенно он увлекся математикой, чеченским и русским языками, географией и историей. По этим предметам его познания даже для учащегося средней школы были впечатляющими. Халид много читал, старательно занимался самостоятельно. Его интересовало все. Благодаря своим уже по тем временам достаточно обширным знаниям, он неоднократно становился победителем различных конкурсов и смотров, получал грамоты и поощрения за отличную учебу и знания.

Каникулы юноша проводил дома, в Новых Атагах. Это иногда приводило к неожиданным курьезам. Как-то во время очередных школьных каникул Халид, стремясь перед сверстником продемонстрировать свои познания в математике, стал перед ним пересчитывать росшую у соседей в огороде кукурузу. Хозяйка соседнего дома, увидев, как двое мальчиков на русском языке считают кукурузные стволы, перепугалась, что это приехала комиссия для проведения продразверстки, чтобы конфисковать ее урожай. Огромных трудов стоило Исмаилу успокоить женщину и объяснить ей, что это его сын с товарищем просто упражняются в математике, повторяя полученные в школе уроки.

Следует заметить, что незаурядные математические способности у Халида обнаружили и его педагоги. Он имел отличные отметки по всем предметам, но особенно увлекся математикой, занимался этим предметом все свободное время. В дальнейшем он выбрал себе профессию, связанную именно с этой важной наукой.

Старший брат Али часто навещал Халида, несмотря на свою занятость домашними делами. Он привозил ему еду, одежду, просто помогал советами.

Али, который очень любил Халида за его сметливость, неординарный ум, решительность, упорство в достижении цели, во всем поддерживал своего младшего брата. Эту любовь к нему он пронес через всю свою жизнь. В самые

трудные для Халида времена, а их было довольно много, когда требовалась помощь, Али всегда оказывался рядом с младшим братом, помогал ему, делился с ним всем, что у него есть.

Примечательна судьба Али. Он вместе с отцом Исмаилом входил в добровольческий отряд при Гойтинском народном совете, защищал Советскую власть. Позже Али одним из первых в селе стал кооператором. Он открыл магазин в селе Белгатой, затем в Шатое, а со временем и в Грозном. В 1935 году он женился на Марьям Шамилевой из Белгатоя, дочери двоюродного брата Сугаипа-муллы, благодарность к которому Халид пронес через всю свою жизнь, и часто повторял, что является его воспитанником.

Следует особо сказать, что Сугаип-мулла Гойсумов был не только известным на всю республику богословом, но и просветителем, общественным деятелем своего времени. Ни один значимый в регионе вопрос не решался без его деятельного участия. Благодаря его неутомимой деятельности в Чечне открывались школы, строились мосты, оказывалась помощь нуждающимся. И в этом Сугаип-мулла, в служении своему народу, видел самое главное свое предназначение.

В Темир-Хан-Шуре (ныне город Буйнакск) были изданы семь наименований книг и трактатов Сугаипа-муллы на различные религиозные темы, в том числе и по истории ислама, ритуальным практикам и даже по чеченскому языку. В 1904-1905 гг. Сугаип-мулла разработал оригинальную графику чеченской письменности на основе арабского языка, называемой аджам.

Сугаип-мулла являлся автором ряда трудов: «Правописание ЧА, Ча, Кха, КИа, Га, ЦА, Ца и их смысл», «Намаз на чеченском языке», «Надежда на справедливость», «Просвещение для народа», «Корни международного Корана», «Словарь на пяти языках». Ему принадлежат стихи на чеченском языке, основанном на арабско графике аджам. При его непосредственном участии был построен мост через реку Аргун на окраине села Новые Атаги. После реконструкции этот мост продолжает служить людям и носит имя Сугаипа-муллы.

Несмотря на все его заслуги перед народом и поддержку Советской власти, в 1924 и в 1928 годах его арестовывали, потому что он был известным религиозным авторитетом.

Али пережил Халида на пять лет и был похоронен на кладбище в Новых Атагах рядом с младшим братом. Али, подростком принимавший участие в строительстве новоатагинской мечети, стал также и свидетелем ее открытия после долгих 35 лет запрета. Он оказался и первым среди односельчан, кого проводили в последний путь в этой же мечети в 1979 году с проведением джамаат-намаза по усопшим.

Огромным стимулом для Халида в учебе в те тяжелые годы разрухи и становления экономики молодой советской республики было то, что отличников учебы государство обеспечивало формой, одеждой, обувью и продуктами питания.

Халид активно участвовал в общественной жизни школы. Одним из первых он вступил в пионерскую организацию села Шали. Будучи

пионером, проявил себя политически грамотным подростком, убежденным сторонником новой власти – власти, которая защищает права бедных и обездоленных, дает им возможность получить образование, стать хозяином на своей земле.

С удовольствием и увлеченно выполнял Халид все порученные ему пионерской организацией задания, стал ее активистом. Но главной его задачей оставалась учеба. И он старался, получал отличные отметки. Его успехи в образовании, общественная активность и целеустремленность были замечены всеми – преподавателями и руководством школы. И педагоги,

и активисты-старшеклассники признали его одним из лидеров учебного заведения. Он стал постоянным участником различных политических мероприятий, диспутов, акций и митингов.

В 1928 году 15-летнего Халида Исмаилова единогласно приняли в ряды юных помощников большевиков – ВЛКСМ. К этому времени он уже являлся вполне сформировавшимся молодым человеком, преданным идеалам революции и готовым выполнять любые задания комсомола и большевиков.

У Халида образовался и круг закадычных друзей, дружбой с которыми он дорожил всю свою жизнь. Разумеется, это были лучшие ученики школы – Хаджимурад Тулаев, Ширвани Дачаев, Абдул-Вахаб Исмаилов, ставшие впоследствии известными государственными и советскими деятелями, гордостью республики.

За достигнутые успехи в учебе и общественно-политической жизни школы Халида избирают делегатом II пленума Шалинского окружкома ВЛКСМ, который прошел 11 июля 1930 года в селе Шали.

Встреча первых комсомольцев района оставила огромный след в его дальнейшей жизни. Этот форум стал для него новым этапом для дальнейшего роста как комсомольца, будущего большевика.

В 1931 году Халид с отличием окончил школу. Он давно уже решил, что продолжит образование. В том же году он поступил на курсы ФЗУ в Грозном. Столица Чеченской автономной области шефствовала над Шалинским районом, помогала молодым толковым ребятам продолжить учебу с прицелом в дальнейшем вырастить из них специалистов и рабочих высокой квалификации из национальной среды.

Халид проучился на курсах ФЗУ в течение года, с отличием окончил их и решил, по рекомендации преподавателей, продолжить учебу, поступить в вуз. Для таких, как Халид молодых талантливых парней, выходцев из национальных образований, для успешной их подготовки для поступления в вуз в те времена

1931 год. Грозный. Халид Исмаилов (справа) и его друг Магомед-Эми Догувев.

появились рабфаки. В течение года абитуриенты готовились у опытных вузовских преподавателей для поступления в институт или университет. Успешно выдержавшие экзамены в ходе учебы на рабфаке зачислялись в вуз по избранной специальности.

Благодаря своим блестящим успехам в учебе и проявленную при этом общественную и политическую активность настоящего комсомольского лидера, Халид получил направление для продолжения своей учебы на рабфаке государственного университета Ростова-на-Дону. Руководство и преподавательский состав курсов ФЗУ полностью поддержали Халида в его выборе. Ростов-на-Дону в тот период являлся столицей Северо-Кавказского края, куда входила Чеченская автономная область, поэтому считалось, что направление в столицу края для продолжения образования – очень высокая оценка способностей выпускника ФЗУ Халида Исмаилова.

Окончив ФЗУ в Грозном и получив направление на учебу на рабфак Ростова-на-Дону, осенью 1930 года Халид приехал в Новые Атаги, чтобы сообщить родителям о том, что отправляется на учебу в дальние края. Мать Сайна, несмотря на то, что к тому времени в семье появился еще один мальчик, Бауддин, на которого в семье переключилось все внимание, эту новость восприняла со слезами на глазах. Очень не хотелось ей отпускать своего любимца в большой далекий неизвестный город.

Отец Исмаил внимательно выслушал сообщение сына о направлении для продолжения учебы в краевую столицу, порадовался за него, что именно его сын из всех удостоен такой чести. Он успокоил жену, пожелал Халиду успехов и скорейшего возвращения домой. После посещения родителей и небольших сборов Халид вернулся в Грозный. Отсюда его путь лежал в самый крупный город Северного Кавказа – Ростов-на-Дону.

Глава шестая **Грозный, Ростов-на-Дону, Москва...**

В Ростов-на-Дону вместе с Халидом отправился на учебу и его неразлучный друг детства – односельчанин Магомед-Эми Догувев. После окончания в Ростове-на-Дону школы НКВД Магомед-Эми долгое время трудился в органах внутренних дел ЧИАССР.

Магомед-Эми часто рассказывал родственникам и односельчанам о том, как они вместе с Халидом добирались из Грозного в Ростов-на-Дону. Они забирались на крыши вагонов железнодорожных составов, устраивались там и таким образом преодолевали нешуточное расстояние почти в тысячу километров. На билеты у молодых парней, студентов, естественно, денег не хватало, поэтому приходилось добираться таким образом, порой под дождем и холодным пронизывающим ветром.

Такие поездки в Ростов-на-Дону во время учебы Халида на рабфаке, а затем обратно в Грозный совершались нечасто и приходились, в основном, на время каникул. Они позволяли пополнять скудные продовольственные запасы студентов и относительно безбедно продержаться до следующего семестра.

Учеба Халиду в незнакомом городе, да еще в университете, где требования к студентам были значительно выше, чем на курсах ФЗУ, давалась, тем не менее, легко. Его захватила учеба совершенно другого уровня, открыла ему новые горизонты доселе невиданных знаний. Как всегда, он все схватывал на лету, и довольно быстро стал лучшим у себя в группе и на факультете. К тому же он активно участвовал в общественной жизни факультета, стал одним из комсомольских лидеров рабфака, которого уважали и с мнением которого считались не только студенты, но и преподаватели.

Во всем Халид рассчитывал, как обычно, только на себя. Большая семья Исмаила, хотя и была работящей, но жила небогато, тем не менее, старалась оказывать Халиду посильную помощь. Старший брат Али, как всегда, поддерживал Халида. Но в основном Халид своими руками, своим трудом зарабатывал себе деньги в таком большом городе.

Вспоминая годы юности, пришедшиеся на время учебы в Ростове-на-Дону, Халид рассказывал, как он вместе с другими студентами, земляками-чеченцами, часто занимался приработком, чтобы прокормить себя, придется и иметь деньги на руках. Чаще всего им приходилось разгружать вагоны на железнодорожном вокзале, речные баржи, заниматься ловлей рыбы на Дону в рыболовецких артелях. Словом, любую подвернувшуюся работу приходилось выполнять, и он ее выполнял с охоткой, она была Халиду в радость и приносила пользу.

Во время учебы в Ростове Халид познакомился и на долгие годы крепко подружился с Юнусом Дешериевым, ставшим впоследствии выдающимся советским ученым-лингвистом, основателем нового направления в языкознании. Халид здесь также нашел многих своих земляков из Чечни, таких же молодых, как и он, людей, приехавших в город на Дону учиться.

Без всяких сомнений, у Халида на первом месте всегда была только учеба. За короткое время он освоился в новом для себя городе. Полюбил Ростове-на-Дону, его просторные улицы и проспекты, сады, набережную Дона, красоту этой великой русской реки. Он, выросший на берегах горного бурного Аргуна, значительно уступавшего по размерам Дону, со временем запросто мог вплавь переплывать туда и обратно эту широкую реку. Здесь, на берегах Дона, Халид научился искусно ловить рыбу, стал заядлым рыбаком.

В свободное от учебы время он, как и многие молодые люди того времени, начал посещать известную и модную среди местного населения бильярдную, расположенную на берегу Дона, в которой, как он рассказывал, собирался цвет донского казачества и местной интеллигенции. Здесь он не только научился превосходно играть в эту популярную игру, но и узнал много интересного о городе и его жителях, о донском крае, познакомился со многими известными людьми.

Одним из них был молодой в ту пору литератор, а впоследствии известный советский писатель, автор гимна СССР и России Сергей Михалков. Халид сдружился с ним и довольно часто проводил время, играя в бильярд.

Здесь же, в Ростове-на-Дону, Халид познакомился с красивой девушкой Александрой Алексеевной Галкиной, дочерью потомственного донского казака. Александре сразу понравился черноволосый, красивый, смелый

1938 год. Геленджик. Хаджимурад Тулаев, Халид Исмаилов с сыном Славиком, В. Бибичев

молодой человек, который в стычках со сверстниками запросто мог справиться с несколькими соперниками. У молодых людей возникли серьезные взаимные чувства, которые позволили им со временем создать семью. В 1934 году Халид и Александра поженились, а в 1935 году у них родился первенец – сын Славик.

О своей женитьбе на казачке Халид сообщил своему старшему брату Али в письме.

Создание семьи нисколько не помешало Халиду упорно и целенаправленно идти к поставленной цели, продолжать учебу. В 1935 году он с отличием окончил рабфак Ростовского университета и, как проявивший

себя с самой лучшей стороны студент, специализирующийся в экономике и торговле, получил направление на учебу в Москву, в Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, который сейчас называется Российским экономическим университетом имени В.Г. Плеханова. Он, студент-отличник, выбрал для продолжения учебы именно этот вуз, который считался в то время самым престижным в стране.

Ректором этого вуза на тот период являлся Мартин Янович, или, как еще его называли, Мартын Иванович Лацис, известный революционер и большевик, один из руководителей ВЧК в годы становления Советской власти и, как считают, один из основоположников «красного террора».

Удивительна и типична для Страны Советов биография М. Лациса. Он возглавлял МИНХ с 1932 до 1937 года, до того момента, пока его, известного революционера и соратника В. И. Ленина, уже самого не арестовали как «врага народа» и приговорили постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 февраля 1938 года к расстрелу. Человек, посвятивший себя бескомпромиссной борьбе с врагами народа и революции, сам в конечном итоге оказался обвиненным сталинской властью в измене и казнен. Эта же участь впоследствии постигла многих видных партийных советских работников страны. Не избежали этой участи и выходцы из Чечено-Ингушской АССР, верные большевики, занимавшие высшие руководящие посты в республике, преданно служившие Советской власти.

Очень интересны высказывания М. Лациса по поводу революции и задач, стоящих перед ней: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и «гуманности», выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации «нижних классов». Наша мораль новая, наша гуманность абсолютная, ибо

она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнета и насилия. Нам все разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнета и рабства всех...

Жертвы, которых мы требуем, жертвы спасительные, жертвы, устилающие путь к Светлому Царству Труда, Свободы и Правды. Кровь. Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет серо-бело-черный штандарт старого разбойного мира. Ибо только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов, тех шакалов, с которыми мы кончаем, кончаем, миндальничаем, и никак не можем кончить раз и навсегда», – так емко охарактеризовал М. Лацис в газете «Красный меч» задачи, стоящие перед революцией.

М. Лацис, искренне веривший в революцию и ее идеалы, не жалевавший для этого ни собственных сил, а также жизнью «врагов народа», сам оказался жертвой начатого им «красного террора». Он безжалостно уничтожал тех, кто, по его мнению, всячески мешал строить новую жизнь, но довольно скоро сам превратился в того «врага», с которым боролся. Его расстреляли, несмотря на все его революционные заслуги, по приказу «вождя мирового пролетариата» Сталина.

Халида Исмаилова, выпускника ростовского рабфака, ставшего студентом Института народного хозяйства, Москва встретила приветливо и просто очаровала. Он, парень из небольшого чеченского села, впервые очутился в столице нашей страны. Конечно, для него это было событие огромной важности. Здесь, в одном из ведущих вузов СССР, ему предстояло учиться и проявить себя, свои лучшие качества, получить знания и пополнить ряды специалистов высшей категории из числа чеченцев. Именно такая партийная программа по подготовке национальных кадров из числа народов СССР, существовавшая на тот момент, и позволила ему стать студентом этого элитного высшего учебного заведения. А грамотных чеченских специалистов, имеющих высшее образование, да еще и получивших его в Москве, в то время можно было просто пересчитать по пальцам.

Зная и понимая всю стоящую перед ним ответственность, Халид полностью ушел в учебу. Занятия в Плехановке, как еще называли этот вуз, с первого дня увлекли Халида. Он вырос в прямом и переносном смысле, возмужал, превратился со временем в совсем другого человека, серьезного, вдумчивого, образованного. Он с огромным интересом слушал лекции известных советских ученых и участвовал в практических занятиях по различным дисциплинам, читал и штудировал труды экономистов мирового уровня. Халид выбрал себе специализацию экономиста-товароведа и посвящал все свободное время изучению этого предмета. Благодаря упорству и целеустремленности он вскоре достиг в изучении экономики и его законов заметных успехов. Во всяком случае, преподаватели постоянно отмечали его отличную подготовку и прекрасное знание этой дисциплины. Но и по другим предметам отметки у Халида были только отличными.

Помимо учебы, он, как и в Ростове-на-Дону, активно участвовал в общественно-политической жизни вуза, являлся комсомольским активистом,

имел успехи в спорте и физической культуре. Кроме того, в свободное от учебы время, он, как и большинство студентов, подрабатывал на разгрузке вагонов. Одно время он даже устроился на киностудию «Мосфильм» разнорабочим. Ему было интересно наблюдать, как снимались фильмы, особенно павильонные съемки, свидетелем которых он был не один раз, сама организация кинопроизводства на одной из самых крупных и известных киностудий страны.

Кроме того, Халид часто встречался со своими земляками, которые учились в Москве. Он был в курсе всех происходящих дома событий, живо обсуждал их с друзьями. Среди них были лингвист Юнус Дешериев, студент Института красной профессуры Абдурахман Авторханов, поэты и писатели Магомед Мамакаев и Джамалдин Яндиев, его старый друг Хаджимурад Тулаев, Хасмагомед Магомаев и многие другие.

Хаджимурад Тулаев, близкий друг Халида, успешно учился в Институте связи. Во время учебы в институте, когда началась Великая Отечественная война против фашистских оккупантов, он добровольцем ушел на фронт, но вскоре был откомандирован в Москву для продолжения учебы. В 1944 году его назначили заместителем начальника Управления связи Николаевской области Украины, только что освобожденной от немецких захватчиков. После войны он занимал руководящие должности в различных структурах Министерства связи СССР, в том числе в Ульяновской области, в городе Самарканде Узбекской ССР.

Ответственное отношение к учебе, помноженное на огромную работоспособность и природный талант Халида, позволили ему окончить вуз в 1937 году с очень хорошими отметками. Увы, для получения «красного диплома» ему не хватило совсем немного. На выпускных экзаменах Халид получил одну «четверку» при остальных «пятерках». За примерную учебу в торжественной обстановке ему вручили диплом об окончании вуза и наградили велосипедом. Этот подарок Халид запомнил на всю жизнь. Много лет спустя, вспоминая студенческие годы, он рассказывал, что «круглый отличник» и обладатель «красного диплома» получил фотоаппарат, неслыханный по тем временам подарок для студента. Ему же, имевшему одну «четверку», достался велосипед.

После окончания учебы в Москве Халида с нетерпением ждали в Ростове-на-Дону жена Александра и сын Вячеслав. К моменту приезда Халида сынишка уже повзрослел и начал ходить. Семья, рождение сына, получение диплома по специальности «экономист-товаровед» были самыми приятными и значимыми событиями в его жизни. Халид выполнил поставленную перед собой задачу, получил высшее экономическое образование в Москве.

Впереди его ждали новые неизведанные дороги, радостные и тревожные, словом, разные, как и сама жизнь.

Глава седьмая Путь в журналистику

Заветная мечта Халида получить высшее образование наконец-то сбылась. Годы учебы, активного участия в общественной жизни, в пионерской организации и комсомоле, пришедшиеся на суровые годы становления Советской власти в Чечне, закалили Халида, сделали его настоящим бойцом, готовым к вступлению в партию большевиков. Он стал целеустремленным, твердым в убеждениях молодым человеком. Это доказали годы учебы в шалинской школе, на курсах ФЗУ в Грозном, рабфаке госуниверситета в Ростове-на-Дону и, наконец, в Московском институте народного хозяйства имени Плеханова.

Учеба в Москве, в одном из престижнейших вузов страны, и успешное ее завершение стали значимой вехой в жизни Халида. Он достиг ту цель, недостижимую для многих чеченцев того времени, которую поставил перед собой, к которой стремился, будучи босоногим сельским мальчишкой. Для юноши из Новых Атагов это событие стало огромным достижением. В 30-е годы XX столетия мало кто из чеченцев мог похвастаться такими успехами. Но для Халида они не стали поводом для самоуспокоения. Он, талантливый, амбициозный, грамотный и целеустремленный молодой человек, ставил перед собой еще более высокие задачи – реализовать себя на самых верхних ступенях государственной власти, принести своей стране и народу пользу.

Молодого дипломированного специалиста Халида Исмаилова после завершения учебы в Москве направили в Ростов-на-Дону, в распоряжение Северо-Кавказского краевого комитета ВКП (б). После собеседования с первыми лицами крайкома молодого специалиста назначили заместителем начальника государственной торговой инспекции по Северо-Кавказскому краю, которая располагалась тогда в Пятигорске. Халид выехал в Пятигорск, а после того как он там устроился, к нему, в этот курортный город Северо-Кавказских минеральных вод, переехали жена с сыном. Здесь, в Пятигорске, началась трудовая биография Халида Исмаилова.

Работы на новом месте было очень много. Курортная зона Северного Кавказа всегда славилась своими целебными источниками и санаториями. В 30-е годы XX столетия здравницы Кавминвод привлекали огромные массы жителей страны необыкновенно живописной природой, минеральными целебными источниками и, в свою очередь, высоким уровнем сервиса в обслуживании клиентов. Люди приезжали на Кавминводы из разных уголков необъятной страны, чтобы не просто отдохнуть и подлечиться, но и приятно, культурно провести время. И в этом плане немаловажная роль отводилась системе общественного питания для удовлетворения самых высоких требований отдыхающих. Советское государство ставило перед общепитом на тот момент новые высокие задачи – значительно поднять уровень обслуживания населения и сделать его одним из лучших в мире. Именно эти цели, поставленные партией перед коллективом торговой инспекции края, и предстояло выполнять Халиду.

С первых дней работы на новом месте он с присущей ему энергией и

энтузиазмом принялся за выполнение своих обязанностей. За ним были закреплены основные направления деятельности инспекции. Кураторство над ними, заряженность на выполнение поставленных партией задач, огромная самоотдача, в конечном итоге, привели к запланированным результатам – с участием Халида заметно изменилась организация работы инспекции, разумеется, в лучшую сторону. Профессионализм, грамотность, знание нюансов торговли, трудолюбие и самоотверженность в работе, огромные организаторские способности Халида были замечены и по достоинству оценены руководством инспекции края. Его, как отличного работника, неоднократно поощряли благодарностями и грамотами Госторгинспекции края и Северо-Кавказского крайкома партии.

В семье Халида тем временем подрастал Славик. Семья Исмаиловых жила счастливо: и семейные заботы, и маленькие радости, и победы. Казалось, ничего не предвещает неприятностей. Но беда пришла, как всегда, внезапно.

Неожиданно заболел четырехлетний Славик, недуг дал осложнение, и буквально в считанные дни его не стало. Медицина оказалась бессильной перед болезнью малыша. Халид стойко перенес эту потерю, молча, не подавая вида. Тяжело пережила горе жена. Но надо было продолжать жить. В этой непростой ситуации Халид принимает решение переехать из Кавминвод в Грозный, вернуться в родную республику.

Потеря маленького сына, конечно, оставила глубокую незаживающую рану в сердце Халида. С детства он привык твердо держать удары, не опускать руки. Он, человек железной воли, мог вынести любые лишения и невзгоды. Он еще не знал, какие испытания уготовлены ему в жизни. Но Халид, несмотря на потерю сына, твердо смотрел в завтрашний день, как это свойственно молодым людям. Он был уверен, что сможет изменить в лучшую сторону этот мир – новый мир, в котором, как сказано в «Интернационале», гимне большевиков, «кто был ничем – тот станет всем».

В марте 1938 года Халид с семьей переехал в Грозный. Поселились в небольшом частном доме. Имея высшее экономическое образование, Халиду Исмаилову, тем не менее, не сразу удалось подыскать работу по своей специальности в Грозном. В Чечено-Ингушской АССР в этот напряженный период остро стоял вопрос нехватки идеологических работников, журналистов, владеющих в совершенстве чеченским и русским языками и пишущих на них. Именно поэтому ему предложили работу в республиканской прессе.

После собеседования в Чечено-Ингушском обкоме ВКП (б) по рекомендации Ризвана Хаджиева, старого друга Халида, а теперь занимавшего должность заведующего отделом пропаганды и агитации, его приняли на должность заведующего промышленно-транспортным отделом республиканской газеты «Ленинский путь» («Ленинан некъ»), органа Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), выходящей на чеченском языке.

Это были первые шаги Халида в профессиональной журналистике, которой он впоследствии отдал самые лучшие годы своей жизни. Поражало одно: экономист по образованию, Халид легко и непринужденно стал выполнять

обязанности журналиста главной чеченской газеты республики, словно всю свою жизнь проработал в редакции.

Огромный дефицит национальных журналистских кадров в республике пополнялся, в основном, грамотными молодыми людьми, успешно закончившими, в основном, школы и ФЗУ. Но их, этих людей, было очень мало, и даже они не могли решить все существующие проблемы. Разумеется, с ними еще предстояло упорно работать опытным наставникам, чтобы в перспективе, через год-другой, подготовить из них полноценных специалистов. Поэтому воспитание национальных кадров, в том числе в журналистике, в ЧИАССР на тот период являлось первоочередной задачей.

Ризван Хаджиев

У Халида уже был определенный опыт работы в качестве начинающего журналиста. Еще в шалинской школе, а затем во время учебы на курсах ФЗУ, на рабфаке в Ростове-на-Дону, в институте в Москве он писал заметки, зарисовки о работе пионерской и комсомольской организаций для стенгазет и многотиражек, затем Халид увлекся и публикациями в периодических партийных и комсомольских изданиях. Прекрасно владеющего чеченским литературным письменным и русским литературным языками, его охотно печатали тогдашние республиканские газеты. Более того, Халиду как комсомольцу, часто поручали перевести статьи из газет и журналов о событиях в стране и за рубежом для выступлений на собраниях и митингах в пионерских и комсомольских организациях. Навыки переводчика и знание языка очень пригодились ему впоследствии во время работы в чеченской газете.

В Грозном к моменту приезда туда Халида выходили несколько периодических изданий, а также появилось и делало первые шаги самое современное направление в журналистике – радиовещание.

Самым крупным из республиканских СМИ считалась газета «Грозненский рабочий», выходящая на русском языке. Главным чеченским изданием являлась газета «Ленинан некъ» («Ленинский путь»), она выходила с 23 апреля 1923 года. Первоначально газета называлась «Советская автономная Чечня». Ее основателем был видный советский работник, большевик, впоследствии известный чеченский писатель, также выходец из села Новые Атаги Саидбей Арсанов. Затем, с 1925 года, газету переименовали, и она стала выходить под названием «Серло» («Свет»), а в 1934 году газета получила новое имя – «Ленинан некъ» («Ленинский путь»). Во время депортации чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию с 1955 по 1957 год в городе Алма-Ата эта главная чеченская партийная газета выходила под названием «Къинхъегаман байракх» («Знамя труда»). После реабилитации чеченцев и восстановления ЧИАССР газете вернули прежнее имя – «Ленинан некъ». Позже, в 1991 году, на волне демократизации и перестройки, начавшейся в Советском Союзе, газету снова переименовали, она получила современное

название «Даймохк» («Отчизна»). Эта газета до сих пор выходит в Грозном.

В момент возвращения Халида в Грозный его друг и соратник Ризван Хаджиев являлся заведующим отделом пропаганды и агитации Чечено-Ингушского обкома ВКП (б). Он и попросил Халида поработать в ведущей чеченской газете.

Интересна и типична для представителя чеченской интеллигенции того периода судьба этого известного журналиста, писателя и общественного деятеля.

Ризван Хаджиев родился в 1906 году в селе Ойсхара Гудермесского района. Еще в раннем детстве он остался без отца и матери, и его воспитанием занялся дедушка. Он окончил начальную школу в родном селе, в 1928 году партийно-советские рабочие курсы в Грозном, а через год, в 1929 году, и рабфак. В том же 1929 году Р. Хаджиев поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве. В 1934-1938 гг. Р. Хаджиев занимал должность заведующего отделом пропаганды и агитации Чечено-Ингушского обкома ВКП (б), а в 1939 году являлся редактором газеты «Ленинан некъ» («Ленинский путь»). С началом Великой Отечественной войны, в 1941 году, Р. Хаджиев добровольцем ушел на фронт. Он воевал в составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса, участвовал в битве за Москву и в боях на Северном Кавказе. Награжден медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За отвагу и доблесть». В 1944 г. в звании капитана Р. Хаджиева демобилизовали. К этому времени чеченцы находились в ссылке, в Казахстане и Средней Азии. Вопреки всем запретам Р. Хаджиев вернулся в упраздненную республику, посетил могилу своего дедушки в селе Ойсхара. Работники НКВД, следившие за каждым его шагом, задержали его и отправили в Казахстан, где только через четыре месяца он нашел свою семью. Его первые литературные произведения опубликованы в начавшей выходить в Казахстане в 1955 году газете «Знамя труда» («Къинхъегаман байракх»). После возвращения домой в 1957 году Р. Хаджиев работал заведующим отделом и редактором газеты «Ленинан некъ». С 1959 по 1969 годы он являлся директором Чечено-Ингушского книжного издательства. В 1966 году вышел его первый сборник художественной прозы и поэзии, а всего он является автором пятнадцати книг. С 1970 года он был редактором Государственного комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров ЧИАССР. Скончался Р. Хаджиев 15 августа 1985 года.

В газете «Ленинан некъ» в те годы работали самые известные и грамотные люди, как говорится, соль чеченской интеллигенции. Одним из них был, конечно, Саидбей Арсанов, основатель и первый редактор газеты, чеченский писатель, председатель Союза писателей Чечено-Ингушской АССР.

Саидбей Арсанов – человек интересной, яркой судьбы. Свою молодость он посвятил активному участию в революционном движении начала XX века. Во время учебы в Санкт-Петербургском Политехническом институте за участие в студенческих демонстрациях он был арестован и сослан на каторгу, откуда бежал и эмигрировал в Германию. Позже он вернулся на Родину, участвовал в Гражданской войне на Дальнем Востоке. С начала 20-х годов занимал различные

руководящие должности в советских органах в Чеченской автономной области. С 1926 по 1930 год являлся уполномоченным представителем Чечни в Москве.

Главную чеченскую газету в разные годы возглавляли известные журналисты, писатели и общественные деятели: Абдулхалим Саламов, Хасан Мехтиев, Хасмагомед Магомаев, Магомед Мамакаев, Билал Чалаев, Бисултан Габисов и другие.

В чеченской журналистике того периода также было хорошо известно и имя Хамида Хасмагомадова, общественного деятеля и одного из лучших чеченских переводчиков.

Кроме печатных СМИ, в республике тогда впервые появилось и стало пользоваться огромной популярностью у населения радиовещание. Датой рождения чеченского радио является 17 апреля 1928 года. С момента своего образования радиовещание в республике стало бурно развиваться, для него специально готовились технические кадры. Если в 1928 году в Чечне существовал всего один радиоузел в городе Грозный, то в 1929 году их было уже 6, они открылись и в районах Чеченской области. Первый периферийный радиоузел был установлен в селе Урус-Мартан. К 1 июля 1929 года в различных селах области уже имелось 56 радиустановок.

Первым директором радиокomiteта из чеченцев стал в 1929 году известный писатель Шамсуддин Айсханов. В 1935 году его в этой должности сменил известный политолог Абдурахман Авторханов, а в 1938 году директором стал В. Агапетян. С 1940 по 1944 год радиокomiteтом руководил Андарбек Шамилев, друг и товарищ Халида Исмаилова.

Первыми журналистами радио, как и редакции газеты «Ленинан некъ», стали представители талантливой чеченской молодежи, выпускники и студенты техникумов и вузов Грозного, Москвы, Орджоникидзе, Ростова-на-Дону и других городов. Это Магомед Мамакаев, Нурдин Музаев, Серажди́н Эльмураев, Магомед Сальмураев, Ахмад Нажаев, Арби Дудаев, Азамат Саракаев, Айнди Зубайраев, Билал Чалаев, Арби Мамакаев и другие. Халид Исмаилов позже, в сороковые годы, также много и плодотворно работал на чеченском радио, занимал должности редактора передач и диктора.

В ряды опытных и молодых чеченских журналистов, благодаря которым стала формироваться чеченская журналистика, и влился Халид Исмаилов.

С первых дней работы в газете «Ленинан некъ» Халид проявил себя грамотным, ответственным журналистом, качественно улучшившим работу возглавляемого им промышленно-транспортного отдела. Этот отдел в редакции всегда считался одним из важнейших и самых трудных, поскольку в индустриальной, нефтяной и газодобывающей республике с огромными трудовыми традициями писать о проблемах промышленности грамотно и понятно на чеченском языке мало кому удавалось. Халид смог наладить и систематизировать работу отдела, подтянуть грамотность публикаций, и, в том числе, обогатил редакционный словарь промышленных терминов на чеченском языке новыми словами и оборотами. Кроме того, в редакции газеты с приходом Халида стало традицией регулярно писать очерки и зарисовки о людях труда, передовиках производства, которыми гордился чеченский народ.

Халид проработал в чеченской газете в течение года. За этот короткий срок в редакционной работе произошли заметные перемены в лучшую сторону. Он улучшил качество и расширил жанровое разнообразие газетных публикаций, обогатил тематику материалов. У него здесь появились и новые друзья. Здесь Халид на долгие годы обрел крепкую дружбу с Хасаном Мехтиевым, Билалом Чалаевым, Хамидом Хасмагоматовым, Бисултаном Габисовым, Нурдином Музаевым и многими другими чеченскими журналистами и писателями.

Несмотря на загруженность в работе, Халид в тот период берется за перевод на чеченский язык повести классика русской литературы Льва Николаевича Толстого «Хаджи-Мурат». Идея перевода на чеченский язык этого выдающегося произведения Л. Толстого получила полную поддержку не только у руководства редакции газеты «Ленинский путь», но и в обкоме партии. В сжатые сроки, не в ущерб своим рабочим обязанностям, Халид перевел повесть на чеченский язык.

Произведение Л. Толстого «Хаджи-Мурат», одно из самых значимых в творчестве писателя, вышло на чеченском языке весной 1941 года в городе Грозный. Издание книги стало заметным событием в культурной жизни республики и получило высокую оценку руководства ЧИАССР.

Время, проведенное в редакции газеты «Ленинский путь», показало, что Халид Исмаилов – прекрасный журналист, готовый в любой момент возглавить не только любой отдел газеты, но даже само издание. Именно работа в чеченской газете сделала Халида одним из известных журналистов республики.

Конечно, газета дала ему огромный опыт, новые знания. Разумеется, руководство газеты в лице его друга Ризвана Хаджиева хотело, чтобы он остался в редакции. Но решение о переводе Халида на новое место работы уже было принято в руководстве республики. Дальше ему предстояло трудиться на новом месте непосредственно по своей специальности.

Халида вызвали в Чечено-Ингушский обком партии и сообщили о назначении его в Чечено-Ингушский Респотребсоюз на должность заместителя начальника Торгового управления.

Халид Исмаилов проработал в этой должности чуть больше года, до ноября 1940 года. За этот небольшой срок он проявил себя талантливым экономистом, творческим, умным организатором и грамотным руководителем. Благодаря этим своим способностям он значительно улучшил работу ведущего управления Респотребсоюза, получил массу благодарностей и грамот от руководства организации, которую возглавлял Сапаров. За безупречный труд и ответственное отношение к выполнению своих обязанностей. Халида Исмаилова заметили в руководстве республики как молодого, перспективного экономиста и руководителя. Именно поэтому в июне 1940 года ему была предложена новая должность – заместителя директора Чечингторга. Это назначение потребовало от Халида приложения всех сил, чтобы успешно справляться с возложенными на него обязанностями. Он трудился днем и ночью, практически без выходных. Халида дома видели только урывками. В семье уже подрастала Светлана, которая родилась в 1938 году, и она уже стала ходить и даже пыталась разговаривать.

Тем временем обстановка в мире после прихода к власти в Германии фашистов накалилась до предела. Все чувствовали, что война не за горами. Но и внутри страны стали происходить события, которые потрясли всех.

В очередной раз начались масштабные чистки в партийных и советских органах, разоблачались скрытые и явные «враги», «буржуазные

1939 год. Грозный. Халид Исмаилов, Магомед Омаров и Хамид Хасмагомадов

элементы», «религиозные вредители», «кулаки». Еще в 1937 году, в период «большого террора», были арестованы и заключены в тюрьмы под надуманными предложениями друзья и единомышленники Халида: Магомед Мамакаев, Хаси Вахаев, Магомед Омаров и многие другие.

Халид, как и многие другие граждане страны, считал, что это ошибка, недоразумение, когда по надуманным предложениям подвергаются арестам преданные Родине и партии люди. Он был убежден, что партия разберется во всем и выпустит на свободу своих воспитанников, твердых и убежденных большевиков. Увы, этим ожиданиям не суждено было сбыться.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года на территории Чечено-Ингушской АССР началась операция по ликвидации «контрреволюционного подполья» и «врагов Советской власти», позднее получившая в учебниках истории название «Период большого террора». Все периметры границы ЧИАССР были заблокированы формированиями НКВД. Аресты «врагов народа» производились по заранее составленным спискам. Людей хватали, поднимали прямо с постели и полусонных, ничего не соображающих, закидывали в закрытые грузовики и везли в грозненские тюрьмы и места заключения. В результате первых дней операции две тюрьмы НКВД в Грозном оказались забитыми людьми под самую завязку. Из-за нехватки тюрем арестованных стали размещать в непригодных для этого помещениях. Например, в центральном гараже объединения «Грознефть» поместили 5 тысяч человек, в клубе имени Сталина – 3 тысячи, в Доме предварительного заключения республиканской милиции – до 300 человек. При этом районные дома предварительного заключения (ДПЗ) милиции и НКВД регулярно пополнялись все новыми и новыми арестантами.

По некоторым сведениям, всего в республике было арестовано до 14 тысяч человек, что составляло около трех процентов от общего населения республики. На всех «врагов народа» был выдан один общий прокурорский ордер на арест. Над всеми арестованными также был произведен один общий заочный суд. Его осуществила чрезвычайная «тройка» Чечено-Ингушского НКВД в составе первого секретаря областного комитета Егорова, народного комиссара НКВД Дементьева и спецпрокурора НКВД ЧИАССР Порубаева. «Тройка» также

списками приговаривала одних к смерти, а других – к отправке в лагерь.

До сих пор не установлено точное количество расстрелянных «врагов народа», арестованных в период «большого террора». Известно только, что массовые расстрелы в подвалах тюрем НКВД в Грозном проводились каждую ночь под гул заведенных моторов автомашин, чтобы не было слышно звуков выстрелов и человеческих криков.

Людей уничтожали по особому, изобретенному в ходе экзекуций энкавэдэшниками методу. Новизна данного метода заключалась в том, что устанавливалась следующая процедура казни: для ускорения приведения в исполнение расстрельного приговора в подвале здания грозненской тюрьмы НКВД, со стороны Сунжи, было подготовлено специальное помещение для проведения расстрелов больших групп заключенных. Чекисты называли этот подвал «этапной камерой» и заводили туда приговоренных к расстрелу арестантов под предлогом отправки на этап. Внутри камера со всех сторон была оборудована скрытыми вращающимися огневými пулеметными точками, из которых в упор расстреливали людей. Трупы казненных вывозили по ночам в закрытых наглухо грузовиках в направлении станции Горячеводской. Здесь, у основания Сунженского хребта, в специально отгороженной зоне, наспех хоронили в братских могилах всех расстрелянных «врагов народа».

По поводу этих событий, развернувшихся в ЧИАССР в сентябре 1937 года, в одном из номеров газеты «Правда» была опубликована статья под заголовком «Буржуазно-националистический клубок в Чечено-Ингушетии». Смысл статьи сводился к тому, что в ЧИАССР в партийном руководстве и во главе правительства находятся «буржуазные националисты», ведущие чечено-ингушский народ по антисоветскому пути. Автор статьи в «Правде» призывал «до конца распутать буржуазно-националистический клубок». Что это означало на самом деле, было хорошо известно.

Известный политолог Абдурахман Авторханов так рассказал в одной из своих книг об этих событиях.

«В начале октября 1937 года в сопровождении большого чекистского штаба в Чечено-Ингушетию прибыл кандидат в члены Политбюро, председатель партколлекции при КПК при ЦК и заместитель Ежова Шкирятов... 7 октября был созван расширенный пленум Чечено-Ингушского областного комитета в Доме культуры имени Ленина Сталинского района в г. Грозном. Кроме членов пленума присутствовали персонально приглашенные ответственные работники города и районов... Шкирятов дал приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, являющихся членами Чечено-Ингушского областного комитета. Они были арестованы тут же, в зале пленума. Потом приказ Шкирятова был распространен и на всех чечено-ингушских работников, от председателя республиканского правительства до председателя сельсовета».

Аресту подверглись председатель Правительства ЧИАССР А. Горчханов, заместитель председателя правительства республики А. Саламов, второй секретарь обкома партии Х. Вахаев, завкультпропом областного комитета ВКП (б) М. Мамакаев, нарком земледелия А. Мальсагов, нарком здравоохранения С. Казалиев, нарком местной промышленности К. Ужахов, нарком финансов

Г. Гойгов, нарком просвещения Х. Окуев, председатель Верховного суда М. Ханиев, прокурор республики Х. Мехтиев, председатель плановой комиссии М. Исламов, директор Научно-исследовательского института С. Арсанов, председатель республиканского радиокомитета Ш. Айсханов, председатель Союза писателей республики С. Бадуев, ответственный редактор газеты «Ленинан некъ» Х. Арсанукаев, директор драматического театра Х. Яхмаатов, директор Государственного музея Э. Шерипов, директор филармонии композитор Г. Мепурнов, председатель коллегии адвокатов Д. Шерипов, директор Водоканалтреста М. Шатаев, ответственный секретарь исполкома республики З. Межидов, управляющий торговлей А. Эльдарханов, управляющий банком М. Чекуев, начальник управления Заготзерно К. Арсанукаев, авторы фундаментальной «Научной грамматики чеченского языка» профессор Х. Яндаров, доценты Д. Мальсагов и А. Мациев, писатели А. Нажаев, М. Сальмурзаев, А. Дудаев и другие; секретари районных комитетов партии Шахгиреев, Бектемиров, Эдиев, Плиев, Азиев, Ханиев, Гугаев, Н. Казалиев, Г. Гугаев, Окуев, Сальмурзаев, Джабраилов, Ведзижев, Омаров, Чапанов, Эльдарханов, Джафаров, Гамурзиев, Зармаев, Мунаев. Кроме того, в тот же день арестовали 28 председателей районных исполнительных комитетов, почти всех председателей сельских советов, колхозов и их партторгов. Были арестованы чиновники всех республиканских, городских, районных и сельских учреждений».

По сути, всего за два месяца перестало существовать Правительство ЧИАССР, весь цвет чеченской нации, появившийся в республике за годы Советской власти. Арестам, заключениям в тюрьмы и расстрелам подверглись самые лучшие представители чеченского народа, воспитанные в лучших революционных традициях, образованные, умные, способные, несмотря на особенности коммунистической идеологии того периода, свободно мыслить и отстаивать свою точку зрения.

Массовые аресты в Чечено-Ингушетии продолжились вплоть до ноября 1938 года. По некоторым данным, в результате операции НКВД только из числа руководства республики было арестовано 137 человек, почти все они являлись чеченцами и ингушами. Всего же в репрессиях 30-х годов в Чечено-Ингушетии в общей сложности пострадало около 200 тысяч человек.

Продолжение следует.

Дебют

Зарета Джамалдинова

Родилась в г. Урус-Мартан, Чеченская Республика. Проживает в городе Грозный. Окончила грозненскую среднюю школу №15. В 2004 году поступила в ЧГУ на филологический факультет, который окончила в 2008-ом, по специальности «Журналистика». О себе Зарета сообщает следующее: «Я являюсь матерью пятерых детей: у меня три сына и две дочери. Стихи пишу со студенческих лет, – только семейные заботы не позволяли уделять этому творчеству много времени. И сегодня, когда дети подросли, жизненный путь снова привел меня в Дом Печати. Несколько лет назад мне удалось опубликоваться в журнале «Нана», когда он был под руководством Лулы Жумалаевой, которая была прекрасным литератором, вдохновляющим руководителем, и просто добрым и отзывчивым человеком. Горжусь, что была с ней знакома (Дала гечдойла цунна). Очень люблю читать, изучаю Таджвид и продолжаю писать стихи в свободное от хлопот время. Пробую свои силы в прозе. В настоящее время работаю флористом в цветочном салоне, где часто применяю свое нереализованное воображение, собирая прекрасные букеты. Радуюсь каждой минуте жизни, отпущенной мне Всевышним!»*

О чем ты мыслишь в тишине?

Живет на свете человек –
 Неполный век...
 И почему-то, этот срок
 Ему не впрок...
 Не видит он красот земли, –
 Как не внемли...
 Торопит он событий бег, –
 А жизнь лишь миг...
 В мечтах всегда не там, где есть –
 Вот это жечь...
 Предпочитает правде лесть –
 Повыше влезть...
 И попадает в капкан,
 Как мальчуган...
 Настигнет тут его судьба,
 Что с ним груба...
 И захлестнет она тогда, –
 Как с гор река...

Когда приходится упасть,
 Так трудно встать...
 А если встать, навверняка,
 Хромать слегка...
 И если нет в душе Творца –
 Совсем один...
 Своей судьбе он до конца
 Не господин...

Сегодня грустно мне чего-то,
 Все будто валится из рук.
 Так не хватает мне кого-то –
 Ведь не приходит сердца друг.
 Опять я встречи ожидаю,
 Гляжу в окно и снова жду...
 Шаги услышав, замираю,
 И двери распахнуть спешу...
 О чем ты мыслишь в тишине? 1

И словно не было разлуки,
Ты мне мерещишься опять –
Забыв обиды, ссоры, муки,
Все хочешь что-то мне сказать.
А я, смутившись на мгновенье,
И втайне радость затая,
Скажу, переборов смущенье: –
Не уходи, прошу тебя...

Сегодня грустно мне чего-то,
Все будто валится из рук.
Так не хватает мне кого-то –
Ведь не приходит сердца друг.
Опять я встречи ожидаю,
Гляжу в окно и снова жду...
Шаги услышав, замираю,
И двери распахнуть спешу...
И словно не было разлуки,
Ты мне мерещишься опять –
Забыв обиды, ссоры, муки,
Все хочешь что-то мне сказать.
А я, смутившись на мгновенье,
И втайне радость затая,
Скажу, переборов смущенье:
– Не уходи, прошу тебя...

О женском счастье
Бывает, женщина несчастна,
А может, кажется такой.
Трактует жизнь свою ужасно:
Мол, только снится ей покой.

Но загляните глубже в это
И извлеките дела суть.
Наверно, счастье ходит где-то
И к ней найти не может путь.

Построила глухую стену,
Воздвигла тысячу преград –
Как тромб, закрывший доступ в вену,
Путь преградивший камнепад.

Пробиться как ему, скажите? –
Сквозь глухо-слепо-немоту.

Ведь им вы явно не спешите
Заполнить в сердце пустоту.

А жертвой быть всегда приятней,
Все и поддержат и поймут...
Наверно, стало всем понятней –
Здесь счастьем не найти приют.

Прости меня – за то, что я смеюсь,
Что весела, довольна я собой.
И что тебя обидеть не боюсь –
Шучу, остро и спорю я с тобой.
За то, что грубости и колкости мои
Тебе так часто портят настроенье...
За то, что не горю я от любви –
За честное мое стихотворенье.

Противоречия
Ах, как хочу тебя увидеть,
И вновь услышать голос твой.
Тебя мечтаю ненавидеть –
Но в сердце лишь одна любовь...
Хочу опять с тобой встречаться
И по душам поговорить...
Мечтаю разочароваться, –
Но не могу тебя забыть.
Хочу делить с тобой минуты,
Хочу делить с тобой года...
Или не видеть ни секунды...
Но мне не деться никуда.

О чем ты мыслишь в тишине,
Когда с собой наедине?
Когда прилег ты в полумраке,
И звуков больше нет извне...
Ты мыслишь о своей судьбе?
И кто ты в этом странном мире?
С собой в ладу или в борьбе?
С годами – кругозор все шире...
С годами многое вокруг, –
Что раньше было непонятно.
Приобретает смысл вдруг –
Жизнь объясняет все понятно!

И мыслей в голове так много,
И в сердце множество обид.
Их отпускаешь понемногу,
Надеясь – и Аллах простит...
Мы для Всевышнего – как дети...
И проходя все испытанья,
Пустил Он нас пожить на свете –
Чтоб получить здесь воспитанье.
Черпая внутренние силы,
И лень пытаюсь превозмочь,
Мы на пути к своей могиле –
И день и ночь, и день и ночь...

Прошу, лишь оживи надежды.
Прошу, но возроди мечты.
Прошу, когда вернешь одежды, –
Что износила на пути...
Прошу туман и мрак безлюдья,
И подожженные мосты.
Прошу бессонные терзанья,
И ужас затхлой пустоты.
Прошу неверье, взгляд потухший,
Прошу протяжный сердца крик.
Прошу так часто лик распухший –
От слез... И этот нервный тик.
Прошу капризы в настроеньи,
Прошу предательство и ложь.
Прошу забытый день рожденья...
В душе мороз и в теле дрожь.
Прошу безвольные решенья,
Прошу неравную борьбу.
Прошу мораль и наставленья –
Прошу... И снова заживу...

Ловеласу

В любви ты так своеобразно,
Так необычно и опасно
Манил в расставленные сети –
Казался лучшим ты на свете!
Неординарно, энергично –
И в то же время симпатично –

Мог словом голову вскружить
И взглядом лишь обворожить.
Задаривал всегда цветами –
Умел ты девушку увлечь
И романтичными стихами
Ее внимание сберечь.
В любви внезапно признавался –
И ждал с надеждою ответ...
А в тайне... трепетал, боялся...
Ты каждый раз услышать «нет».
Но только «да!» в ответ звучало –
И страхи были позабыты!
В мозгу отчетливо звучало:
«Для счастья двери все открыты!»
...Ты чувством этим упивался,
И пресыщался ты, как мог...
И к новой жертве отправлялся –
Переступать другой порог...

Я расплавляюсь в сладкой тишине, –
Как снег, попавший в теплое местечко.
С Создателем сейчас наедине.
И только блики на стене от свечки.
А за окном неполная луна, –
Мне помогает замолить ошибки.
На сердце легкость, голова ясна.
И на лице забытая улыбка...

Усталость сковывает тело, –
Забот-хлопот невпроворот.
С утра одно тебя задело, –
Обид под вечер – хоровод.
Я – женщина! Вам непонятно!?
Раз уж впряглась – вези свой воз...
Зову я женственность обратно, –
Ушел последний паровоз...
И как сапожник без сапог,
Минуя множество дорог,
Торгую я в цветочной лавке, –
Чтоб вновь остаться без цветов...

* **Таджвид** (араб.) – правило орфоэпического чтения Корана и соответствующая кораническая дисциплина.

Хава Гагаева

Ты знаешь, я не верю
авторитетным взрослым,
я много раз ловила их на лжи.
Я верю детям,
ведь даже их неправда
правдивей правд
всех вместе взятых тетя и дядь.
Я верю всем своим друзьям,
даже когда те говорят неправду,
ведь их неискренность
задаст мне вектор.

33 истории о боли

Ты не проси,
я все равно не расскажу
тебе все эти
33 истории о боли.
Ты не поверишь,
что такое
где-то может быть.
Ты – дитя Света,
Я – дитя Сумрака.
Мы встретились
случайно
на рассвете.

Я ухожу...

не знаю что такое грусть
перерабатываю ее
эликсир сострадания
чистой грусти экстракт

не знаю что такое страх
я перехватываю его
чтобы в неизвестное
упасть

Я – наблюдатель тревожного кино,
где главному герою в моем лице
в конце не хватает воли.
И все печальное сорвет
последние надежды с того,
кто врет своей душе.
Как можно больше боли,
товарищ режиссер!
Быть может, видя воплощение роли,
опережающей момент,
еще успею выскочить из поезда,
несущегося к пропасти...
И мы с тобой не встретимся.

Ветра сестра

Моя дорогая подруга,
любимая ветра сестра,
пускай, тебя греет вьюга
и мягкая держит вода,
когда ты по велению сердца
в ночь, по пластинам из льда...

Моя дорогая, решайся
и в сердце тепло сбереги.
Смотри, дикий ветер
ласкает так робко
спесивые кудри твои.

Дай мне уснуть
на берегу
этой реки...
В памяти берегу
касания
легкой руки

Пусть маяки
твои мерцают
сквозь туман
и безразличие
и суетливости
обман...

конфликт интересов вязкая мгла
зыбучих секретов личного зла
ты чёрное солнце жестоких долин
глухое оконце крепость из льдин
я вижу как звезд просыпается свет
и тянет все выше туда где нас нет
но мне неизбежно опять умирать
мерцать разрушаясь и бездной сиять

То, чего нет

Небо разрезал самолета след,
душу терзает то, чего и нет
в сущности, но боли яд
жжет плоть души, говорит,
отрезаны пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Солнца стекает жидкий свет,
душу терзает то, чего и нет.
Выпей боль, но выплюнь яд.
Отрезаны все пути,
все пути назад.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит.

Ты тонешь в обещаниях города,
все тот же сон вдыхаешь день за днем.
Невидимым спиралям ты
сказал бы «да», но не в этот раз,
снова не в этот раз.

Развяжи глаза, неба бирюза
смотрит в тебя и видит...

Мир, доставляющий радость –
Мир, причиняющий боль...
Самая тонкая сладость
выцветет в соль.

Тонут слова оправдания
в вязких сомненьях ума.
Мир – бесконечность страдания,
если себе враг сама.

Так, вышивая мгновения
на серых полотнищах дней,
в курсе, что просто из лени я,
забыться стремлюсь в суете

не знаю что такое грусть
перерабатываю ее
эликсир сострадания
– чистой грусти экстракт

не знаю что такое страх
я перехватываю его
чтобы в неизвестное
упасть

Дивный лес

Давай углубимся в тот дивный лес,
духовная сестра!
О том, как жить мне настоящим днем,
я все еще не знаю, понаслышке...
Мы чувствуем нутром,
что кто бы ни был нужен нам –
едва ли это помешает
пройти вдвоем к лесной избушке.

Так, если станет нам темно,
я посвечу: есть у меня в кармане спички,
а у тебя – есть трезвость и напор.
Лесная влага вытянет из нас привычки,
лесной разбойник выбросил топор.
Пусть ветер унесет остриженные косы –
мы и без них довольно хороши.
Мы, правда, сестры – только ты
намного лучше
– не знаю тоньше и прекраснее души!

Идешь по жизни,
совершая разные благие дела
просто так,
отдавая что-то прекрасное,
просто потому, что у тебя завалялось.

А потом все меняется,
переворачивается с ног на голову,
и вот ты уже бежишь совершать
какую-то дичь,
разрушая попутно то, что никому,
казалось бы, не мешало,
причиняя разным людям боль.

Вроде как ты можешь помереть в
любую секунду,
но непонятно откуда взявшиеся
руки добра
вытягивают тебя из всего этого –
такое чувство, будто это
твои же собственные руки,
протянутые из твоих прошлых на тот
момент,
казалось, бессознательных благих дел
(а ты, оказывается, подстраховался).

Хотя иногда мне кажется, что,
с не меньшей вероятностью,
это могут быть
твои же руки, но из будущего

(однако будущее вспоминается нами
куда сложнее).

падай в тишину смотри
куда ведут дороги сердца
слушай и признай свою вину
может, кто тебя найдет
до того как ты
опустишься на дно
опустишься на дно
там, где прольется правдой
нам на плечи боль
мы разбежимся в лето
упадём лицом
стань моим веслом

в дебрях слов и смыслов мы
терялись часто, позабыли,
где наш в этом мире дом.
Блуждали в снах и глупых мыслях,
и иллюзий дым
нам застилал глаза,
хотелось скрыться за

тем, где прольется правдой
нам на плечи боль.
Мы разбежимся в лето,
упадем лицом...
Стань моим веслом.

Падаем

Завяжет мне рот – и вот,
в волосах найдет приют.
Забегит в меня искать –
ту, кем я могла бы стать.

Падаем, падаем, падаем
сонные, в липкую мягкость тишины.
В ней нет нас, а все что в нас плавится,
есть нечто чуждое и с привкусом вина.
Возвратись с собой и вой,
если обнаружишь боль.
Ты не пел, хотя умел –
просто позабыл, что смел.

Падаем, падаем, падаем
 Сонные, в липкую мягкость тишины.
 в ней нет нас, а все что в нас плавится
 есть нечто чуждое и с привкусом вины.

Сядь в мою лодку,
 усни на волнах робких...
 Где твоя память
 о тех берегах?
 Нарисуй двери, толкни,
 чтобы выйти сквозь
 стены своей
 обусловленной жизни...
 Только не верь в лишний бред:
 большей глупости нет.
 Нашей старости цвет
 никогда не распустится.

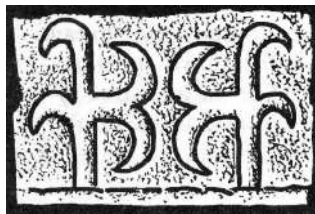
Птицами ветер
 прошитый не светел.
 Ты знаешь, все двери
 в твоей голове.

Встав на рассвете,
 припомнишь слова эти –
 а мне б догадаться,
 о чем ты молчишь.

Только не верь в лишний бред:
 большей глупости нет.
 Нашей старости цвет
 никогда не распустится...

Засыпают
 компьютеры
 и телефоны,
 ты один
 на балконе,
 совсем один –
 на фоне
 умирающего неба.

Сфотографируй меня
 на память
 через измазанный грязью
 объектив...
 Я ухожу.

Голоса друзей

Владимир Каминер
Германия

Владимир Каминер – наш бывший соотечественник. В годы перестройки он эмигрировал из Советского Союза в Германию. Будучи сам переселенцем, он ежедневно наблюдает, как волна беженцев захлестывает Германию. Он видит, как столкновение различных культур порождает бесчисленные истории. Автор рассказывает их с юмором и неподдельным любопытством, избегая ложного пафоса. Результатом его наблюдений стали несколько книг, одну из которых, «Именно Германия: истории наших новых соседей», перевела на русский язык Тамара Келигова. Книга вышла в Магасе в 2021 году. В настоящем номере мы публикуем несколько рассказов из этой книги.

«Лучшая часть Европы»

Европа принимает беженцев, но только из тех стран, где идет война, да и не вся Европа, а только ее лучшая часть. Но где эта лучшая часть? Точно узнать, как она называется и где находится, можно было только на месте. Европейцы, конечно, не расскажут: они не так глупы, чтобы выдать свою лучшую часть. Тогда мы сами разберемся с этим вопросом, подумали народы мира и отправились на ее поиски.

После опасного и авантюрного путешествия они оказались в вестибюле Западного вокзала Вены. Там, в очереди к справочному пункту, я впервые встретил их и познакомился. Пункт по оказанию помощи беженцам открывался в 9 часов утра, и мой старый друг Али, перс по национальности, владеющий языками большинства народов мира, неустанно отвечал на вопросы. Между делом он страшно ругал приезжих. Согласно его теории, все народы мира были шумными, необразованными и ничего не подозревающими идиотами. Мне эта теория казалась все же не совсем правдоподобной.

«Неужели так много людей могут ошибаться?» – спросил я. «Да еще как! – ругался он. – Ты знаешь, о чем они сразу меня спрашивают? Какая страна самая лучшая в Европе? Когда туда идет поезд? Работники вокзала заранее позаботились для прибывших беженцев о еде и приюте, исключая тех, кто только что приехал. Но большинство из них вообще не покидают территорию вокзала, потому что боятся пропустить поезд в лучшую Европу. Они живут здесь, изучают расписание, подбегают к справочному окну и торопливо спрашивают: «Что такое Гамбург?», «Что такое Бремен?»

Каждый день сотрудники организации, помогающие беженцам, снимают с поездов несовершеннолетних детей, которые едут без сопровождения взрослых. Недавно попался двенадцатилетний афганец: он решительно твердил, что хочет поехать в Финляндию. Когда мальчик узнал, что там еще холоднее, чем в Вене, он отказывался в это верить. Об этой стране у него было совсем неверное представление. После получасовой беседы с юным фанатом Финляндии помощники организации выяснили, куда в действительности он хотел попасть: его хваленая страна называлась Angry Birds – родина сердитых

птиц и летающих поросят, от названия серии игр, изобретенной в Финляндии. «Но разве свиньи не вызывают у вас отвращение? Ведь мусульмане не едят свинину», – удивлялись помощники.

«На днях к окошку подошел вежливый перс, – продолжал рассказ Али, – и спросил меня: «Когда идет поезд в Исландию?» Я со смеху чуть не упал со стула: «Слушай, перс, ты хоть знаешь, где находится эта страна? Если спустишься в подземный переход, то пройдешь половину Земли, выйдешь на Северный полюс, а внизу слева – Исландия. Там ничего не растет, кругом гробовая тишина, людей там тоже нет, есть только каменные эльфы. За каким чертом ты хочешь туда попасть?» – «Мне очень нравится слово «Island» – страна еды», – признался перс.

Все сотрудники справочного пункта делали вид, что не знают, где находится лучшая часть Европы. Поэтому вокруг него возникла преступная структура, так сказать, альтернативный справочный пункт – мошенники, которые наметанным взглядом могли определить, у кого из стоящих в очереди людей есть деньги. Они знали, что многие искатели счастья пускались в путь не с пустыми руками. Мошенники нашептывали богатым, что служащие государственной организации пользуются неправильным глобусом и картами, чтобы сохранить втайне расписание поезда в лучшую Европу. Но альтернативный справочный пункт, якобы, знает выход и может за 1000 евро наличными поделиться своими секретными сведениями. Многие шли в филиал банка Вестерн Юнион, чтобы получить деньги из Ливии или Сирии, но не знали, как заполнить бланк. Именно в нем они должны были указать свой ливийский или сирийский почтовый индекс, но они его не знали, потому что, вероятно, никогда не получали денежные переводы. Некоторые беженцы, изнуренные поисками счастья, сдавались. «Черт с ней, с этой лучшей Европой, мы останемся здесь», – говорили они.

Одна моя подруга в Мюнхене предоставила у себя дома убежище семье из Сирии: мужу с женою и их пятерым детям. В доверительной беседе сириец сказал моей подруге, что он-то знает, что лучшая часть Европы именно здесь, в Германии. В Дамаске он занимался производством ткани, а теперь ждал, когда закончится война и не хотел ничего другого, как вернуться на Родину.

Однако большинство беженцев продолжали поиски лучшей части Европы. В то время, как мужчины выпытывали счастливые пути, женщины прогуливались взад и вперед по вокзалу и проверяли торговые точки. Укутанные до носа в платки, они с интересом останавливались перед витринами косметических магазинов и рассматривали кучи красок для губ и ресниц самых разных оттенков. Их носы светились. Люди в лучшей Европе должны были, по их мнению, выглядеть так же – как модели в косметической рекламе. И кто знает, может, такие мечты были совсем даже неплохими.

Однажды в Москве, моем родном городе, в полицию доставили террористку-смертницу. При ней была бомба, но она ее не взорвала. На допросе выяснилось, что на пути к смерти она проходила мимо большой витрины со свадебными платьями и подумала, что если она сейчас взорвет бомбу, то никогда в своей жизни не сможет надеть такое же прекрасное платье. Отсюда вывод: иногда

немного романтики и тщеславия могут спасти жизни многих людей.

Беженцы на вокзале мерзли. Вопрос, когда же придет правильный поезд в лучшую Европу, оставался невыясненным. Местные жители, которые проходили мимо беженцев, знали, что нет лучшей Европы, что она здесь. Лучшая страна – это всегда та, которую мы сделали таковой. Наше настоящее – это место создания будущего. Только то, что мы делаем сегодня, завтра станет будущим.

После длительных поисков, не найдя лучшей Европы, народы мира отправились, в конце концов, в Германию. Они ехали, плыли и шли пешком, преодолевали естественные преграды и искусственные государственные границы. Они были одновременно везде и восточным ковром расстилались в каждой стране. В поездках по бесчисленным деревням и маленьким городам Германии я уже не здоровался, как раньше: «Как дела?», а только спрашивал: «Как поживают сирийцы?» Новоприбывших – неважно, откуда они приехали, – называли всех «сирийцами». Каждое сонное гнездо страны они превратили в оживленное место игры мировой политики. Беженцы стали ньюсмейкерами нового времени.

Кем они были в действительности? Наверное, вначале речь шла о сирийских семьях, которые отправились в дальний путь. Их страну разбомбила дюжина других стран. Даже жители Сирии точно не знали, сколько одновременно войн велось в их стране. В конце концов, было совсем неважно, кто против кого воюет. Мирные, невооруженные жители гибли, как всегда, первыми. Все, кто были против войны и могли сбежать, взяли своих детей и отправились на поиски лучшего, по меньшей мере, безопасного мира.

Другие народы – ливийцы и афганцы, иракцы, пакистанцы, эфиопы, алжирцы и йеменцы – все смотрели на сирийцев. Куда они собираются уехать? Сирийцы ничего не говорили, потому что сами не знали, куда бежать. «Секретная информация», – подозревали остальные: сирийцы выяснили что-то, но ничего не говорят. Наверно, они знают страну, где всегда светит солнце, все люди вежливы, где текут молочные реки с кисельными берегами. «Мы знаем, что сирийцы не просто так уезжают, мы поедem с ними», – сказали народы мира и отправились вслед за ними.

Через некоторое время все прибыли сюда, именно в Германию, страну порядка и прилежания. Немцы выглядели довольно забавно, когда у них неожиданно появились беженцы. Весь мир вдруг оказался здесь и, главное, без звонка. Последний раз этот мир был у них в гостях 10 лет назад, на чемпионате мира по футболу в 2006 году, который проходил под девизом «Мир в гостях у друзей». Тогда не все немцы поняли этот слоган. Кто были эти таинственные друзья, к которым приехал в гости целый мир? Однако тогда они понимали, что мир здесь задержится лишь на короткое время, немного развлечется, выпьет пару кружек пива, материально отблагодарит хозяев дома и затем опять распрощается. На чемпионате речь шла больше о поверхностном знакомстве с миром, а не о дружбе-долге.

На этот раз мир, который пришел, выглядел совсем по-другому. Это были небритые мужчины с усталыми лицами, подростки с бородами, женщины

в платках, дети с печальными глазами. Принять их или оттолкнуть? Общественное мнение разделилось. Одни встречали беженцев на вокзале и приносили им свои старые одеяла, другие поджигали их приюты и проводили против них демонстрации. Кто-то говорил: «Мы не должны их принимать, иначе к нам приедет еще и другая половина мира и похоронит Германию». Кто-то возражал: «Жить в обществе – значит помогать друг другу. Каждая человеческая жизнь ценна, никто не должен мерзнуть на улице».

Сирийцы быстро стали прочной составной частью немецкой политики, весомым аргументом в беседах о будущем городов и поселков, повседневной темой в пивных и в каждом доме на кухне.

Приюты для беженцев стали в Добровольном социальном году интересной альтернативой для подростков. Те из них, кто не хотел помогать в домах престарелых или в детских садах, могли помогать беженцам.

«Ну, что делают сирийцы?» – спрашивал я сына, когда он приходил домой со школы. В языковой гимназии с латинским уклоном, где он учился, в спортзале жили беженцы, и поэтому во всех классах целый год не было физкультуры. Все радовались и в пятницу вечером играли вместо урока за спортзалом в пивной мяч. Так называется модная разновидность немецкой спортивной игры, суть которой – выпить довольно много пива, а потом бросать бутылки на бутылки.

Для меня, как собирателя историй, сирийцы были неиссякаемым источником рассказов. Маленькие города и деревни, где раньше ничего особенного не происходило, вдруг предложили мне отличные сюжеты. К примеру, эта история, случившаяся в одном из городов Восточной Вестфалии. Там бургомистр, член партии ХДС, не хотел отдавать беженцам старую школу для старшеклассников даже под угрозой закрытия. Во всяком случае, он не торопился этого делать. Как истинный консерватор, он избегал всяческих перемен. Бургомистр – майор в отставке, носил короткую стрижку, камуфляжные костюмы и одновременно был председателем союза стрелков и резервистов. Старая школа уже давно была на грани существования: число жителей города сокращалось, детей для двух школ не хватало. В новой, современной школе классы были заполнены только наполовину, а в старой – половина пустовала. Бургомистр обещал: «Да, я отдам школу, но не сейчас».

Потом приехали сирийцы. Последние две дюжины учеников быстро отправили в новую школу, а классные комнаты старой школы стали приютом для беженцев. В конце недели бургомистр решил навестить сирийцев, чтобы лично удостовериться, все ли у них в порядке и как прибывшие справляются с бытовыми вопросами. Он позвал своих друзей из общества резервистов, и они вместе пошли в старую школу, которая находилась немного в стороне от центра, причем, чтобы сократить путь, они пошли через поле.

Спасшиеся бегством южане – сирийские беженцы – сидели в это время во дворе, наслаждаясь последним теплом осеннего солнца. Вдруг они увидели, как много мужчин в камуфляжной форме окружили их двор со всех сторон. Впереди шел бургомистр. «Ну, как дела?» – спросил он. Наученные войной, сирийцы быстро упали на землю лицом вниз, руки – над головами, а беременная на позднем сроке женщина, падая, ушиблась. Бургомистр позвонил

в больницу, но помощь пришла слишком поздно. В порыве солидарности обществу резервистов пришлось сообща заменить акушерку. Местная газета появилась на следующий день со скандальным заголовком: «Бургомистр принял новорожденного сирийского мальчика».

Другая интересная история случилась во Франконии. «Это был прекрасный налет! – радовался тамошний продавец книг. – Сирийцы меня спасли. Перед Рождеством я продал, ни много ни мало, триста немецких учебников, кроме того тетрадей, карандашей и шариковых ручек. Всех беженцев обязывают учить немецкий язык – взрослых и детей. Желание заниматься у них есть, а стоимость всех учебных материалов им возместят».

Сирийцев расквартировали в городе в заброшенном монастыре с толстыми стенами и чистыми полами. Мы шли в воскресенье с продавцом книг через центр, все выглядело безжизненным. Наверху в горах лежал снег, внизу моросил холодный дождь. И вдруг я увидел их. Сирийцы прижимались к стенам закрытой городской библиотеки, руками они буквально приклеились к зданию, как будто хотели его обнять. Такого я еще никогда не видел.

«Почему они обнимают библиотеку, да еще тогда, когда она закрыта? – спросил я осторожно продавца. – Это что, желание выучить немецкий язык лишило их разума?»

Продавец засмеялся. «Конечно, нет, – ответил он. – Библиотека – это единственный дом с бесплатным вайфаем, в котором сигнал проходит через стены: если крепко прижать телефон – появляется связь. А сирийцы живут в интернете, это их единственная возможность общаться с внешним миром, с родиной».

Мы прошли мимо обнятой сирийцами библиотеки. Если человечество должно когда-нибудь поставить памятник интернету, то я представляю его себе именно таким.

Норберт, мой друг, тоже пережил свою личную сирийскую историю. Он владелец самого крутого в Гессене музыкального клуба. Так считаю не только я. Недавно его клуб отметили даже в общенациональном конкурсе как лучшее музыкальное заведение. Правда, есть одно «но»: клуб Норберта находится в пустующем доме в центре города, это руина семидесятых – шесть этажей с маленькими окнами, которые выглядят как бойницы. Дом из послевоенного времени, дитя холодной войны: страх перед новым конфликтом фактически написан у него на фасаде. У дома долго не было инвестора.

Но в какой-то момент его передали жилищной компании, которая планировала сделать с ним самое лучшее, что только возможно – быстро дом снести и построить на его месте что-то современное.

Клуб на первом этаже, считающийся лучшим в Гессене, выступил против планов этой компании. Борьба проходила по сценарию мафиозной войны. Сначала в клуб пришли пожарники, нашли существенные недостатки в противопожарной защите и, в частности, указали на отсутствие путей эвакуации. Из-за необходимых, на их взгляд, перестроек клуб потерял бы половину всех площадей. Мой друг пожаловался бургомистру.

«Так дело не пойдет! – сказал Норберт. – Жилищная компания хочет

запугать нас пожарной службой. Она, кажется, сама поверила в то, что является настоящей коза нострой, но это не так. Мы не выйдем!»

Коза ностра глубоко вдохнула и привела новый, своевременный аргумент в игре – сирийцы. В пустующем доме собирались расквартировать беженцев. Психиатр, связанный с мафией, решил, что рядом с пострадавшими от войны людьми не должна звучать громкая музыка, потому что звуки больше 90 децибел вызовут у них травматический психоз. «Выключите басы!» – требовала коза ностра и уже потирала руки. Она точно знала, что современная музыка невозможна без басов.

Но клуб не сдавался. Парни искали и нашли лучшее пристанище для беженцев на природе, вблизи городской черты, где не будет слышно ни басов, ни высоких частот, а только чириканье птиц и лай собак. Там и поселили беженцев. Теперь они ходили слушать музыку в клуб Норберта. Как оказалось, пострадавших от войны привлекали именно басы.

В нашей бранденбургской деревне никаких беженцев не ожидали. У нас нет школы, нет возможности для интеграции, даже гостиницы или пекарни нет. Совсем ничего нет. Только одна старая церковь, которая всегда закрыта, кладбище и добровольная пожарная часть. Ближайший супермаркет находится на расстоянии пяти километров от того маленького города, где прошли две демонстрации против беженцев.

«Мы не можем принять сирийцев, – говорили жители того города. – У нас на три деревни только один супермаркет. Если приедут сирийцы, они нас объедят совсем».

А еще некоторые родители опасались, что их дети будут чувствовать себя некомфортно, проходя каждый день мимо того места, где будут жить беженцы.

Впрочем, в нашей маленькой деревне были две пустые квартиры, и когда бургомистр, согласно распоряжению начальства, сообщил о них, у нас сразу же появились сирийцы. Нам надо было забрать их с вокзала. Это, вероятно, была типичная сирийская семья, или две: мужчина, две женщины, пятеро детей. Никто из них не понимал по-немецки, а у нас в деревне никто не владел арабским.

«Как они здесь будут жить? Они не смогут даже сходить в супермаркет», – высказала свои опасения моя соседка Элке.

«Ой, да ладно, бабушка, – сказал ее муж Гюнтер. – Смогли же они сюда добраться через полмира, последние пять километров как-нибудь дойдут до магазина».

Глава сирийцев после долгого пути был явно смущен и совсем ничего не понимал. Мы побеседовали с помощью голосового переводчика, который обращался к нам строгим женским голосом. Все происходило так: мы шли в церковь, потому что там была хорошая связь, и сирийцы что-то шипели в телефон по-арабски, после чего строгий голос переводил нам это на немецкий язык. Первое, что нам дал знать глава сирийцев – это то, что ему у нас в Бранденбурге все очень понравилось. Это сбilo нас всех с толку.

В нашей деревне, как уже было сказано, не было никаких достопримечательностей, а сириец был здесь всего два часа.

«Что именно ему понравилось? Ты не мог бы уточнить?» – попросила меня

Элке и огляделась.

Что именно ему понравилось в Бранденбурге, мы не выяснили, так как связи не было все три минуты даже на церковной площади.

У беженцев не было денег. Мы позвонили в окружную столицу, в отдел социального обеспечения: «Здравствуйтесь, к нам приехали сирийцы, но у них нет денег. Вы им поможете?»

«Что за сирийцы? – спросили в отделе. – У нас никто не говорит по-арабски. Что нам с ними делать? И вообще, вы звоните в неустановленное для разговоров время, я не могу сейчас с вами беседовать. Звоните нам по вторникам и по четвергам, с 9.00 до 12.00, и мы договоримся о встрече с сирийцами. Но только позаботьтесь о том, чтобы на встрече присутствовал кто-то, кто говорит по-арабски», – сказали в офисе и положили трубку. В итоге наш деревенский староста Маттиас вручил сирийцу 100 евро и поехал с ним в ближайший супермаркет. Женщины дали сирийцу список, что купить. Он громко с бумаги читал арабские кренделя, а потом телефон выплевывал названия продуктов. «Соль, – говорил Гугл, – перец, оливковое масло». Как будет выглядеть меню на вечер, было неясно. Во всяком случае, предстояло большое приготовление пищи.

Языковая компетенция

В этом году Гугл-переводчик стал важнейшим приложением в Германии. Еще никогда профессия переводчика не была так востребована. Конечно, в Германии не хватало специалистов арабского языка, чтобы легко объясняться с беженцами. В последнее время именно арабистика потеряла много студентов.

Однажды я познакомился в Берлине с безработным учителем арабского языка, который как раз собирался переучиваться на налогового консультанта.

«Язык изучают охотно, если в нем есть достаточно интересного материала для чтения, – объяснил он мне страдания своего предмета. – А что может предложить нам арабский мир? Захватывающую литературу? Отличные фильмы? Важные научные очерки? Философские трактаты? Нет, эти страны проходят в новостях исключительно в рубриках «политика» или «религия». Но не все люди интересуются этими вопросами», – сказал тогда учитель арабского языка. Сейчас он, конечно, не мог бы пожаловаться на нехватку работы.

Между тем весь Бранденбург доверился переводческой программе Гугл. Ею пользовались сотрудники в отделе социального обеспечения, кассирша в супермаркете, а пожилая аптекарша очень благодарила Маттиаса, когда он помог ей скачать приложение, и показал, как им пользоваться.

«Может быть, за настоящей гуманитарной катастрофой стоит Гугл, – предположил наш местный мэр. – Да и программа разработана в Америке. Весь мир знает, какие американцы хитрые. А что, если она переводит неправильно? Если она говорит одно, а думает что-то другое? В этом случае американцы могут влиять на мирное сосуществование в Бранденбурге, да что там, во всей Германии», – высказывал он свои опасения. Маттиас не разделял этого мнения. Он не верил в коварство американцев. С чего бы им этого хотеть?

На самом деле, программа часто давала сбой. Но причина была все же не в американцах, а в многообразии вариантов арабского языка. Иногда для обозначения одного и того же предмета программа давала разные выражения. Кроме того, Гугл предлагал для арабского языка сразу дюжину вариантов: ливанский, иракский, йеменский. Но сирийского варианта арабского языка, например, не было. После многих усилий членов общества «Спорт и культура» стало ясно, что приехавшие к нам сирийцы лучше всего реагируют на иорданский вариант арабского языка. Это общество взяло на себя шефство над обеими осевшими у нас сирийскими семьями.

Председатель Маттиас считал, что «сирийцы невероятно медлительны, хотя, возможно, они просто устали от длинной дороги». «Когда бы ты к ним ни постучал, проходит целых полчаса, прежде чем они откроют дверь: в конце концов, все женщины должны немедленно укутаться в платки. Когда я захожу к ним в квартиру, у меня сразу же потеют очки».

Сирийцы мерзли именно в Бранденбурге. Они закрывали все окна и включали отопление на полную мощность. Несмотря на то, что они одевали по три пуловера один на другой, им все равно было холодно. Незадолго перед Рождеством солнце наконец-то на половину дня выглянуло сквозь облака.

«Солнце в это время года у нас – редкий гость, – сказал я сирийцам. – Откройте окна! Детям нужно солнце. Когда солнце появится – оденьте детей потеплее и быстро отправляйтесь на улицу, на игровую площадку!»

Сирийцы приветливо смеялись, кивали, но остались дома. Они не хотели выходить. Возможно, в последнее время они долго находились под открытым небом, а сейчас исключительно для разнообразия хотели остаться в квартире?

Члены общества «Спорт и культура» ломали себе голову над первыми возможными опытами по сближению.

«Было бы отлично, если бы сирийцы приготовили нам что-нибудь из национальной кухни, а мы, в свою очередь, принесли бы какое-нибудь немецкое блюдо и с детьми испекли рождественские кексы. Так, в процессе работы, они уже немного выучили бы немецкий язык», – сказал Маттиас.

«Пока они выучат немецкий, еда остынет, – ответила его жена. – А как, скажите пожалуйста, объяснить сирийцам, что они должны готовить? Сможет голосовой переводчик перевести на арабский язык «рождественское печенье?»

Иорданский вариант арабского языка – невероятно длинный язык. Юсуф, отец семейства, говорил в телефон очень длинные предложения, а по-немецки выходило только – «белые бобы».

«А я думал, что немецкий – самый громоздкий язык в мире», – засмеялся я. «Помогите беженцам, совершенствуйте наш словарь!» – призывал на своей странице Гугл.

Вегетарианцы на остановке

Через две недели пребывания в нашей маленькой деревне стало ясно, что наши сирийцы – вегетарианцы. Они покупали муку, перловую крупу, белые бобы и дрожжи – наверное, чтобы печь хлеб.

Позже приехала вторая семья: шесть подростков в возрасте от двенадцати до девятнадцати лет и молодая женщина с младенцем. Каким-то образом они тоже были связаны родственными узами друг с другом. Женщина была замужем за одним из молодых людей, а остальные, как нам сказали, были то ли его, то ли ее двоюродные братья и сестры. Они уже ходили с бургомистром в отдел социального обеспечения, но тянуть номер не стали, а затем с помощью телефона ответили чиновнику на вопросы анкеты:

«Почему вы приехали в Германию?»

«Потому что война».

Так беседа растянулась на семь страниц.

Они получили деньги – свою финансовую поддержку – и сразу поехали в супермаркет. Вторая семья не была вегетарианской. Они ели цыплят, любили сладости, а молодежь сплошь увлекалась энергетическими напитками. Больше всего они любили Ред Булл. Бургомистр несколько раз объяснял им, что это пустая трата денег и что этот напиток вреден для желудка. «Но он вкусный» – возражала молодежь. Один из них нашел на полке большую бутылку «fit» за 99 центов и принял ее за более дешевый вариант напитка. Бургомистр попытался ему объяснить, что это не напиток, а средство для мытья посуды. Однако, слово «энергетический напиток» Гугл не хотел им переводить. Бургомистр знал, что это средство обеспечит весь их дом мыльными пузырями.

Через четыре месяца, в апреле, им разрешили подать заявление о предоставлении убежища в Айзенхюттенштадте, а до этого времени пускать пузыри было модным занятием. Если, конечно, война не закончится раньше и они не уедут домой. Но в это никто не верил.

А пока, плотно поев, наши сирийцы внезапно рискнули отправиться на прогулку. Может быть, они хотели навестить других сирийцев. Во всяком случае, все семейство сидело полностью одетыми на автобусной остановке. Целых два часа. Но она, в сущности, временная, и там задерживается только школьный автобус. У нас в деревне нет общественного транспорта. Бургомистр подошел к ожидающим сирийцам и объяснил: одна старая немецкая народная мудрость гласит, что если на остановке два часа подряд нет автобуса, то в последующие четыре часа нет смысла его ждать. Сирийцы выслушали народную мудрость на иорданском диалекте арабского языка, задумались, но все равно еще некоторое время сидели на остановке. Никто не знал, что именно они поняли и поняли ли они вообще. Новоприбывшие за сорок дней выучили только одно слово «привет».

Между тем немцы из общества «Спорт и культура» продвинулись в арабском языке намного дальше, что было вполне логично, так как они были из тех, у кого назрели вопросы к сирийцам. Немцы известны своей точностью: они хотят знать все мельчайшие детали обо всем и всегда. Сирийцы якобы были в пути одиннадцать дней, но как они могли совершить такой путь из Сирии до Айзенхюттенштадта? Спортивными они никак не выглядели. Путь в два километра до гостевого дома, где проходили занятия по немецкому языку, стоил им больших усилий. О пяти километрах до сетевого магазина не стоит и говорить.

Сирийцы улыбались в ответ. Они шли пешком до турецкой границы только первые пару километров. Дальше каждая страна, куда они приезжали, хотела как можно быстрее от них избавиться. Именно поэтому, по приказу европейских правительств, их все время отправляли из страны в страну. Их возили по Балканам на автобусах, маршрутных такси и грузовых машинах до тех пор, пока они не прибыли в Айзенхюттенштадт, откуда их потом направили в нашу деревню.

Для длинных дорог сирийцы были не приспособлены, поэтому они пропускали занятия по немецкому языку: конференц-залы ресторана в соседней деревне были, по их мнению, слишком далеко. Ради них занятия из гостиницы перенесли в общую комнату на первом этаже их приюта. Впредь им не нужно было больше выходить из дома, чтобы попасть на занятия. Спустившись просто по лестнице вниз – они сразу попадали на урок немецкого языка.

Учительница Марион приходила три раза в неделю ровно в 10 часов. Но учеников в это время не было. Наконец, в половине одиннадцатого, появлялись сонные и угрюмые мужчины. Их женщины не приходили на занятия: они оставались дома с детьми.

«Приводите ваших детей на занятия, – советовала Марион, – это никому не навредит».

Однако упрямые мужчины не хотели, чтобы их женщины появлялись в обществе. Они не хотели, чтобы их дети учились и ходили в детский сад, а их женщины, кажется, были согласны с таким положением вещей. Одна из них, мать четверых детей, которая была представлена нам как вдова умершего брата присутствующего мужчины, сказала, что ее муж не разрешил бы ей отдать в детский сад самого маленького ребенка, а без его разрешения она не может ничего сделать. Мы испугались. Мы подумали сначала, что ее муж явился ей во сне и высказался против того, чтобы малыш ходил в сад. Это можно было бы записать как «посттравматическое появление мужа». Но, как выяснилось, ее муж вовсе не умер, а жил в приюте для беженцев в Винтербахе, в пятидесяти километрах южнее от нас. Там он, кстати, задержался не совсем легально, так как был зарегистрирован в Штутгарте в приюте для беженцев. Мнимый умерший находился в родственных отношениях с присутствующим мужчиной, он был его троюродным братом. Вообще, сирийские семейные отношения были трудны для понимания. Семьи роднились друг с другом, чередуясь по диагонали и часто несколько раз, по принципу: «Если твой брат женат на моей сестре, ты должен жениться на его сестре, чтобы ее брат мог жениться на сестре твоего брата». Как результат этой традиционной семейной политики – здесь все должны быть женаты на всех.

Мы поздравили вдову с чудесным воскресением ее мужа, но спросили, почему он не живет с ней и детьми и почему он будет против того, чтобы его ребенок ходил в детский сад. Ответа на этот вопрос мы не получили. Возможно, что воскресший муж поселил у нас только часть своей семьи и имеет еще вторую жену в Зоммерфельде и третью в Штутгарте? Казалось, что сирийцы отдают все свои силы и жизненную энергию на планирование семьи, а на работу или учебу у них ничего не остается.

Однажды вечером мы сидели с моим семнадцатилетним сыном Себастьяном и нашим соседом за кружкой пива и говорили о сирийцах. Мой сосед отмечал абсолютные культурные различия в планировании семьи между местными и приехавшими.

«Я уже 42 года женат на одной и той же особе, то есть моей жене, – сказал он. – И я очень счастлив, что она осталась одной и той же особой. Для меня было бы кошмарным сном иметь еще по одной жене в Штутгарте и в Зоммерфельде. Мне пришлось бы все время кататься и навсегда лишиться покоя».

На эти высказывания я только заметил, что ему не следует торопиться с выводами.

Гельдерлин и Гофман

В настоящее время кажется, что полмира находится в бегах, другая половина медленно готовится к ним...

Мы, как семья, не боимся волн беженцев – мы сами одна, или две, или даже три волны. Каждый из нас был уже однажды беженцем. Моя мать в 1941 году вместе со своей матерью вынуждена была покинуть свой родной город Москву. Немцы были уже недалеко от столицы, и москвичи знали, что немцы будут убивать всех евреев. Поэтому их эвакуировали. Мой дед сражался на фронте, когда его семью посадили на поезд и отправили в Среднюю Азию. В Самарканде они высадились и зарегистрировались в одном рабочем поселке недалеко от города. На пункт регистрации пришло много узбеков, чтобы поздороваться с евреями из Москвы. Они попросили мою мать, которая тогда была еще ребенком, снять свою шапку, потому что им рассказывали, что у евреев есть маленькие рога на лбу, а у некоторых есть даже копыта. Чужие приезжие оказались для них, однако, чистым разочарованием. У них не было рогов, и они почти ничем не отличались от узбеков.

На немногих фотографиях того времени моя мать выглядит очень даже по-узбекски. Она одета в национальное платье и даже волосы заплетены в типично местную прическу в 25 косичек вместо обычных двух в Москве. Это был неслыханный вызов, рассказывала она позже, потому что в узбекской школе тебя за косички могли дергать не только два мальчика, а 25. Чисто теоретически – понятно. Узбекистан остался у нее в памяти как теплая и сердечная республика, узбеки – как гостеприимные люди, хотя и не без странностей. Они считали скорпионов плохими мыслями умерших людей и верили, что насекомые – это части растений, как фрукты и цветы. Старые женщины пекли в печах тонкие, как бумага, лепешки и всегда охотно раздавали детям небольшие куски. Разницы не делали, будь то свои или чужие дети.

Родители моей жены убежали в 1994 из Чечни, когда город неделями бомбили с воздуха. В чеченской столице в Грозном жило очень много русских. Их предков несколько столетий назад загнали кнутом и пряником на Кавказ в качестве верной опоры российской монархии...

Темной ночью родители моей жены убежали через русско-чеченскую границу и поселились на одной заброшенной ферме.

Сначала они жили в строительном вагончике, едва сводя концы с концами. Местные жители приняли их по-разному. Одни обзывали их «проклятыми чеченами», другие приносили картофель и огурцы и показывали им, на какой стройплощадке легче украсть нужные материалы. Ночной сторож одного виноградника сочувствовал человеческой беде и разрешал перелезть через забор, чтобы нарвать виноград. А другой сторож этого же виноградника чуть не застрелил ее мать. Все просто: везде есть и хорошие, и плохие люди.

У меня в Германии в первое время было только два закадычных друга – Гельдерлин и Гофман. В 1990 году я явился в управление полиции на Александерплатц в Восточном Берлине, чтобы зарегистрироваться как беженец и просить гуманитарного убежища. Нас там было человек 30, может, 33, мужчин и женщин со всего мира, загнанных в узкий коридор. Усатый полицейский объяснил нам правила.

«Вы теперь в Германии, – говорил он. – Здесь все делается правильно. Итак, вы берете номер, садитесь и ждете, пока я его назову. Потом вы стучите в эту дверь». Он показал нам дверь своей приемной и исчез за ней. Мы ждали. Во время ожидания мы должны были заполнить первые бланки, которые полицейский нам предусмотрительно выдал. Рядом с именем и годом рождения каждый беженец должен был написать, по какой причине он хочет остаться в Германии. Ни мой приятель Андрей, ни я не знали вразумительного ответа на этот вопрос. Мы, действительно, хотели просто уехать из своей страны.

Я посмотрел, как другие отвечали на этот вопрос. Пожилой мужчина, сидящий рядом, написал, что он большой фанат и почитатель немецкой поэзии, а Гельдерлин и Гофман уже давно стали его лучшими друзьями. У меня не было никакой оригинальной идеи для самостоятельного ответа на этот неудобный вопрос, и я списал предложение у мужчины. Андрей списал его у меня, потом пошла цепная реакция в коридор. На наших глазах появилось много новых друзей немецких поэтов.

Пожилого мужчину вызвали первым. Он провел целых двадцать минут за закрытой дверью и вышел оттуда с сияющим лицом, с разрешением на жительство и направлением в общежитие для иностранцев.

– Это сработало! – радовался мой приятель Андрей. – С двумя друзьями дело идет на лад. Но что, если чиновник поймет, что они нас совсем не знают?

– Кто кого не знает? О чем ты? – спросил я.

– Гельдерлин и Гофман! – сказал Андрей. Он точно был дико необразованный человек.

Позже, в общежитии для иностранцев, я при случае отпускал шутки в его адрес: Гельдерлин и Гофман скоро придут к нему, чтобы узнать, нравится ли ему здесь в Германии.

Чтобы помочь нам интегрироваться в новое общество, к нам домой приходили разные люди. Свидетели Иеговы приходили и рассказывали нам, что мы в безопасности только в своей «башне». Приходили страховые агенты, чтобы объяснить нам, что без гарантийного страхования никакая органическая жизнь невозможна. Приходили коммерсанты с интересными предложениями, прежде всего владельцы борделей из Западного Берлина. Они искали новых

дам для развлечений без знания иностранного языка. Гельдерлин и Гофман не приходили.

Сейчас все это давно в прошлом, но то время я вспоминаю всегда охотно. Когда мои дети были еще маленькими и шумными, мы играли с ними в управление полиции.

«Каждый из вас убежал из какой-либо страны, – говорил я. – Здесь, в Германии, все делается правильно: каждый получает номер, садится в коридоре на скамью и ждет, пока я назову этот номер. Потом приглашенный вежливо стучит в дверь и рассказывает мне, что ему так нравится в Германии», – говорил я, закрывал дверь в свой кабинет и продолжал читать стихотворение Гельдерлина «Юному поэту», который тоже, кстати, был беженцем.

Интеграция фермеров-молочников

Один поэт как-то сказал, что при ближайшем рассмотрении в глазах молодых людей можно узнать очертания будущего. В глазах моих детей я вижу стресс, сомнение и страх, страх быть не принятыми всерьез. Моя дочь изучает в Берлинском университете имени Гумбольдта европейскую этнологию. Это, конечно, сулит в будущем выгодную работу, шутим мы в семье. Моя дочь объяснила мне, что «европейская этнология» – это современная наука, но никто не знает, что она представляет собой в действительности. Студенты не знают, а наши преподаватели делают вид, что знают. В общем, речь идет, вероятно, о том, как различные европейские культуры влияют друг на друга, в чем они похожи, в чем они различаются. Она, европейская этнология, исследует, из чего состоит мир в целом и что плавает в нашем европейском супе.

В первом семестре студенты могли сами выбрать область исследования. Моя дочь со своими подругами ездила каждую пятницу в Нойкельн: там в одной пивной якобы росло и процветало огромное количество этнологии. Она рассказала мне, что до обеда они там ничего не пьют, а только записывают, что видят. После этого они позволяют себе по кружке пива. Или две.

В то же время моя дочь сдала свою первую научную работу и получила за нее отличную оценку. Название ее работы меня, как писателя, заставило побледнеть от зависти. Оно звучало так: «Страх исследователя перед объектом своего исследования». Я прочитал работу и понял, что, действительно, с этнологической точки зрения, в Нойкельне, должно быть, много чего происходило.

На одном официальном мероприятии я познакомился как-то с мэром этого округа, храброй женщиной, которая, казалось, вообще ничего не боится в своей работе. Она рассказала мне, что, наоборот, жестко форсирует интеграцию, используя, если надо, и ложь. Родителям, которые не пускали детей в школу, она говорила, что им сократят детские выплаты. В действительности деньги для детей гарантируются Конституцией страны и не могут быть никому урезаны. Но некоторые родители верили в это, потому что ее довод был логичен, и они сразу же отпускали детей в школу.

Работа добровольных помощников тоже приветствовалась: они читали

ребятишкам из семей, в которых родители этого не делали, на ночь сказки. Просветительская идея, что люди станут такими же прекрасными, как истории, которые они слушают в детском возрасте, конечно, замечательная. Потом нам не оставалось бы ничего другого, как каждый вечер переносить для всех проверенные сказки в телевизор и уже тем самым мир был бы спасен. К сожалению, эта теория на практике не совсем подтверждается. Может, нужно, чтобы было две сказки?

Мой сын еще точно не знает, кем он хочет стать. Мне кажется, он может стать кем угодно. Он очень общительный мальчик. Все продавцы в ночных магазинах нашего района знают его и именно с ним громко здороваются. Он играет в пинг-понг, баскетбол, пивной мяч, знает все новые сериалы и бегло говорит на трех языках. Его очень уважают как родители, так и бабушки с дедушками его друзей. Особенно часто его приглашают на ужин бабушка с дедушкой его вьетнамских друзей. Им нравится разговаривать с Себастьяном по-русски. Старшее поколение вьетнамцев изучало русский язык в Москве, Киеве и Волгограде именно тогда, когда Советский Союз помогал им в войне против американцев.

Точнее сказать, северные вьетнамцы его изучали, в то время как южные вьетнамцы должны, казалось бы, русских ненавидеть, однако они не испытывают никакого негатива к русским. Они здороваются с моим сыном так же радостно, как и их бывшие враги с севера. Им нравится, когда он говорит им на вьетнамском языке: «Как дела, старый пень?»

Эти прекрасные дети, на самом деле, давно выросли. Только как им вписаться в мир взрослых? Кажется, у мира сейчас много проблем с интеграцией тех, кто уже давно здесь живет. Их нужно переучить, переподготовить, поощрить, трудоустроить, посолить и поперчить. Прибытие новых беженцев не очень радует. Взрослый мир отгораживается: он не хочет иметь новых людей. Мне кажется, раньше было легче наладить отношения, быстрее всего это происходило через профессиональный путь. В конце концов, сегодня существует тысяча развлечений, европейских этнологий и мало профессий прошлого столетия, когда большинство людей были ремесленниками, инженерами, рабочими или крестьянами.

Я знаю еще несколько профессий. Один из моих соседей в нашей бранденбургской деревне – молочный фермер. Выросший в маленькой восточно-фризской деревне, переехавший позже в Бранденбург, он никогда не задумывался над тем, кем он станет в будущем. У его дедушки было 200 коров, у его отца – 600, а у него их было 1000. Однако его восемнадцатилетняя дочь вообще не хотела иметь коров, даже одну. Это великая западня нашего времени. Мы все должны вновь осознать себя и интегрироваться в этот новый мир: дети, коровы, фермер и вся европейская этнология.

Молочный фермер не только подает хороший пример в вопросе интеграции этому новому миру, но и опережает его. Много лет он давал работу на своей ферме людям из Литвы. Он построил на своей земле для них домик и постоянно его оплачивал. Литовцы – прирожденные молочники, они хорошо ладили с домашней скотиной и были не особо требовательны в быту. Сначала наш

фермер привез одну семью из Литвы, устроил их у себя и оплатил им дорогой языковой курс «Немецкий для иностранцев», который гарантировал быстрое овладение языком.

Какое-то время все шло хорошо, но потом семья начала рушиться. Мужчина и женщина сильно ругались. Они это делали на своем родном языке, и фермер не понимал, о чем они спорили. Коровы стали нервными. Это чувствительные, тонко чувствующие существа, даже если они иногда выглядят так, как будто им все безразлично. Коровы стремятся к гармонии, они не любят ругающихся людей. Молоко скисало. Крестьянин пытался уладить ситуацию, но ничего не получилось. С тяжелым сердцем он отпустил эту семью и принял на работу новых литовцев – двух неженатых братьев. Он поселил их в том же домике и оплатил им тот же дорогостоящий курс «Немецкий для иностранцев».

Братья оказались опытными и надежными работниками, но осенью начали сильно выпивать. Особенно в дождливые дни на них нападала такая странная меланхолия, что они не могли работать. Они успокаивали фермера, что такое с ними случается только тогда, «когда идет дождь». Но в Бранденбурге дождь идет часто. Молочное хозяйство очень точное дело, молоко нужно хранить при определенной температуре: градус больше, градус меньше – и клиенты уже недовольны. И хотя внутренний градус у самих братьев был постоянный, они не могли одновременно поддерживать такой же градус у молока. Дальше так продолжаться не могло.

В один прекрасный день братья упаковали свои бутылки и уехали домой.

Фермер пошел в языковую школу и записался на курсы, где стал учить литовский язык. Он прикинул, что мог сэкономить много денег, если бы понимал язык своих рабочих. Литовский язык сложный, и чтобы его изучить, нужно приложить немало усилий. Но фермер оказался талантливым учеником. С тех пор он только счастлив со своими работниками. Они великолепно понимают друг друга, дело расширяется, и в скором времени они откроют молочный пункт.

С тех пор, как фермер начал говорить со своими рабочими на литовском языке, его авторитет в деревне и качество его молока сильно выросли. Это история – наглядный пример того, на что способна интеграция.

Сирийцы на фабрике грез

В начале апреля у меня была гостя. Яна, моя кузина, приехала из Москвы посмотреть, как мы здесь живем. Делала она это постоянно с утра до вечера, одна из квартиры не выходила. Она сидела с нами на кухне, ходила с нами покурить на балкон, за покупками и едой, смотрела вместе с нами фильмы и хотела, чтобы ее постоянно развлекали. Через неделю я попытался заинтересовать ее достопримечательностями Берлина, Потсдамской площадью и Музейным островом. Но она раньше была на Музейном острове, а начинать с Потсдамской площади не хотела.

– Дорогая кузина, может, ты все же хочешь что-нибудь посмотреть в этом городе? – спросил я, отчаявшись.

Она кивнула. Выяснилось, что Яна хотела поехать в Потсдам. Я подумал. Конечно, Потсдам со своими дворцами и скверами – это предел мечтаний: там есть несколько сказочных уголков, среди которых русская деревня Александровка с деревянными хижинами, маленькой церковью и хорошей русской кухней. Эту деревню приказал построить когда-то прусский король специально для певцов русского хорового полка, который ему великодушно подарил с целью укрепления мирных отношений и для развлечения прусского двора его русский коллега, царь Александр I. Поющие казаки были выше среднего роста, все носили усы, то есть полностью соответствовали представлению тогдашней и сегодняшней Европы о русских. Русская деревня около Потсдама является и сегодня выдающимся примером удавшейся интеграции. Потомки казаков, которые там живут и сегодня, выглядят все еще очень по-русски, хотя они говорят только по-немецки и, по крайней мере, я так думаю, вообще больше не поют.

Однако, киностудия в Бабельсберге – крупнейшая фабрика грез в Германии – все же, как мне кажется, похожа на сказку больше, чем все дворцы и деревни казаков Потсдама. Долгое время там снимались только фильмы ГДР, но после объединения Германии Бабельсберг превратился в востребованную международную киностудию. Американцы стояли в очереди, чтобы выпускать там свои блокбастеры. Я прочитал в интернете, что каскадеры проводят там в конце недели экскурсии для туристов. В субботу мы поехали с Яной в Бабельсберг, где пара исполнителей трюков уже ждала туристов. Мы разговорились. Один из них отвечал за огненные эффекты, другой хорошо ориентировался в лабиринтах территории.

Пиротехник рассказал мне, что у них в последнее время много работы, прежде всего потому, что американские киностудии все чаще переносили свои съемки в Германию. При этом они предпочитали снимать здесь финальные сцены ужасов и триллеров о сигналах тревоги зомби или о террористических атаках. Германия, прежде всего Бабельсберг, была точно подходящим для этого местом. Здесь была техника на высшем уровне и в то же время имелось много красивых руин и брошенных фабрик времен ГДР. Зомби тоже не проблема в Потсдаме: за небольшие деньги можно было найти много статистов.

Как рассказал пиротехник, как раз во время нашего визита американцы снимали в Бабельсберге новую серию фильма «Родина», популярного сериала американской производственной компании Фокс. Речь шла о храбрых агентах ЦРУ, борющихся против террористов. В последних сериях действие происходило в Афганистане и Пакистане, теперь на очереди была Сирия. А где можно было снять войну о Сирии лучше, чем в Потсдаме?

На руинах ГДР снимались атаки дронов и бомбардировки. По приказу режиссера гражданское население с громкими криками мчалось из разбомбленных гэдээровских фабрик: их должны были играть настоящие сирийские беженцы, которых в Берлине было предостаточно. Я узнал от пиротехника, что статист получал за день восемьдесят евро, плюс к этому дважды горячее питание.

Я счел идею довольно извращенной, когда настоящие сирийские военные беженцы должны сыграть в Германии в американском кино свое изгнание

и бегство еще раз, но на этот раз за деньги. В каком странном мире мы действительно живем?

«Да это еще что, – сказал пиротехник. – В действительности мир еще более странный, чем ты можешь себе это представить. Так многие сирийцы провалились на кастинге только потому, что американцам показалось, что они выглядят недостаточно «по-арабски».

Поэтому для массовых сцен взяли косовских албанцев, которые понравились им внешне. С давно небритой щетиной они больше соответствовали арабскому типу и лучше понимали команды режиссера. К большому неудовольствию настоящих сирийцев, получилось, что косовские албанцы стали «лучшими» сирийцами в фильме «Родина». Сирийцы чувствовали себя и без того в неестественной обстановке. У них было совсем другое представление о Германии, когда они ехали сюда. Представление, которому, вероятно, тоже способствовали американские фильмы. Заокеанские кинорежиссеры были в полном восторге от местонахождения Бабельсберга. «Если бы мы знали, что у вас в Берлине и в Потсдаме так много разных беженцев, то эпизоды про Афганистан и Пакистан мы тоже снимали бы здесь», – говорили они.

Однажды я тоже был статистом и много лет назад снимался на бабельсбергской территории в одном американском фильме. Я с гордостью рассказал об этом каскадере. Фильм назывался «Враг у ворот». Собственно говоря, я принимал участие в съемках хеппи-энда целых три дня. Я сидел с бутылкой кока-колы в руке на танке.

«Этого не может быть!» – ликовал мой собеседник. Он как раз в этом фильме начинал свою работу в качестве каскадера.

Мы не могли вспомнить друг друга. Прошло почти двадцать лет. В сущности, этот фильм был здешним товаром, которым хотели произвести впечатление на европейских производителей Америки и остальной мир. Но напыщенная Америка фильм тогда не купила: слишком мало белокурых женщин, мало страданий. Кроме того, любовная история картины оказалась в тупике: главные влюбленные в конце фильма не встретились, а наоборот, расстались навсегда. В картине не было счастливого конца, и американские эксперты сказали, что в их стране такая мрачная лента обречена на провал: «Мы не можем это показывать нашим находящимся в стрессе согражданам. Жизнь в Америке и так достаточно трудная. Поэтому от кино ждут больше положительных эмоций».

У европейских создателей фильма оставалось три дня для исправления ошибок и завершения работы в соответствии с американскими пожеланиями. Тогда для массовых сцен за шестьдесят немецких марок в день набрали людей, которые внешне были похожи на русских, чтобы играть в битве под Сталинградом советских солдат. Многие русские тогда – как сейчас сирийцы – провалились на кастинге, потому что они выглядели недостаточно русскими. Кавказцы, дагестанцы, армяне и евреи сыграли русских лучше. У немцев на кастинге тоже были проблемы. Вид многих граждан не соответствовал ожиданиям американских кинорежиссеров: в их представлении, немцев должны были играть блондины с голубыми глазами, в реальности же многие немцы были лысыми и в очках. От тех, кто играл русских, ожидали больше

«дикости»: они должны были быть темноволосыми и небритыми. В итоге косовские албанцы оказались «лучшими» русскими, так же, как и «лучшими» сирийцами, которых они сейчас играли.

Среднестатистический американец путешествует мало, а когда он решается на поездку, то делает это чаще всего в пределах своей страны. Америка может предложить много достопримечательностей: Ниагарский водопад, Белый Дом и тому подобное. Откуда жителям страны знать, что происходит за ее пределами? За картину мира отвечает Голливуд, и он точно знает, как выглядит мир – темноволосый и небритый. Поэтому косовские албанцы стали превосходными статистами, что в «Зомби-апокалипсисе», что в «Родине».

Тогда, двадцать лет назад, их еще не было в Бабельсберге, но я уже был. У меня были длинные черные волосы и усы, брился я редко и выглядел как албанец. То есть, я выглядел, по их мнению, как настоящий русский солдат. Моя работа состояла в том, чтобы в течение трех суток сидеть на танке. За съемочный день платили шестьдесят немецких марок. Другие русские, которые прошли кастинг, уже почти год жили исключительно на деньги от съемочной работы: она стала для них дополнительным доходом к социальной помощи. Когда съемки были закончены, в русской общине царило настоящее уныние. Но из-за изменившихся американских пожеланий, многие живущие в Берлине русские неожиданно вновь получили работу.

Кастинговое агентство ужасно мучилось. В конце концов, ему было нелегко: в кратчайшие сроки набрать 600 русских, и не каких-нибудь, а экземпляры, подходящие для хэппи-энда. Особо востребованными были одноногие мужчины, инвалиды и молодые белокурые женщины. Менеджеры агентства звонили многим моим подругам. Девушки рассказывали мне о странных беседах:

«Вы настоящая или крашенная блондинка?»

«Какое это имеет значение, зато у меня чисто синие глаза».

Большая неделя съемок хэппи-энда в Бабельсберге была настоящим цирком. Автобус за автобусом привозили к месту, где снимали счастливое завершение войны инвалидов, белокурых студенток и испытанных в боях молодых мужчин. Тут было много турок, которые в соответствующих костюмах выглядели русскими больше, чем настоящие русские. Одноногим нужно было снять свои протезы, потом их культы обрабатывались красной пищевой краской. Несмотря на это, выглядели они слишком по-европейски – ухоженными и цивилизованными. «Больше крови!» – требовал ассистент режиссера. Под конец даже здоровые мужчины тоже приобрели «впечатляющие» раны. Я получил «огромную» дыру в живот, так как в меня якобы попал фаустпатрон. Другой статист все время лежал на носилках с катетером в руке и стонал. При этом все тяжелораненые красноармейцы должны были выглядеть радостными и бодрыми: ведь выиграла великую битву, и война уже почти закончилась.

Потом раздали оружие: двадцать пулеметов, заряженных холостыми патронами, и один настоящий советский танк. Все участники, которые получили пулемет, должны были для безопасности сдать свои паспорта. Вероятно, создатели фильма опасались, что мы на танке и с оружием двинемся из Потсдама и превратим Бранденбург в новый Сталинград.

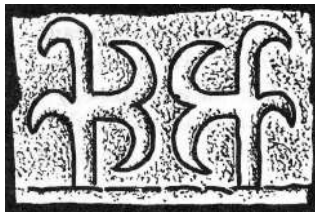
«Начали! – кричал ассистент режиссера. – Я прошу праздничное настроение – больше радости!»

Искусственный снег падал на нас с неба из больших шлангов и быстро превращался в какое-то резиновое месиво. Русские собрались вокруг танка, стреляли в голубое небо, кричали «Ура! Ура!» и что-то еще по-русски. Инвалиды гордо демонстрировали свои кровавые раны и сдержанно улыбались. Я танцевал на танке рок-н-ролл. Мужчине с катетером дали еще в руки аккордеон, и он должен был петь. Единственный профессиональный немецкий актер, который участвовал в этих съемках – лысый мужчина сорока с лишним лет и строгим выражением лица – выполнял важную миссию: с сосредоточенным видом он то и дело натягивал чехол на дуло танка, что символизировало конец войны. Потом все собрались вокруг лагерного костра, где с танцами и пением сжигались многочисленные фашистские знамена. Они горели невероятно быстро – буквально за несколько секунд превращались в пепел. Статисты уже волновались, что у них кончатся реквизиты, хотя сцена еще не снята. Но ассистент режиссера успокаивал их: «Не беспокойтесь! У нас здесь стоит целый грузовик с этим материалом. Слава богу, мы в Германии».

У меня до сих пор есть фотография тех времен. На ней я сижу на танке с нарисованной дырой в животе и бутылкой колы в руке. Мои дети часто спрашивали меня, показывая на эту фотографию: «Это снимок с Первой или Второй мировой войны?» Со временем становится все труднее разделить мир воображаемый и мир реальный.

Моей кузине в Бабельсберге не понравилось. Она не говорила по-немецки и поэтому не приняла участие в увлекательной беседе.

Перевод с немецкого Тамары Келиговой

Ваха Докаев

И пришел человек...

Брожу по окраинам
 Развалин воспоминаний.
 Своих и чужих...
 И смутно то,
 Чем я хочу поделиться.
 Пытаюсь пробраться
 В прошлое...
 3 000 лет назад...
 Плюс-минус 300 лет.
 Собираю по кусочкам
 События,
 Явления и дух того
 Времени.
 Мне нужен только
 Один человек...
 Но, чтобы воссоздать
 Его жизнь,
 Нужно восстановить
 Следы его.
 Как отпечаток
 Динозавра...
 «Хорошего динозавра».
 Говорят, дерево баобаб
 Живет 1000 лет...

Весенняя кухня

Счастливые ласточки в небе
 Волшебное рвут полотно.
 Мой кот объедается хлеба
 И смотрит наверх озорно.

Весна! И опять на столе
 Прибавилась куча приборов!
 И приторный чай в хрустале
 Заменится яблочным скоро!

А в прошлом году была ферма –
 До тысячи ящериц враз!
 Тут вечером прятались феи,
 И дятел будил по утрам.

На вишенке жили улитки,
 И ел абрикос муравей.
 Пусть ткут пауки паутинки
 Меж трав и высоких ветвей!

И все в ожидании чуда
 Готовится встретить весну,
 И небо меняет посуду:
 Льет солнце и чистит луну!

И только одна напевает
 На кухне моей озорно!..
 И ласточки в небе свивают
 Весеннее нам полотно!

Грезы лета

Листва дрожала в предвкушении,
 По тонким линиям листа
 Роса скользнула, и мгновение
 Ее держала пустота...

Последним летом наслаждаюсь...
 Что я пытаюсь сохранить?!

Рабы, тираны и льстецы,
«Творцы»
 безумных миражей!
Во тьме вершили Суд ножей.

Не скрыться от твоих теней!
И пусть всех дней
 немного остается мне
Не буду больше жить во сне.

Уходит старый город

Уходит старый город в никуда:
Ни лиц, ни стен, ни теплоты душевной...
Кафе... Такси... Электропровода...
Ведут, зовут куда-то ежедневно.

Никто уже не смотрит в небеса,
Витрины стыннут от поникших взоров...
Я прошепчу таксистам адреса
И... замолчу, и взгляд потухший скрою.

Он умирает, старый город мой!
Все улицы давно уже забыты.
Мой юный друг!.. Бери, теперь он твой!
А я нашел укромную обитель!

Все, что осталось, в сердце я собрал, –
Надежд давно разрушенных осколки!
Здесь оно все, что я всю жизнь искал...
Как книги, запыленные на полке.

Они привязаны

И у машин свои орбиты –
Они привязаны к Земле.
И облака насквозь прошиты...
И мы к мечтам своим прибиты –
Так свет звезды струит во мгле.

И у дорог свои мечты:
Они мечтают, что однажды
Пройдешь с открытым сердцем ты,
И примут небеса твои
Твою невиданную жажду.

Но каждый должен выпить сам
Из чаши истин и терпенья.

Забытая книга

Ветер снова и снова
Удивленно листает
Забытую на веранде книгу.
Всего лишь две-три странички
На середине.
Мой дорогой читатель...

История одной жизни

Детство

Три детства было у меня.
Одно я жил, не зная горя –
Ни одного такого дня,
Где нет прекраснейших историй!

Отцом и матерью любим,
Я рос, внимая птице счастья!
О, как мы долго-долго спим,
Не в силах совладать с Прекрасным!

Другим же детством жил другой...
Другой – холодный, безучастный.
Он думал: все само собой
Нас вынесет на берег Счастья!

Он принимал дары природы
И ничего не возвращал.
Да, это я таким уродом
Себя частенько замечал!

А третий – вечно недовольный, –
Я всех в своих грехах винил!
О, как я делал людям больно,
Насколько мне хватало сил!

Юность

Все трое выросли со мной,
На части разрывая сердце.
И тихо так исчезло детство,
Когда я потерял покой!

Явившись в радужную юность,
Трех птиц из детства я принес.
Я отпустил – они вернулись,
Не заблудившись между звезд!

Одно и то же делал трижды,
Любя и ненавидя все!
... В саду заброшенном моем
Цвели и отцветали вишни!

Мечтая, веря и любя,
Я мучился священным саном:
Родился человеком я,
А я хотел – всего лишь камнем!

Ну, значит, все не так уж плохо:
Не камень прячется в груди!
Как жаль, что брал я слишком много
На дни беспечные свои!

Старость

Ну, вот и все!.. Гляжу из бездны
И по-другому вижу мир.
Друзья мои, мне все известно,
И сердце чувствует эфир!

И детство, кажется, ушло,
Забрав с собой всю прелесть жизни.
Я прожил долго: повезло!
Но я теперь на свете лишний!

Друзья ушли тропею смерти,
Я сам им закрывал глаза.
Пока не поздно – сверьте карты:
Мы не туда идем, друзья!

Мы мало отдаем тепла,
Мы мало тратимся на мелочь.
Бегите со всех ног от Зла!
Вот, где нужна вся наша смелость!

Мой друг, тебе вручаю знамя!
Оно из самых дальних звезд
Вернулось, чтобы биться с нами:
Чтобы напомнить, ты здесь – гость!

У человека нет земли

У человека нет земли...
Я только гость... у кромки снега.
А я хочу в тот дом, где ты
Жила со мною... человеком.

Где не спеша идет наш сын –
Из школы в дом, из дома в школу...
Я так хочу, чтобы он жил
Умом и сердцем... и веселым.

Где ждет меня смешная дочь,
И за окном куст белой розы...
Как время нас уносит прочь...
И мчится Солнце через звезды.

У человека нет земли...
Я только гость... у кромки снега.
А я хочу в тот дом, где ты
Жила со мною... человеком.

Башни в небесах

Слова, как звезды в небесах,
над сердцем.
И каждый свой рисует «Млечный Путь».
А как они прекрасны были в детстве!
Но странный холод осквернил мне
грудь.

И я не вижу прежних башен в небе,
И я бреду сквозь редких молний свет.
– Душа моя, ты отчего ослепла?
Она в ответ: «Я лишь иду вослед!»

Восход так далеко

Восход так далеко...
Не верю, что придет...
Луна ушла... И кто ее здесь ждет?
Собрались звезды в кучу, приуныли...
Тьма осмелела... Тихо обступила.

Дыханье встало. Вслушиваюсь в даль:
Неизмерима, как моя печаль!
Я начинаю двигаться наощупь,
Душа моя, скажи, на что ты ропщешь?!

Боишься ты могильной темноты
Иль неба, обнесенного свечами?
Иль осени багряные листья
И были эти письма между нами?

Державшие небо

Сколько улетало в небо птиц –
 Сколько их – державших
 в крыльях небо?!
 Сколько... Сколько их – упавших ниц,
 Оттого что сердце вдруг ослепло...
 Сколько пирамид, пронзавших высь?..
 Время стерло их предназначенье!
 Время есть – друг милый, оглянись!
 Жизнь свою не путай с его тенью!

Я обратился к небесам

Я обратился к небесам,
 К истокам созиданья мира.
 И миллионы лет назад
 Я видел одного – кумира...
 Мир будто говорил со мной –
 Сквозь долгий грохот сотворений.
 И я считал его мгновенья
 И слушал вечности покой...
 Я чувствую весь миллиард –
 Как умирают, вопрошая...
 И жизнь, исполненную раем,
 Земной испепеляет ад.

И вот я умер...

И вот я умер. Слишком часто
 Мне так хотелось рассказать –
 Еще живой – о том, что счастье
 Мне не давало умирать.

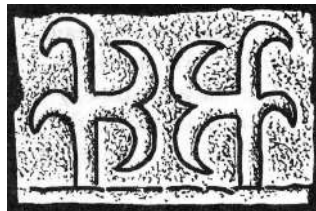
И вот я умер. Солнцем ясным
 Все так же освещен мой край.
 «И на челе его прекрасном –
 Невыразимое – прощай!»

Я сам скажу живым о мертвом:
 Живите сердцем и душой,
 Ведь никаким святым эскортом
 Не взвиться грешным над землей.

Храните сердце, вновь и вновь
 Облагораживая честью,
 Не превращайте в страсть любовь,
 И не травите разум лезтью.

И вот я умер. Ангел вынул
 Мою измученную душу.
 И Бог один... Мой Господин
 Предсмертную молитву слушал.

...И вот я умер.

*Критика и литературоведение***Роза Межиева****Волшебные маски поэта**

В мире искусства, когда талантливая личность в процессе творческих изысканий постоянно держит руку «на пульсе планеты», явление не редкое. В целом оно может свидетельствовать о разносторонней развитости и даже одаренности человека, его «включенности» почти во все животрепещущие и актуальные темы в обществе. И современная чеченская русскоязычная поэзия (как минимум, двух последних десятилетий) в этом смысле не является исключением.

Понятно, что возглавить такой своеобразный шорт-лист «самых-самых» достойны многие авторы. А имя чеченского поэта Вахи Докаева, как мне представляется, заслуживает занять в нем далеко не последнюю строчку.

С его стихами читатели нашего журнала имеют возможность знакомиться периодически на протяжении последних 10 или даже 15 лет. Кому интересно, могут заглянуть на сайт Стихи.ру, где поэтический «кейс» автора представлен, практически, в полном объеме и время от времени дополняется новыми подборками, условно обозначенными как «книги» (во всяком случае, об имеющихся печатных аналогах мне неизвестно).

Лирика Докаева многогранна, разнообразна и богата во многих смыслах – и качественно, и количественно, и в плане жанрового разнообразия, и тематического охвата. И если бы он планировал, допустим, в ближайшее время издать поэтический сборник – то сделать выборку тематическими блоками из всех электронных «книг», под общим заголовком «Избранное», наверное, было бы идеальным решением. Ведь таким образом читатель получил бы возможность самостоятельно убедиться в справедливости данной творчеству поэта оценки.

Здесь, пожалуй, стоит оговориться: оценки справедливой, но все же немного пристрастной, поскольку она исходит не от профессионального критика. Желание поделиться своими впечатлениями и размышлениями о докаевской поэзии отчасти продиктовано и чувством благодарности – ведь уже столько лет мы, в каком-то смысле, «злоупотребляем» однажды данным им разрешением на публикацию любых его стихов. Очень надеюсь, что эта рецензия хотя бы немного восполнит существующий пробел во внимании к его творчеству со стороны профессионалов в области критики и литературоведения. А последние, наконец, дадут свою объективную оценку.

Характерная особенность докаевской лирики – в создаваемом у читателя ощущении некоторой светоносности, прозрачности и пронизанности непреходящим оптимизмом, такой чистой восторженности. Здесь, конечно, имеется в виду, совсем нетавосторженность, которую «хитромудрые» критики порою обозначают как «юношескую» (как бы намекая этим «щадящим» эвфемизмом на недостаточную зрелость). Нет, за непринужденной легкостью – самих строк, художественных образов, смыслов и настроений стоит целое мировоззрение, философия и школа жизни, уроки которой автором, как представляется, были усвоены сполна. Что же дает основание

для подобных «далеко идущих» выводов и предположений? Ну, во-первых, пусть и не частые, но достаточно информативные беседы с самим поэтом. Во-вторых, это, конечно же, его стихи. В поисках жанровой «оправы» для поэтического самовыражения Ваха Докаев охотно обращается к литературным традициям самых разных культур и народов: хокку, танка, рубаи, белые и вольные стихи, поэмы, притчи, миниатюры, афоризмы и т.д. И это не какие-то «вольные упражнения», на тему: «а смотрите-ка, что я еще могу». Само содержание почти каждого его произведения, идейная и духовная составляющие и посыл, палитра художественных средств, образов – как будто подсказывают, каким жанровым формам они наиболее созвучны и органичны. То есть, подобные «разрешения» у поэта всегда уместны и оправданы – и не важно, пейзажная это лирика или любовная, философская или гражданская, мистическая или религиозная. Новаторство проявляется порою в причудливом смешении мотивов, характерных для ближневосточной лирики – с использованием традиционных жанров японской поэзии:

Первая песня
Плачем была твоим.
Все повторится...
(«*Песни жизни и смерти*»)

Или:

Вижу ангелов
За каждым человеком –
Город Ангелов!..

И наоборот, образы, созвучные для атмосферного, как бы лишённого «несущих стен» японского хокку или танка, у Докаева гармонично «вплетены» в каркас четверостишия, вполне себе традиционного для европейской или арабо-персидской литературной школы:

Я скуп на слезы –
Берегу на завтра...
Но ворох листьев желтых
Так тревожит сердце.
(«*Ворох листьев желтых*»)

Еще один пример поэтического «симбиоза» – философии индийского шаманизма (с отсылкой к эзотерическому «Учению дона Хуана: Путь знания индейцев яки» Карлоса Кастанеды) с жанром хокку:

Когда я проник
В стрекот кузнечика,
Мир остановился.

Или мистицизм суфия-дервиша (причем симбиоз не искусственно-принужденный – в основе нравственных координат суфия, проповедующего непривязанность к материальным благам и привилегиям, смирение, которое мало что имеет общего со смирением нищего) – и индийского воина-мага. О последнем можно сказать почти то же самое: воин ни перед кем на земле не опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним.

Я нищий –
 В щель между мирами
 Не пронести
 Ни сердца,
 Ни любви.
 Лишь добродетель
 Светлыми кругами
 Украсит в бездне
 сумрачные дни!

(«Я – нищий»)

На примере этого стихотворения (и многих других) легко заметить, как философские, эзотерические или религиозные учения, принадлежащие разным народам и культурным традициям, «вооружили» и обогатили Докаева-поэта новыми лексическими и художественными средствами.

Путь индийского воина-мага в его концептуальном миропонимании – это путь безупречного действия. Где цель пути – встреча с Бесконечностью.

Суфий свой путь символически представляет в образе длинного стебля розы, усеянного острыми шипами, олицетворяющими трудности. А раскрывшийся бутон – встречу с Божеством. Это и есть окончательная цель пути суфия – пути добродетели и... безупречности действий.

В стихотворении «Улыбка Самурая» лирический герой поэта (как вариант и манифест его собственного альтер эго), подобно безупречному воину из кастанедовских книг, снимает одну маску – чтобы тут же надеть другую. Не для самолюбования и рефлексии – а из понимания своей (как думается) особенной миссии на земле:

Ради тех, кто отдал мне Меч Искателя Истины –
 И Улыбку Самурая.

 И я надеваю маску –
 Улыбку Духа – для тех, кто пал духом...
 Солнечный луч для омытых кровью своей и врагов...

Ее нельзя купить, ее нельзя выпросить,
 Ее невозможно выбросить.

Она защита от глупости,
 От серьезности чрезмерной.

Я знаю, что никто не нуждается в улыбке.
Но это мой долг Чести.

О долге чести и настоящем подвиге духа хокку, посвященное добровольцам-ликвидаторам из японских сил самообороны, полицейским и пожарникам – на разрушенной землетрясением и последовавшей вслед за ним гигантской волной цунами АЭС «Фукусима» в 2011 году:

Скрестили клинки
Пятьдесят самураев
На «Фукусиме».

Нет случайных гостей на этой планете – у каждого из нас своя особенная миссия, своя порция боли и радости, побед и поражений. Но лишь немногим под силу «вышагивать бодрым шагом», пряча под маской «Улыбки Самурая» «свои не зарубцевавшиеся раны» – именно таким героям посвящает поэт эти строки. Ибо как восклицал более века назад «буревестник революции» Максим Горький в «Песне о Соколе»: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Особое место в творчестве Докаева занимает пейзажная лирика (но не просто «пейзажная» – скорее, как полотно для новой сюжетной линии). Пронизанная тонким психологизмом, она просто восхитительна. В этом жанре автора смело можно считать «властелином стихии». Волшебные «маски» поэта-мечтателя сменяют одна другую – они словно гипнотизируют читателя, разворачивая перед его внутренним зрением объемный 3D-мир – мир сказки о странствиях, о неумолимом беге времени, о вечном и мудром... Сказки о любви, о добре и зле, о щедрости и скупости – о самом смысле нашего существования на этой земле. Таких стихов у Докаева, ну просто «тьма тьмущая». А привести здесь, в качестве яркого примера, целиком, достаточно лишь одного:

Песнь осени. Золотой Император

Город оделся
в желтые доспехи.

Старый император
Вернулся победителем
И осыпал город
Милостью.

Его приближенные бросают
Под ноги беднякам
Медь и золото царства грез.

И разодетая толпа,
Овеянная нежной грустью,
Топчет желтые монеты.

Старый император вернулся,
И мятежный город,
Целое лето
Вывешивавший
Зеленые и белые знамена,
Сдался на милость победителя.

Он надеется,
Что хотя бы на этот раз
Осень-император
Не обложит город
Непосильным налогом
Белых лепестков-снежинок.

Тюльпан твоей любви
Открыл навстречу бутон...

Золото Императора
Топчут немилосердно
Глухие,
Немые,
Слепые...

И скоро кончится
Желтая казна...

Как говорится, слов нет – одни эмоции. А если серьезно, то, как сказал один древний и очень знаменитый китайский поэт Ли Бо – о другом, еще более древнем и знаменитом:

...О реке говорил Се Тяо:
«Прозрачней белого шелка», –
И этой строки довольно,
Чтоб запомнить его навек.

Тут и мне невольно захотелось вторить Ли Бо, немного перефразировав его бессмертные строки:

И лишь этого стихотворения –
«Песнь осени. Золотой Император» –
Довольно, чтобы имя Вахи Докаева
Запомнить уже навек!

Как отмечалось выше, в основе такого разнообразия умений и приемов работы с поэтическим словом и тематической «всеохватности» заложен довольно солидный багаж знаний и опыта – своего и чужого, но переосмысленного и воспринятого как собственный.

В случае Докаева, знания, которые он щедро черпает отовсюду, не отравляют

разум и душу, как это происходит иногда с творческими личностями («многия знания – многия печали»), погружая в глубокую разочарованность жизнью. Не рождают сожаления о ее быстротечности, когда «вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю»...

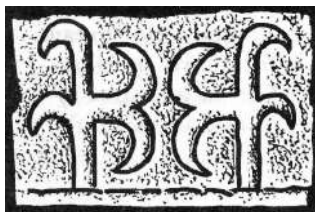
Напротив, поэт, подобно растениям, тянущимся к солнцу (чтобы в процессе фотосинтеза – длинной цепочке поглощений и превращений энергии света и углекислого газа в живительный кислород – основу жизни на земле), вбирает в себя знания мира, жемчужины впечатлений, разнообразных эмоций и мыслей. И там, в самом сердце поэтического «воображариума», словно в некоем алхимическом тигле, они претерпевают таинственные трансмутации – чтобы генерировать вовне «эликсир», именуемый поэзией... Или же, подобно ученым-физикам, в безумной отваге разгоняющим пучки частиц в ускорителе – чтобы здесь, в проявленном мире материализовать нечто совершенно новое, чему еще никто не был свидетелем:

Мир вдруг расщеплен, расколот –
И стал исходить светом
Нестерпимо белого...

.....
Мое пространство расщепляется
на измерения
До одномерного состояния...
Сердце мое – коллаيدر...
(«Сердце мое коллаيدر»)

Чуткий слух поэта улавливает, как «Мир шепчет мне очень нежно: «Не привыкай ко мне – я обречен убить тебя». НО, кажется, эта угроза не смущает его, ведь:

Там, через тысячи звезд...
Там, на окраине Вечности.
Я отключаюсь...
Мы выполняем
Особую миссию...
Звезды мерцают во тьме...
Как кнопки
Телефона Вселенной...
Слышишь меня?!
Возьми, пожалуйста, трубку...
(«Карусель бессмертия»)

Михаил Гуцериев

О чеченцах*

Небольшой отрывок из интервью Папы Римского иезуитскому журналу «Америка» всколыхнул все российское общество, эту новость обсуждают уже несколько дней на самых разных уровнях. И сейчас уже не важно, какой смысл глава Римско-католической церкви вкладывал в произнесенные слова, либо, как утверждают некоторые комментаторы, его тезисы были неправильно переведены или он имел в виду совершенно другое.

Понтифик двумя словами прямо обвинил чеченцев в нечеловеческой жестокости, которая, как вполне подразумевается, проистекает из их инородности и религиозной нетерпимости. И хотя последнее «лобовое» утверждение в словах Папы (деятельное служение которого всегда вызывало и вызывает у меня самое глубокое уважение) отсутствует, косвенное – вполне налицо. К тому же после слов главы католической церкви, уверен, найдутся горячие головы, которые с большим удовольствием переложат все жестокости этого конфликта (а они неизбежны) на одну нацию – чеченцев.

В заявлении о том, что «самыми жестокими (участниками СВО. – Прим. ред. «МК»), пожалуй, являются те, кто из России, но не придерживается русской традиции, такие как чеченцы, буряты», обложенном оговорками, словно ватой, скрыто так много нехороших подтекстов, что лучше не разбирать их на составляющие.

Достаточно и того, что противопоставление чеченцев некой «русской традиции» похоже на попытку разобщить российский народ по национальному признаку и разжечь религиозную рознь.

В этой связи считаю своим гражданским и человеческим долгом высказать свою позицию в отношении слов понтифика и, конечно, в целом к чеченскому народу.

* Перепечатано с сайта газеты «Московский комсомолец» <https://www.mk.ru/culture/2022/12/04/0-chechencakh.html>

Большую часть своей жизни я, ингуш по национальности, прожил бок о бок с чеченцами. Я вырос в Грозном, и всегда моими друзьями и друзьями моих родителей были чеченцы. Я руководил объединением, в котором работало более 4000 человек. Преобладающая часть из них были чеченцы. Предприятия объединения были расположены в разных районах республики: Веденском, Шалинском, Ачхой-Мартановском, Урус-Мартановском и других. По долгу службы я часто посещал эти места, встречался с коллегами, их близкими, просто жителями районов. И могу уверенно сказать: это были достойные люди, пример работоспособности, честности, открытости, религиозности, выдержки и колоссальной взаимоподдержки. Простые люди – рабочие, инженеры, крестьяне – именно они составляли и составляют суть чеченского народа, его вековой корень.

*Герой Советского Союза
Ирбайхан Байбулатов*

Все свое детство, юность я провел в пионерских лагерях Сержень-Юрта Шалинского района республики. Мои товарищи, я имею в виду детей, а также вожатые были чеченцы. С пионерских сборов, костров и зарниц я постигал вековые обычаи чеченского народа, его ментальность, впитывал вместе со своими чеченскими сверстниками глубину и мудрость непреложных законов чести и доблести этого красивого горского народа. Позже, в юности, в туристических походах по Большому Кавказскому хребту я посещал чеченские села Шатойского района – Малые Варанды, Ярыш-Марды и другие, знакомился и тесно общался с их жителями, узнавал историю и уникальные традиции этого народа. С годами, взрослея, я постепенно осознал духовное величие чеченской культуры. Подобно свадебному платью горянки, играющему яркими узорами, с одной стороны, а с другой – аскетичному, но продуманному до мелочей костюму мужчины-чеченца, в ней воедино переплелись безумная отвага и трогательная нежность, скупая лаконичность и безудержная чувственность, грусть и радость, драма и смех, неистовая любовь к жизни и горделивое презрение к смерти. Я изучил чеченский язык, стал хорошо говорить на нем. Не хуже, чем на родном.

В культурном коде чеченского общества и одной из главных его традиций является сохранение семейного этикета и уважение к гостям. А определяющие особенности, про которые знают все, кто хоть раз сталкивался с укладом жизни чеченцев, – уважение к старшему поколению, порядочность, честность, вежливость, богобоязненность и... милосердие.

Широко известно, что чеченцы очень любят оружие, воинскую одежду, высоко ценят славу, добытую в бою, в общем, все, что связано с воинским делом. Это объясняется не агрессивностью их характера, а тяжелейшими условиями жизни народа, который на протяжении столетия вел неравную войну против унижения крепостническим рабством и неизбежной потери своей самоидентификации. Итогом этой колонизации стала смертельно губительная

потеря чеченцами плодородных равнин и выселение в горы... Да, самой историей чеченцы были обречены на постоянное сопротивление, необходимость выживания, постоянную, впитанную с молоком матери и первыми наставлениями отца готовность кинжалом и пулей драться, выстоять, спасти семью, близких, защитить свой дом, честь, свою религию. Может, поэтому в крови чеченцев

Герой Советского Союза Мовлид Висаитов

такая любовь к оружию, может, поэтому их черты характера подобны резким линиям горных скал и ущелий; их песни – о бесстрашных героях, а их танцы – невероятно ритмичны и дерзки... Может, поэтому чеченцы – превосходные воины, сызмальства оттачивающие владение солдатским ремеслом до совершенства... Но ассоциировать национальную идентичность чеченского народа с войной и жестокостью – так же ошибочно, как ассоциировать Рим с распятыми по Аппиевой дороге соратниками Спартака или репрессиями Муссолини, а представление об итальянцах – сводить к стереотипу о макаронах и сицилийской мафии. И уж точно ошибочно, рассуждая о нравственных критериях Святого престола, перечислять лишь несправедливые суды, пытки и костры инквизиции в Средние века. А стоит вспомнить духовный подвиг святых апостолов Петра и Павла, величайших учителей христианской веры.

На уровне обывательского мышления эти аналогии можно объяснить низким уровнем культуры и образования, в конце концов, это можно свести к шутке. Но когда подобное отношение позволяет себе публично озвучивать глава Ватикана, все гораздо серьезнее.

На протяжении своей истории чеченцы всегда лишь защищали свою землю, веру, традиции, устои, свои адаты. Защищали своих детей, стариков и матерей.

Для чеченцев не имеют значения ни исторические переломы, ни политическая конъюнктура. Они во все времена отличались верностью клятве, преданностью своему долгу, Отечеству, которому всегда служили истово, всем сердцем, телом и душой. Они с великим достоинством отчаянно сражались в Первую мировую войну, разделенные, как и другие народы России, пережили братоубийственную гражданскую, выстояли в страшные годы Великой Отечественной. Я знаю десятки примеров, когда чеченцы, чтобы остаться на фронте и продолжать бить врага, меняли свои фамилии, избегая тем самым кровавых клешней сталинской депортации. Навсегда в памяти потомков останутся имена Героев Советского Союза – Абухаджи Идрисова, Хансултана Дачиева, Ирбайхана Байбулатова, Ханпаши Нурадилова, Мовлида Висаитова, Хаваджи Мухамед-Мирзаева и многих других чеченцев, не жалевших себя во имя общей Победы. И в афганскую войну они, беспрекословно верные Присяге, стойко выполнили свой долг, названный советской родиной интернациональным.

А что говорить о первой и второй чеченской войне? Практически это были гражданские войны. Мы все это хорошо помним. Но и в тех событиях чеченцы проявили себя отличными воинами и с той, и с другой стороны.

История чеченцев – это история страданий, боли, крови. Это незаживающая рана выселения – беспрецедентной ссылки целого народа и затем страшные, нечеловеческие условия, унесшие тысячи жизней, большинство из которых – немощные старики и слабые дети, физически не выдержавших голод и зимы казахстанских степей... Но чеченцы выстояли, не сломались, сумели не только выжить, но и вернуться домой еще более сильными и сплоченными. Более того: привычка и любовь к труду позволили чеченскому народу даже ссылку обернуть во благо, резким скачком повысив уровень образования. Сегодня чеченцы являются одним из самых высокообразованных народов в составе Российской Федерации. Недавно в свет вышла первая часть справочника «Чеченцы в науке», включающая в себя краткие биографии 228 докторов наук. И это только первая часть, потому что вместить чеченский вклад в развитие науки в один том невозможно.

И не лучше бы помощникам главы Римской церкви донести до Его Святейшества правду об огромном вкладе чеченцев – ученых, юристов, преподавателей, представителей других профессий – в общечеловеческое мировое наследие? Достаточно вспомнить труды чеченских правозащитников профессора Абдурахмана Авторханова, Салаудина Гугаева и многих других чеченцев, посвятивших свои жизни борьбе со сталинским режимом. А еще есть тысячи кандидатов наук, доцентов, поэтов, писателей, этнографов, археологов, да и просто порядочных людей, которые честно трудятся с утра и до вечера, стараются прокормить свои семьи, дать образование детям, помочь родителям (и, как говорят в народе, «построить дом и посадить дерево»).

Или, может, стоит напомнить о докторе Хасане Баиеве, признанном человеком года в США, Великобритании и Японии, ставшем лауреатом международной премии «Врач мира» за спасение во время Чеченской войны и боевиков, и федералов?

Обостренное чувство чести, ощущение свободы, которое свойственно чеченскому народу, отмечали многие, в том числе русские классики. А. А. Бестужев-Марлинский в «Письме доктору Эрману» писал: «...Чеченцы не жгли домов, не топтали умышленно нив, не ломали виноградников. «Зачем уничтожать дар Божий и труд человека», – говорили они... И это правило горского «разбойника» есть доблесть, которой могли бы гордиться народы самые образованные, если бы они имели ее...»

Сострадание к истинной трагедии чеченцев передают строки замечательного русского поэта Александра Полежаева, участника кавказской войны:

Врач Хасан Баиев

В домах, по стогнам площадей,
 В изгибах улиц отдаленных
 Следы печальные смертей
 И груды тел окровавленных.
 Неумолимая рука
 не знает строгого разбора:
 Она разит без приговора
 С невинной девой старика
 И беззащитного младенца...
 (поэма «Чир-Юрт»).

Во все времена на войне – как на войне.
 И 200 лет, и сейчас ни одна из сторон не
 гнушалась мародерством, безжалостно
 грабя и унижая побежденных:

Повсюду, жертвою погони,
 Во прахе всадники и кони
 И нагруженные арбы;
 И победителям на долю
 Везде рассеяны по полю
 Мятежной робости дары:
 Кинжалы, шашки, пистолеты,
 Парчи узорные, браслеты
 И драгоценные ковры.

У А. С. Пушкина есть поэма «Тазит». В ней полностью опровергается миф о жестокости чеченского народа. Герой поэмы был отдан младенцем на воспитание чеченцам, чтобы они вырастили его «храбрым чеченцем», жестоким воином. Но, воспитанный мудрым старцем, Тазит не научился ненависти и жестокости, зато научился благородству и милосердию: даже встретив кровного врага (убийцу брата), он отпускает того с миром, потому что враг был «одинок, изранен, безоружен». В Тазите нет ничего, что, по мнению его отца и людей, мыслящих стереотипами, должно быть в чеченце:

«Где ж, – мыслит он, – в нем плод наук,
 Отважность, хитрость и проворство,
 Лукавый ум и сила рук?»

Пушкин вложил в Тазита высокие нравственные ценности: закон чести всегда выше закона мести. Отнять жизнь беззащитного, истекающего кровью, обидеть слабого – позор для чеченца. И Тазит возвращается к тем, кто его воспитал. Прося руки чеченской девушки, герой говорит ее отцу:

*Герой Советского Союза,
 снайпер Идрисов Абухаджи*

«Я беден, но могуч и молод,
 Мне легок труд. Я удалю
 От нашей сакли тощий голод.
 Тебе я буду сын и друг.
 Послушный, преданный и нежный,
 Твоим сынам кунак надежный,
 А ей – приверженный супруг».

Чувство собственного достоинства, трудолюбие, верность и надежность в любви и дружбе – вот все, чем может похвастать Тазит. Все это он впитал от приемного отца, этому его научили чеченцы.

У самого Пушкина был друг – генерал Александр Чеченский, герой войны 1812 года. Будучи маленьким ребенком, плененным и усыновленным Николаем Раевским, мальчик получил имя Александр в честь великого Македонского и фамилию в память о его родине – Чечне. Великий поэт считал для себя Александра Чеченского «неизменным учителем в делах нравственных».

Два года прожил в Чечне Л. Н. Толстой, именно здесь сложился и оформился его писательский талант, здесь он нашел верных друзей – Садо Мисербиева, спасавшего будущего великого писателя, в том числе от разорения, и Балту Исаева, поведавшего ему историю чеченской семьи, положенную Толстым в основу рассказа «Набег». Толстой становится одним из первых, кто стал записывать чеченский фольклор. Свободолюбие чеченцев повлияло и на характер Льва Николаевича, для которого не существовало авторитетов и стереотипов. В одном из писем того периода Толстой напишет: «Моя мысль, непродуманное мое решение ехать на Кавказ были внушены мне свыше. Мной руководила рука Божья – и я горячо благодарю его, – я чувствую, что здесь я стал лучше... я твердо уверен, что что бы здесь ни случилось со мной, всё мне на благо».

Михаил Юрьевич Лермонтов в «Герое нашего времени» устами старого опытного вояки Максима Максимыча отмечает бережное, почти сакральное отношение чеченцев к оружию: «бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре».

Говоря в «Архипелаге ГУЛАГ» о «тяжелом» характере чеченцев, Лауреат Нобелевской премии А. И. Солженицын отмечает, что завоевать их доверие можно было «независимостью и мужеством», и делает очень правильный, на мой взгляд, вывод: «Когда кажется нам, что нас мало уважают, – надо проверить, так ли мы живем». Узник ГУЛАГА так оценивает свободолюбивый дух чеченцев: «...была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности: не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чеченцы. Никакие чеченцы нигде не пытались угодить или понравиться начальству – но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны... Никто не мог помешать

*Герой Советского Союза,
 разведчик Хансултан Дачиев*

Герой Отечественной войны 1812 года, генерал Александр Чеченский

им так жить. И власть, уже тридцать лет владевшая этой страной, не могла их заставить уважать свои законы. Солженицын признает и мужественное поведение чеченцев во время кровопролитного кенгирского восстания, в ходе которого чеченцы «...одни они изо всей джезказганской ссылки пытались поддержать кенгирское восстание, не испугавшись ни власти, ни «...до сих пор таких грозных райкома партии, и райисполкома, и МВД с комендатурой и милицией...».

За годы своей единой истории, в которой было всякое (но с этим русские и чеченцы как-нибудь разберутся сами), русская и чеченская традиции так переплелись, обогащая друг друга, что слова о народах, существующих вне русской традиции, сказанные понтификом,

выглядят в лучшем случае необдуманно, в худшем могут быть восприняты как попытка разделения народов и национал-шовинизм.

У чеченцев есть свой этический кодекс, сложившийся еще до принятия ислама, – «Къонахалла», согласно которому къонах дороже жизни ценит Отечество, честь и личное достоинство. Следуя этому кодексу, чеченцы не посягают на честь и достоинство других людей, ценят справедливость и умеют быть благодарными, проявляют уважение к другим и милосердие к немощным. Все ли чеченцы соблюдают этот кодекс? К сожалению, нет. Всегда есть отдельные люди, которые идут вопреки закону. Разве все европейцы соблюдают заповеди Христовы? Разве все приверженцы Будды исполняют его принципы? И разве все атеисты чтут закон?

Если бы это было так, в мире исчезла бы преступность. Ни Америка, ни Италия, ни все те, кто называет себя цивилизованным миром, не могут этим похвастаться. Но оскорблять другие народы, навешивая ярлыки, не дозволено никому, даже главе Ватикана.

Сегодня мы хотим мира. Я не сомневаюсь, что мира искренне хочет и глубокоуважаемый Папа Римский Франциск. Он не раз доказывал это своим служением, своими проповедями. Каждое слово Его Святейшества является законом для миллионов людей. Не мое дело поправлять понтифика, но дело моей совести – сказать правду и поддержать чеченский народ.

С огромным уважением к чеченскому народу и миссионерскому служению Его Святейшества главы Римско-католической церкви Франциску I, Михаил ГУЦЕРИЕВ.

Мовсур Ибрагимов

О генетическом родстве чеченских тайпов с гребенскими и терскими казаками

Термин «тайпа» нами используется в названии статьи и в ряде приводимых ниже документов, но он широкому кругу читателей мало известен. Это наталкивает нас на объяснение термина «тайпа» до изложения основного материала.

Сложилась оценка тайпа как патриархальной экзогамной группы людей, объединенных общим предком. Члены тайпа веками пользовались одинаковыми личными правами, были связаны кровным родством по отцовской линии. Синдром постоянной внешней угрозы и вторжения врага на «малую родину» предавал внешние стимулы соблюдения боевого равенства, беззаветной защите интересов семьи, рода. Характерно, что в XIX в. каждый чеченец, претендовавший на принадлежность к коренным тайпам Чечни был обязан назвать не менее семи своих прямых предков по мужской линии, желательно с указанием мест их захоронения. Последнее вполне объясняет особое отношение чеченцев к нерушимости мест вечного покоя предка.

Российско-чеченские взаимоотношения имеют не только добрососедскую, но и сложную и противоречивую историю. Не всегда они складывались просто. Бывали периоды, когда эти отношения носили дружеский, взаимовыгодный характер. Но бывали и моменты жестокого и кровавого противостояния России и Чечни.

Большинство исследователей, изучающие историю русско-чеченских взаимоотношений, отмечают, что уже в XVI–XVIII веках устанавливаются прочные добрососедские связи чеченцев с гребенскими и терскими казаками. Русский исследователь И. Попко в 1880 году писал: «Кзаки держались в своих гребнях благодаря поддержке князей Нижней или Малой Кабарды, землю которых они прикрывали, и приятельским связям с маловоин-ственными и немусульманскими тогда соседними чеченскими обществами, из которых брали даже себе жён». [1.с.5].

Находившийся долгое время среди терских и гребенских казаков и хорошо знавший чеченцев Л. Н. Толстой в повести «Кзаки» писал: «Живя между чеченцами, кзаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев...» [2.с.250-251]. Нередкими были случаи, когда кзаки, русские солдаты, крепостные крестьяне бежали в горские аулы, обзаводились хозяйством, женились на чеченках. В период Кавказской войны много русских солдат, перешедших на сторону имама Шамиля, служили в крепости Ведено, а после отставки, оставались жить там же. Многие из них ассимилировались и оставались жить среди чеченцев навсегда.

Учитывая, что таких случаев было довольно много, некоторая часть чеченских обывателей и даже отдельные историки полагают, что, возможно, какие-то чеченские тайпы формировались из подобного беглого люда. В

связи с этим приводят в пример один из известнейших чеченских тайпов – гуной, который, по их мнению, якобы является потомками терско-гребенского казачества, предки которых обосновались в горах Ичкерии (Юго-Восточная часть горной Чечни), приняли ислам и «очеченились». Эту точку зрения иногда некритично повторяют и довольно серьёзные историки. Так, профессор Д. Ж. Гакаев в своей книге «Очерки политической истории Чечни»: пишет «...тайпы подразделяются на исконно чеченские («чистые») и не вайнахского происхождения («нечистые»), ведущие своё начало от иноплеменников. К последним принято относить тайп гуной, который ведёт свою родословную от терских казаков...» [3. с. 39]. Да, действительно, родственные связи между казаками и представителями тайпа гуной существовали. И этому есть множество примеров. И. М. Попов, изучавший чеченцев ещё в XIX веке, писал: «Гуноевская фамилия в настоящее время считает родственниками гребенских казаков (Червлённая станица), и, наоборот, казаки эти не лишены родственных чувств к гуноевцам, что выражается перепиской между ними и предложением со стороны казаков материальных пособий в случае крайности их собратьев». Как считают авторитетные учёные, профессора Н. П. Гриценко, Ш. Б. Ахмадов, Ш. Арсалиев, Л. Гарсаев, А. А. Манкиев и другие серьёзные исследователи проблемы, не гуноевцы являются потомками казаков, а наоборот, некоторые казачьи династии являются выходцами из чеченского тайпа гуной. Н. П. Гриценко подчёркивает, что многие чеченцы жили среди русского населения. Бывали случаи, когда чеченцы покидали родные места и селились в казачьих станицах. Нередко случалось, что в казачьи станицы бежали по причине кровной мести или нежелания принять мусульманство. Приняв православие и новую фамилию, такой человек с течением времени становился русским по обычаям и языку. В станице Червлённой было очень много дворов под фамилией Гулаевых, далёкие предки которых вышли из чеченского тайпа гуной, родовое село которых – Гуни, находится в нынешнем Веденском районе. Известный чеченский этнограф XIX века У. Лаудаев отмечал: «Действительно чеченцы уходили тогда к русским. Это подтверждают сами казаки Червленской и других станиц. До сих пор они не позабыли своих праотческих селений и сами подтверждают, что происходят от чеченцев». «Многие чеченцы, далёкие потомки беглых сородичей, давно потерявшие национальные черты, по-прежнему в станицах называются чеченцами, – пишет другой исследователь Б. А. Калоев. – К числу таких в станице Червлённой относятся Егоркины, Бусунгуровы, Титкины, в станице Гребенской – Закаевы, Костиковы». [5. с. 58].

Наши полевые материалы, собранные путём опроса старейшин села Гуни в 60 – 80-е годы XX века также подтверждают версию происхождения некоторых казачьих династий станиц Червлённой и Гребенской из представителей чеченского тайпа гуной. Часть гуноевцев, отказавшись принять ислам, во второй половине XVII века переселились за Терек. Ислам в Северо-Кавказский регион стал проникать, как отмечают многие исследователи, в VII-VIII веках в связи с завоеваниями арабов. Первыми ислам приняли народы Дагестана, перенявшие от арабов мазхаб имама аш-Шафии. Исламизацию Дагестана местные легенды приписывают арабскому наместнику Масламе, известному

в народе как Абу-Муслим. Но процесс приобщения к мусульманской религии дагестанских народов растянулся по времени почти на целое тысячелетие. Первоначально ислам укрепился в Дербентском эмирате, откуда распространился на территорию Южного и Юго-Восточного Дагестана. Позже всего принял ислам Западный Дагестан (XV век). Как раз миссионеры из Западной части Дагестана начали пропагандировать ислам чеченцам, проживавшим в ближайших районах. По мнению учёных, эта религия начала проникать к чеченцам в XV веке. К середине XIX века большинство населения Чечни было обращено в ислам. Здесь, как и в Дагестане, распространилось суфийское братство накшбандия. У. Лаудаев пишет, что его соплеменники (т.е. чеченцы) приняли ислам от соседних дагестанских народов. Мусульманство среди чеченцев начало распространяться в связи с активной деятельностью Термола, силой заставлявшего его принять. Термол жестоко расправлялся с теми, кто отказывался принять ислам. «Не желавшие принять ислам не могли оставаться в стране, а потому во множестве уходили к русским, о чем свежи предания и по ныне» [6. с. 29].

Окончательное же принятие ислама чеченцами, по мнению того же У. Лаудаева, произошло под воздействием другой известной личности по имени Берса-Шейх, деятельность которого приходится на период после «добровольной смерти Термола». По мнению У. Лаудаева, Берсак (Берса) «имел влияние в народе, его называли имамом и шайхом (святым)» [7. с. 29]. В отличие от Термола, Берса-шейх, не был столь жестоким при распространении ислама, его методы и формы скорее носили мирный характер, нежели насильственный, судя по преданию, Берса-Шейх обладал даром предвидения будущего, что усиливало его авторитет. Благодаря этому его качеству, многие чеченцы, проживавшие на территории нынешнего Веденского и Ножай-юртовского районов, становились твердыми мусульманами.

Родоплеменные связи в Чечне были всегда сильны. И этот фактор сыграл свою особую роль и при принятии ислама. Новую религию принимали или отвергали целыми тайпами. Исключением стал единственный тайп – гуной, который одним из последних среди чеченских (нохчмохкоевских) обществ принял ислам. Это было позволено им потому, что проповедником ислама был Берса шейх, мать которого, рано овдовев, воспитывала сына среди своих одноплеменцев в селе Гуни.

К середине XVII века все чеченские тайпы, которые окружали гуной, приняли ислам, а Берса-Шейх терпеливо ждал, пока его родственники по материнской линии добровольно решат этот очень важный для них вопрос. Заставить их принять ислам силой, как это делалось в других сёлах, он не хотел. Не позволяли обычаи, которые предписывал и особо уважительное отношение к родственникам матери. Но после долгих уговоров Берсы-Шейха и его соратников, большинство гуноевцев, за исключением нескольких семей, приняли ислам, с учетом сохранения своих основных адатов и традиций.

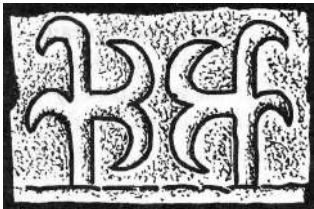
Те, кто отказался принять ислам – отказники. «Отказники» после жарких дискуссий вынуждены были покинуть родные места. И эта часть рода во главе с Оьрза (имя старшего из «отказников») перешла реку Терек и обосновалась

там. Это место впоследствии назвали поселением Оьрза (Оьрза гала). Русское название – станица Червлённая. Потомки Оьрза, естественно, «обрусели» и сегодня называют себя терскими казаками, хотя помнят, что они из рода гуной.

Таким образом, действительно, часть терских и гребенских казаков ведут свою родословную от тайпа гуной, т.е. являются его потомками.

Литература:

1. И. Попко. «Терские казаки с стародавних времен», вып. 1, СПб, 1880
2. Л. Н. Толстой. Собрание сочинений, М., 1948. Т. 9
3. Д. Ж. Гакаев. «Очерки политической истории Чечни», М. :Изд-во ЧКЦ, 1997.
4. И. М. Попов. «Ичкерия». Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870.
5. У. Лаудаев. «Чеченское племя». Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1872.

*Критика и литературоведение***Лидия Довлеткиреева****Восток и Запад в поэзии Раисы Ахматовой**

Кавказ занимает особое место на географической карте мира. Здесь обитают представители одной из древнейших цивилизаций, которые в силу огражденности от остального мира Главным Кавказским хребтом сохранили многие патриархальные традиции, этикет, предметы материальной и духовной культуры. На сегодняшний день сложился целый круг ученых-кавказоведов, которые тщательно изучают вопросы, связанные с идентичностью Кавказа, соотношением в регионе традиционных и инновационных элементов, проблемами образования и просвещения. Однако вопросы гендерной культуры и взаимопересечения разновекторных культур остаются наименее изученной областью в современном кавказоведении.

Кавказ не стоит на месте. Ни природно-географическая замкнутость, ни сильные патриархальные традиции не могут оградить регион от процессов глобализации и модернизации. В этих условиях актуальной становится задача изучения динамического развития кавказской гендерной культуры, которая, с одной стороны, имеет сильное притяжение к архетипическим, патриархальным корням (условно назовем этот полюс Востоком), а с другой стороны, подвержена влиянию новых феминистических влияний Центральной России, Западной Европы, США (Запада).

Что представляет собой гендерная картина сегодняшнего кавказского мира? Каков онтологический статус современной кавказской женщины? Какие трансформации переживает ее внешний и внутренний облик? Как горянкой Кавказа преодолеваются проблемы, связанные с гендерной асимметрией? Готова ли она подписать новый гендерный контракт с мужчиной? На эти вопросы по-своему отвечают историки, этнологи, психологи, социологи. Но особый уровень научной объективности могут предоставить литературоведы, если учесть, что любой качественный художественный текст является богатым источником этногендерных и ментальных знаний.

При надлежащем анализе гендерно маркированного текста можно получить всю необходимую информацию о социально одобряемых моделях женственности и мужественности в том или ином этноколлективе. В этом контексте авторитетный российский гендеролог Н. Л. Пушкарева подчеркивает значимость «женского нарратива» и «женских текстов», где автор «прорывается к собственному «Я» через шаблоны и стереотипы [Пушкарева, 2007: 311], то есть без оглядки на мужчин женщина репрезентирует собственное мировосприятие, высказывает свое субъективное мнение о должном и недолжном во взаимоотношениях полов. Учитывая подобную рекомендацию Н. Л. Пушкаревой, мы в качестве материала данного исследования избрали поэтические тексты ведущей чеченской поэтессы Раисы Ахматовой (1928-1992).

Раиса Ахматова – классик чеченской литературы. Женщина, чья судьба во многом определена временем: в Советском Союзе социальная роль женщины

значительно расширяется, ее права и свободы уравниваются с мужскими, пропагандируется и поощряется возможность получать образование, продвигаться по карьерной лестнице.

Р. Ахматова родилась в Грозном в простой рабочей семье. Она училась в 9-ом классе, когда чеченцев сорвали с родной земли и, объявив «врагами народа», отправили в ссылку в Казахстан и Среднюю Азию. Образование получила после возвращения из 13-летней депортации: Грозненское педучилище, Чечено-Ингушский госуниверситет, Высшие литературные курсы в Москве. Ее жизненная позиция была очень активной, поэтесса широко занималась общественной и политической деятельностью, занимала высокие посты: более двадцати лет она была председателем Союза писателей Чечено-Ингушетии, членом Правления Союза писателей РСФСР и СССР, долгие годы была председателем Верховного Совета ЧИАССР, возглавляла республиканские отделения различных организаций: Комитета советских женщин, Комитета солидарности со странами Азии и Африки, Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. За достижения в литературной, общественной и политической деятельности награждена множеством правительственных званий и наград, в том числе орденами «Знак Почета» и «Дружба народов». Ей присвоено звание народной поэтессы Чечено-Ингушетии. [Кусаев, 2005: 253]

Писать стихи Раиса Ахматова начала с 14-ти лет и издала десятки книг стихотворений и поэм на чеченском и русском языках в Грозном и в Москве. Кроме того, она часто путешествовала, выступала со своими произведениями в СССР и за рубежом. Ее поэзия переведена на многие языки мира. В США, Англии, Франции, Испании, Чехословакии, Финляндии, Германии, на Кубе и в еще более 30-ти странах знакомы с ее творчеством. [Горнов, 2018: 20]

Итак, в век советского феминизма, распахнувшего двери не только русским комсомолкам, но и раскрепостившего женщин-горянок, благодаря своей кипучей энергии и неповторимому таланту, чеченка Ахматова построила головокружительную карьеру и стала на Кавказе символом своей эпохи, а потому по праву несла свой поэтический дар как миссию «говорить от имени горянок...» [Ахматова, 2009: 25]

Лирическая героиня Р. Ахматовой – сильная женщина, ищущая борьбы и преодолевающая любые жизненные перипетии, ей претит состояние покоя.

Она ломает стереотип женщины-домохозяйки и хранительницы очага. И зачастую отказывается от гендерных акцентов, подчеркивая, что является человеком. Поэзия Ахматовой антропоцентрична: человек – вершина творения, и он способен на великие свершения:

Я человек, я вышла в путь опять:

Иду трудом одолевать преграды.

Даже слезы не являются проявлением «женской слабости», это всего лишь выражение чувств обычного человека, а не специфический женский маркер:

Я человек: он плачет и смеется,

Но я боролась с бурями всегда.

(«Все в жизни мне давалась нелегко») [Ахматова, 2009: 8]

Зараженная советской идеологической бактерией преобразования действительности, в которую искренне верили миллионы граждан СССР, ее героиня настроена на созидательный труд в масштабах всей Вселенной:

Я землю люблю. И поэтому землю

Всю жизнь переделывать, строить хочу.

(«Я землю люблю») [Ахматова, 2009: 9]

Традиционно воспринимаемые в обществе маскулинными концепты «СТРОИТЬ», «БОРОТЬСЯ», «ПОБЕЖДАТЬ», «ПРЕОДОЛЕВАТЬ», «ДЕЙСТВОВАТЬ» в художественной картине мира Ахматовой входят в сферу естественных задач любого человека, независимо от гендерной принадлежности. При этом, перечисляя виды деятельности, она к традиционно женским обязанностям «растить детей», «печь чурек» прибавляет те, в которых горское общество многие века отказывало прекрасной половине человечества: «слагать стихи», «строить города», не разделяя «феминное» и «маскулинное».

Каждый человек ответствен за мир, каждый – Атлант, на чьих плечах он держится, но и тут могущество героя древнегреческого мифа, его мощь перекрывает нежность образного мышления истинной женщины-горянки, обязательным атрибутом которой является традиционный головной убор: «На мне, как шарф чеченский, облака» [Ахматова, 2009: 55] Отметим, что на большинстве фотографий сама Раиса Ахматова предстает без платка, выглядит современно. В советскую эпоху феминизация горянки коснулась и ее внешности.

Поэтесса презрительно относится к пережиткам прошлого, например, к приметам, называя их «бабьими выдумками» [Ахматова, 2009: 9]. Не в талисманы надо верить, а в людей, в их силу духа и безграничные возможности.

В центре англосаксонского антропоцентризма – «самосделанный человек» – self-mademan [Гачев, 2011: 14]. Поэт Р. Ахматова была именно таким «самосделанным человеком» как в творчестве, так и в общественно-политической жизни и пропагандировала этот образ во многих своих произведениях, хотя и освобождала его от налета западного индивидуализма. Будучи подвержена советской идеологии коллективизма, образ труженика-созидателя, которому подвластны и космос, и земные дела, она нацеливала на решение общечеловеческих задач заботы о планете, о людях, о мире.

Свой век она считает «необычайным» [Ахматова, 2009: 7,8] именно потому, что человек сам распоряжается своей судьбой, все в его власти. Но сильная личность у Р. Ахматовой не бесполое существо, как может показаться. Феминизм не убивает «инь». Наоборот, женское начало придает дополнительные силы, позволяя чувствовать глубже и максимально познавать мир не только разумом, но и душой. Материнство в этом контексте является источником нравственных и духовных соков, питающих и обогащающих сущность человека-борца и преобразователя земли:

Нет, не в обход я шла, а только прямо,

И не вела я перевалам счет,

Меня в дорогу провожала мама...

Теперь со мною рядом сын идет!

(«Остановись, повремени, мгновенье») [Ахматова, 2009: 8]

Мотив дороги в поэзии часто ассоциируется с жизнью, поиском ее смысла, судьбой. В ахматовской лирике этот неновый символ довольно частотен, однако поэт (а себя Раиса называет только так, как и ее гениальная однофамилица Анна Ахматова), как истинный художник и философ, расширяет границы этого концепта. Тема жизни и смерти очень волнует ее воображение. И уход воспринимается как следующий этап пути, как будто жизнь была всего лишь остановкой, а смерть и есть настоящая дорога. Вот обращение к судьбе в стихотворении «Когда я оглянусь перед уходом»: «Мы славно пожили. В дорогу». [Ахматова, 2009: 10] Нет страха перед смертью, хотя сама смерть не имеет каких-то конкретно выраженных трансцендентальных форм. В такой готовности спокойно перейти «рубикон» чувствуется влияние Востока: мудрость человека, чья совесть чиста перед Богом и людьми, умиряет боязнь и приносит умиротворение, ведь впереди вечность, испытание земной жизнью закончилось. Все это нам видится в подтексте короткой ахматовской фразы «В дорогу». В то же время философия смерти и бессмертия у Раисы Ахматовой выстраивается на глаголе «ОВЛАДЕТЬ», в котором содержатся излюбленные мотивы победы и преодоления, не характерные для «восточной» психологии:

Я знаю, чтобы овладеть бессмертьем,

Нельзя бояться, нужно видеть смерть.

(«Бессмертие») [Ахматова, 2009: 22]

Перетекаемость вещей и явлений, связь времен, причинно-следственные отношения в исторической спирали создают ощущение вечности жизни, что дает право заявить: «Я жила задолго до рождения. / Я грелась у пещерного костра». В этом можно прочесть восточный подтекстовый мотив переселения душ. Хотя, конечно, опосредован он именно широтой души самого поэта, вмещающей все тайны прошлого и будущего, а также вневременным характером настоящего искусства, способного прожить тысячи жизней и предстать в тысяче масок и лиц, ролей и сценариев. В лирике Р. Ахматовой Память и Время – контекстуально синонимичные понятия. Мы находим в этом влияние античной философии. Так, Платон трактовал процесс познания как припоминание: человек уже все знает, нужно лишь вспомнить в земной жизни то, что душа наблюдала в мире идей.

Несмотря на ярко выраженную антигендерную позицию произведений поэтессы, ориентированную не на мужчину или женщину, а на человека, в котором доминирует западное «делать», а не восточное «созерцать», поэтика Раисы Ахматовой находится под влиянием двух факторов: ландшафта родного края (природно-архитектурного) и женской души и телесности. Размышляя о предназначении поэта, она называет свою «песнь» «девочкой босой», а суть своей поэзии видит в «любви к народу» [Ахматова, 2009: 7], стихосложение сравнивает с горным потоком [Ахматова, 2009: 67], луну с клинком [Ахматова, 2009: 87]. Вот «облако к груди горы приникло». [Ахматова, 2009: 28] Себя Раиса Ахматова ассоциирует с чинарой, а именно – с «поющей чинарой», горные перевалы – с жизненными препятствиями, свою жизнь сравнивает с открытостью гор, и в то же время советует искать, «что за горами скрыто». Описывая пейзаж Сибири, использует кавказскую метафорику: «Березки тонкие, как газыри» [Ахматова, 2009: 34]. И благодарность московским педагогам выражает самым

ценным даром родной земли – водой родника в горском кувшине. [Ахматова, 2009: 31] Иногда мотив борения выводит на «мужские» образные средства. Так, подготовка к новому дню проходит, «как будто в схватке рукопашной». И в тот же текст врывается «женская» чувственность: «И ветер обвеваает камень, ниспосылая поцелуй». [Ахматова, 2009: 29]

Любовная лирика Раисы Ахматовой формирует образ женщины, познавшей восторг истинного чувства и разочаровавшейся в любимом. Она испытывает счастье и боль, проходит через предательство, фальшь, холод и ложь разлюбившего мужчины, но все же движется дальше, не утрачивает оптимизма. Чувство любви к мужчине не заслоняет огромный мир, оно не равнозначно миру по своим масштабам, да, оно велико, боль бездонна, но сильная и гордая героиня способна и это превозмочь, она не верит, что «сказки порою кончаются / Победой зла над добром», ведь сказка – это и есть твой жизненный путь, надо только распахнуть дверь и увидеть: «земля <...> расстилается чистым своим серебром» [Ахматова, 2009: 19] В выражении глубоко личных переживаний Ахматова повосточному сдержанна, хотя порой она преодолевает этот психологический барьер и выходит на уровень западной откровенности. И тогда врываются в ее завуалированный стих, в котором нет необходимости даже само слово «любовь» произносить и уж тем более клясться в ней (вспомним есенинского менялу: «О любви в словах не говорят») – лексемы «поцелуй», «объятья» и словосочетание «неистовство ночей бессонных». [Ахматова, 2009: 18]

Несмотря на то, что сердце героини обожжено равнодушием или предательством, оно открыто для любви и нежности. Над счастьем, считает поэтесса, надо работать, оно не дается без труда. Существует представление о том, что женщина воплощает сферу чувств, а мужчина – сферу разума. Если следовать этой дихотомии, то декларативно в поэзии Раисы Ахматовой доминирует «ян» (деятельность, разум, труд), но побеждает «инь», потому что хоть счастье и не дано без труда, но решающим аккордом вносится ясность, что без любви оно невозможно. [Ахматова, 2009: 29]

Раиса Ахматова, действительно, становится голосом привыкших молчать горянок, но она не кичится этим, наоборот, признается, что находится у них в долгу, ведь они доверяют ей свои чувства, но так нелегко «сто судеб воплотить в одно искусство». [Ахматова, 2009: 25] И сила ахматовской героини имеет женские истоки – это общая сила сестер-горянок.

«Ролевой дуализм» лирической героини Раисы Ахматовой проявляется в удивительно гармоничном сочетании силы и слабости, уверенных, чеканных интонаций и нежного, тонкого лиризма, мужественности и женственности. «Могучая женская слабость» [Ахматова, 2009: 35] – оксюморон, характеризующий этот естественный для поэтессы симбиоз мужского и женского начал в ее творчестве и судьбе.

Р. Ахматова – настоящий интернационалист, от Кавказа до Алтая летает она не только наяву, но и во сне [Ахматова, 2009: 49], посвящает стихотворения японской вишне, русскому коммунисту, признается в любви к русской сказке: «Люблю я неподдельность русской сказки, как эпоса чеченского страницы». [Ахматова, 2009: 47]

В стихотворении «Кипарис» Раиса Ахматова противопоставляет «свое» и «чужое». Аллегорически кипарис можно рассматривать как модель западного универсума, а чинару, соответственно, как символ Кавказа. В то же время грамматический мужской род фитонима «кипарис» дает основание ассоциировать это дерево с мужчиной, а принадлежность к женскому роду чинары олицетворяют ее с женщиной. Во внутреннем конфликте Запада и Востока, маскулинного и феминного, который не является выраженным как вражда, а, скорее, как борьба за доминирование, все-таки, по признанию поэтессы, побеждает чинара. Описывая достоинства стройного красавца кипариса, она восклицает: «Я признаю тебя!» – но «Мне нужнее чинара возле сакли <...> Она нежнее, и она родней». [Ахматова, 2009: 85] «Признаю» – это действие разума, а «нежнее и родней» – это качественные характеристики из области эмоций.

Анализ творчества Р. Ахматовой дает основание сделать вывод о том, что ее поэзия открыта миру, она впитывает достижения мировой цивилизации, из чужих культур вбирает то, что способствует движению вперед, прогрессу, обогащает эстетически и духовно, но в то же время сохраняет свой неповторимый кавказский колорит, который носит не атрибутивный характер, а является встроенным в художественное пространство текстов на основе национального мировидения, миропонимания и чувствования, впитанного с молоком матери. Проникновение западных ценностей в лирическую матрицу художественного слова происходит сквозь сито национально сформированных идеалов, которые являются мерилем нравственного и прекрасного.

Список литературы

1. Ахматова Р. Избранное. Край любви. Стихи, поэмы. (Библиотека чеченской литературы. Т.5). М., 2009. – 223 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. М., 2011. – 424 с.
3. Горнов А. Лирика гор Раисы Ахматовой // Вайнах. 2018. №4. С. 15-20.
4. Кусаев А. Д. Писатели Чечни. Грозный, 2005. – 410 с.
5. Ерохина Л. Гендерология и феминология: учеб.пособие. М., 2009. – 384 с.
6. Лукин Ю. Ф. Конфликтология: управление конфликтами. М., 2007. – 799 с.
7. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. – 496 с.
8. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. – 256 с.
9. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М., 2002. – 640 с.
10. Хараева Л. Ф., Кучукова З.А. Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). – Нальчик, 2018. – 192 с.

Рауль Вагапов

Развитие библиотечного дела в Чечне и Ингушетии в 1920-1980-е годы

В сегодняшний век цифровых технологий человечество постепенно уходит от контактов с печатной продукцией, в том числе и с книгами. Значение книги стремительно падает и, кажется, эта тенденция необратима.

На примере чеченцев, несколько раз лишившихся за одно столетие абсолютно всех своих достигнутых упорным трудом приобретений, можно приводить наглядные примеры бесценности, истинного смысла и значения такого понятия, как «культурное наследие», а оно тесно переплетается с историей, которую хранят в себе для потомков различного рода печатные материалы и рукописи.

Библиотечное дело является неотъемлемой частью культурного развития общества. Его состояние, как важной части культуры и образования, идеально показывает степень самочувствия духовности любой общности. Это и есть, пусть не единственный, но доминирующий показатель творческого и интеллектуального потенциала людей.

Глава 1.

История становления библиотек и библиотечного дела в нашем крае в 1920-1940 гг.

Не секрет, что библиотеки и в целом библиотечное дело в Чеченской Республике имеет довольно богатую историю становления и развития. В регионе всегда любили читать, ценили писательский труд, бережно относились к книгам, получали от этого удовольствие, глубоко изучали свою историю.

Библиотеки, как правило, на ранней своей стадии (до Октябрьской революции 1917 г.), открывались в Грозном по частной инициативе. Следует полагать, что были и личные домашние библиотеки, владельцами которых являлись люди достаточно состоятельные, творческая интеллигенция, духовные лица.

Если говорить о первом книжном общественном учреждении, то им являлась городская публичная библиотека, открытая в 1904 году¹.

В своих краеведческих этюдах «Страницы истории города Грозного» Алексей Казаков пишет, что на протяжении всего XIX-го века нынешняя столица Чечни представляла собой населенный пункт с «торгашами и заводчиками», без элементарных условий для нормальной жизни и при этом периодически уходящий из-за наводнений под воду².

В период деятельности первой городской думы Грозный был беднее всех других городов Терской области. Он не имел ни собственной больницы, ни даже

¹ Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный, 1981. – С. 51.

² Казаков А.И. Страницы истории города Грозного.

городского училища. И если бы не открытие богатейших нефтяных залежей, которые в это время начали усиленно разрабатывать, Грозный так и остался бы захудалым городишкой царской России³.

В своей работе автор пишет о действовавшей с 28 ноября 1863 года в Грозном горской школе, которую власти города не могли обеспечить даже библиотекой. Вопрос был решен за счет пожертвований горожан.

«Уже в первые дни организации школы администрация попала в затруднительное положение: на те жалкие гроши, которые ей были отпущены, она не смогла приобрести учебники, пособия, создать хотя бы небольшую библиотеку. Общественность Грозной собрала необходимую сумму. Библиотека была создана и в дальнейшем пополнялась за счет пожертвований, сыграв заметную роль в культурной жизни города. С 1865 года она была открыта для всех горожан»⁴.

Исходя из вышесказанного следует что отсчёт истории становления библиотек Грозного ведется с 1904 года – с начала работы грозненской публичной библиотеки.

Об этом же пишет в книге «Записки краеведа» Александр Ваксман. Свидетельства, которые он приводит, заслуживают полного доверия, учитывая, что в послевоенные годы А. Ваксман работал в инспекции государственного архитектурно-строительного контроля города и участвовал в составлении третьего генерального плана. Позднее он занимал должность архитектора Грозного. Его книга «Записки краеведа» посвящена истории родного города.

На одной из страниц автор описывает здание, в котором располагалась первая публичная библиотека. Он также упоминает основателя учреждения и первого библиотекаря, рассказывает, за счет чего пополнялся книжный фонд, которого не хватало.

В октябре 1904 года в центре Грозного открылась первая в городе общественная библиотека. Одним из ее основателей был учитель Константин Иванович Бакрадзе, а первым библиотекарем – Капитолина Ивановна Петрова. Книжный фонд собирался постепенно, из даров граждан города⁵.

Ваксман пишет, что средства на приобретение текущей литературы – журналов, газет, а также на содержание библиотеки, составлялись за счет сборов, получаемых от благотворительных вечеров, концертов и гуляний в городском саду. Открытие библиотеки стало настоящим событием для грозненцев. К слову, в указанном 1904 году в Грозном насчитывалось 23 012 жителей (главным образом, рабочих).

Между тем, новая библиотека быстро приобрела большую славу среди горожан. По нерабочим дням туда приходило больше людей, приезжали даже с окрестностей и нефтепромысловых участков. В результате, местом массового сбора жителей заинтересовалась полиция.

Как показало дальнейшее развитие событий, основания для внимания к учреждению у властей действительно были. Выяснилось, что библиотека усилиями Константина Бакрадзе превратилась в настоящий революционный клуб.

³ Там же.

⁴ Казаков А. И. Страницы истории города Грозного.

⁵ Ваксман А. А. Записки краеведа.

Здесь бывали крупные политические деятели. В период 1904-1905 годов ее не раз посещал Иван Фиолетов (один из 26 бакинских комиссаров). Прибыл он в Грозный для создания и укрепления Грозненской организации РСДРП и сплочения рабочих вокруг большевистской партии. Фиолетов руководил двумя всеобщими забастовками грозненских рабочих – декабрьской в 1904 году и январско-февральской в 1905 году.

В 1917 году библиотечное дело в регионе стало быстро развиваться.

Политика новой установившейся советской власти противоречиво отразилась на состоянии библиотечного дела. С одной стороны, впервые на уровне руководства государства, вопросам библиотек начали уделять внимание, но с другой – преследованиям была подвергнута значительная часть представителей творческой интеллигенции, ученых, общественных деятелей, духовенства и т.д.

Таким вошел в историю первый период после революции, который принес репрессии в отношении видных деятелей. Жесткой чистке подверглись как публичные, так частные книгохранилища.

Волна уничтожения документальных материалов в мечетях, при мечетских библиотеках и частных коллекциях, касающихся прошлой истории, пришлось на 1918-1938 годы. Многие хранители документов, будучи муллами, кадиями, вероучителями, подвергались преследованиям органами ВЧК⁶.

В апреле 1920 г. все библиотеки, находившиеся в Грозном, были объявлены достоянием государства. Почти одновременно с этим началась национализация частных типографий, а также всех запасов книг и иных печатных изданий⁷. К концу 1920 года в Чечне имелось 6 библиотеки и изб-читален, а в 1924 году в Чечне действует 13 изб-читален⁸.

В 1921 году была создана научно-техническая библиотека объединения «Грознефть», которой в 30-х годах был придан статус опорной научно-технической библиотеки Наркомтяжпрома СССР.

Библиотека осуществляла методическое и организационное руководство 42 техническими библиотеками в 17 городах и поселках Северо-Кавказского края. В 1926 году была основана научно-техническая библиотека института Гипрогрознефть⁹.

В 1922 году в Грозном состоялось открытие «Дома чеченца». В нем также была предусмотрена библиотека. Сообщается о большой популярности «Дома чеченца», в котором только в год открытия за один декабрь остановилось 372 человека¹⁰.

После провозглашения в 1925 году программы индустриализации государства, в чеченской столице начали появляться новые здания, как жилые, так и соцкультбыта.

И здесь уже у Ваксмана появляется следующее упоминание о проекте здания

⁶ Ибрагимов З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период.

⁷ О развитии культуры Чечено-Ингушетии: цифры и факты // Блокнот агитатора.

⁸ О создании библиотек-передвижек // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920-июнь 1941г.): Сб. документов материалов.

⁹ Яндарова С.Х. Работа культурно-просветительных учреждений в Чечне (20-30-е гг. XX в)

¹⁰ Агаджанов Ю.Г. Политико-просветительская и агитационно-массовая работа Чечено-Ингушской парторганизации в годы переходного периода // Актуальные проблемы социалистического строительства в Чечено-Ингушетии.

в Грозном, в котором предполагалось разместить, библиотеку с читальней. Но проект не нашел одобрения представителей местных советских властей.

В целом, к 1925 году в Грозном уже действует сеть библиотек, в которую входят 1 центральная библиотека, 1 центральная читальня, 18 передвижных библиотек и 1 школьная библиотека¹¹.

В 1926 году была основана научно-техническая библиотека института «Гипрознефть», которая проводила информационно-методическую, культурно-просветительскую работу¹².

В 1931 году состоялось еще одно замечательное событие в культурно-просветительской жизни Чечни: в Заводском районе Грозного состоялось открытие большого здания Дворца культуры им. В.И. Ленина.

Подобного по размерам и первоклассному оборудованию рабочего Дворца культуры, по словам А. Ваксмана, в те годы не было на всем Северном Кавказе. И хотя автор не упоминает про крупную библиотеку, располагавшуюся на целом этаже дворца, в других источниках такие сведения имеются.

Бывший главный инженер Грозненского цирка, а затем начальник Проектно-конструкторского бюро Производственно-Товарной конторы (ГЗТНП) Владимир Хангельдиев пишет, что в Грозном в советское время были построены образцы конструктивистской архитектуры.

Самым ярким из них он называет Дворец Культуры им. Ленина.

Здание, строительство которого было завершено в начале 1931 года, было самым большим подобного рода на Северном Кавказе и имело необычную форму. В нём было несколько залов для посетителей, большое фойе, работали различные кружки. Здание было разрушено в 1995 году.

«С тыльной стороны ДК, во дворе, был оборудован летний кинотеатр. Я упустил еще одну деталь, на втором этаже Дворца размещалась большая библиотека с двумя отделениями: художественной и научно-технической литературы, а рядом – читальня комната. В библиотеке насчитывалось около миллиона книг. К слову, как только я научился читать в первом классе в 1934 году, сразу же записался в эту библиотеку, и так как в руки давали по одной книге, я попросил своих родителей также туда записаться. Таким образом, я за одно посещение брал по три книги в неделю, но так как больше не давали, приходилось ещё подворовывать»¹³.

В 1934 году состоялось объединение Чеченской и Ингушской автономных областей, в связи с чем библиотека получила название Чечено-Ингушская областная библиотека.

В 1936 году Чечено-Ингушская область была преобразована в республику, а библиотека обрела статус республиканской.

Охваченные в этой главе двадцать лет стали успешными в деле становления и развития библиотек и библиотечного дела, но трагическими для литературного

¹¹ Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев и с древнейших времен.

¹² Даев Х.-Б. Б. Культура Чеченской Республики.

¹³ Хангельдиев В. Конструктивизм в Грозном.

сообщества Чечни. Было арестовано, репрессировано и расстреляно большое количество писателей. В целом про утраты, которые понесла культура республики в период ряда трагических страниц, будет сказано в следующих главах.

Глава 2. Ущерб, нанесенный национальному культурному наследию чеченцев в 1944-1957 гг.

Первая половина двадцатого века нанесла много непоправимого ущерба и урона архивам, книжному фонду городских и сельских библиотек Чечено-Ингушетии. Репрессии и сталинская насильственная депортация в 1944 году полностью уничтожили наследие ученых и выдающихся деятелей чеченского народа. Остались только упоминания в других научных трудах, которые образно дают представление, насколько бесценных архивов лишились чеченцы.

К примеру, авторы XVIII-XIX вв. писали, что «чеченцы издавна интересовались вопросами своего происхождения, языка, истории, что находило отражение в их сочинениях на арабской графике. Д. А. Милютин отмечал, что чеченские ученые-арабисты занимались поисками следов своего прошлого. Умалат Лаудаев, первый чеченский этнограф, подчеркивал, что при написании своей работы «Чеченское племя» пользовался рукописью на арабском языке, содержащей перечень событий в Чечне и в целом на Кавказе. Писатель Д. Гатуев упоминал «родовые книги чеченцев, хранящиеся в тайниках фамильных летописцев». «В этой связи, – отмечает Ф. В. Татоев, – нельзя не упомянуть без сожаления об оставшихся в забвении собственных чеченских летописях, хрониках-таптирах, написанных арабским алфавитом на чеченском языке... это, бесспорно, уникальные источники, значение которых определенно выходит за пределы собственной чеченской культуры¹⁴.

Эти и многие другие неизвестные труды не сохранились. В 44-м году чеченский народ был выслан, а все архивы изъяты и уничтожены.

Сталин отдал приказ уничтожить всё, что могло напоминать о существовании чеченского и ингушского народов¹⁵.

Общеизвестно следующее: до упомянутых выше трагедий книги чеченских авторов были представлены как в общественных фондах (публичные библиотеки, различных систем и ведомств), так и в личных (частных) собраниях.

В последнем случае очевидно, что была подавляющая часть печатного и рукописного материала, учитывая, что сеть библиотек не так широко охватывала республику и только начинала свое становление.

Уже на первом этапе выселения по распоряжению властей происходило повсеместное изъятие национальных изданий из фондов библиотек как общедоступных, так и специализированных – имеются в виду библиотеки

¹⁴ Цит. по: Гапуров Ш. А., Умхаев Х. С. Проблемы этногенеза и древней истории чеченцев. // Материалы I Международного нахского научного конгресса. // Грозный. 11-12 сентября 2018 г. С. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Осмаев М. До сих пор... тянется шлейф тех бед и страданий. // Вести республики – 2014 - №73.

научно-исследовательских учреждений¹⁶.

Книги, изъятые из библиотек г. Грозного, уничтожались путем сжигания в сквере возле Республиканского дворца пионеров и школьников (рядом с площадью им. Ленина). Аналогичные костры горели в районных центрах, куда доставлялась литература, изъятая из сельских и школьных библиотек. Среди уничтоженных во время выселения частных библиотек наибольшее сожаление вызывают семейные библиотеки известных чеченских алимов, в частности, прославленная библиотека Сугаип-муллы Гайсумова¹⁷.

Хотя факт сожжения архивов документально нигде не зарегистрирован и не описан, подробные обстоятельства уничтожения книг были известны достаточно в широкой массе. В домах горцев, мечетях, музеях забирались ценные украшения, древние рукописи, религиозно-философские трактаты, арабоязычные книги по математике, астрономии, медицине, исторические хадисы, древние предания на арабском и родных языках¹⁸.

Одним из очевидцем тех событий являлся, по имеющимся материалам, директор окружной библиотеки им. Чехова Иван Сергеев. Про него упоминается и в совместной монографии братьев Мусы и Мовсура Ибрагимовых.

«Когда в 1944 г. солдаты начали бесчинствовать в бывшей Республиканской библиотеке, стали свозить и сжигать книги и бесценные рукописи на чеченском и ингушском языках, бывший директор библиотеки им. А. П. Чехова, русский интеллигент Иван Сергеев, рискуя своей жизнью, спас их и в течение 13 лет хранил у себя, веря, что придет время, когда они будут возвращены жителям, вернувшимся на родную землю»¹⁹.

К слову, перед началом ВОВ писательская организация республики была фактически разгромлена.

Масштабность принятых в те годы мер по искоренению любых признаков культурной, да и в целом всей истории чеченцев, поражает сознание даже по истечении почти 100 лет. По всей республике переименовывались улицы, площади и населенные пункты все, что могло напомнить о пребывании чеченцев, стиралось и разрушалось.

Маленькие, но очень показательные детали: ни в каких официальных документах и газетных публикациях тех времен о депортированных народах не упоминалось.

Даже в Большой Советской Энциклопедии, изданной в 50-х годах прошлого века, депортированные нации (в том числе и чеченцы) не отмечены.

Историк и писатель Чеченской Республики Саид-Хамзат Нунуев пишет, что без строк о чеченцах мог выйти и 51-й том БСЭ.

«В 1954 году, когда готовилась к изданию Большая Советская Энциклопедия, Юнусу Дешериеву, как ученому-языковеду, поручают написать отзыв о статье «СССР», а именно – по разделам «Население» и «Языки народов СССР». Обнаружив, что в статьях вообще не упоминаются ни единым словом

¹⁷ Там же.

¹⁸ М. Ибрагимов. Как делили имущество спецпереселенцев. //Вайнах. - 2004. №8.- С. 52.

¹⁹ М. Ибрагимов, Чечня: через круги ада.

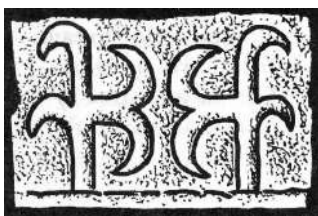
репрессированные народы – чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки и другие, Юнус Дешериев письменно заявил Н. С. Хрущеву о явном упущении составителей БСЭ. После этого письма и переговоров с работниками ЦК КПСС в БСЭ был включен 51-й том, где упоминалось о всех репрессированных народах, в том числе о чеченцах и ингушах»²⁰.

Следующая показательная деталь: этнической чистке в те годы подвергли и первого чеченского художника Петра Захарова, умершего, казалось бы, к моменту депортации чеченцев, век назад.

«В 1944 году, после депортации чеченцев, его тоже «репрессировали». Его фамилию вычеркивали с полотен, изымали из каталогов. Многие работы долгое время приписывались другим художникам. Теперь возвращать имя его картинам очень трудно, изменение авторства порою вызывает бурную реакцию со стороны некоторых исследователей»²¹.

Справедливости ради следует отметить, что к истории этого портрета исследователи обращались не раз. Впервые смена авторства произошла ещё в 1905 году, когда в газетном репортаже о лермонтовской выставке был упомянут портрет работы Будкина²².

Продолжение следует.

²⁰ Нунуев С.-Х. М. Чеченцы. //Электронная Библиотека - Литмир // С., 88.

²¹ Шахбиева М. Загадочная история Захарова-Чеченца. //Эл.ресурс. Это Кавказ.

²² Захаров В. А.: К атрибуции портрета М. Ю. Лермонтова 1834 года, приписываемого Будкину.

<http://lermontov-lit.ru/lermontov/public/zaharov-k-atribucii-portreta-lermontova.htm>.

